
НОЙ
ՆՈՅ
17

НОЙ

АРМЯНО-ЕВРЕЙСКИЙ ВЕСТНИК

ИЗДАТЕЛЬ
И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАРДВАН ВАРЖАПЕТЯН

МОСКВА
1996

СПАСИБО
ВЫ ОЧЕНЬ ПОМОГЛИ ВЕСТНИКУ «НОЙ»!

Карен АВЕТИКЯН
Александр АЛАВЕРДЯН
Мария АРБАТОВА
Лариса БЕЛАЯ
Кнут БРИНХИЛЬДСВОЛЛ
Александр ГИРШОВИЧ
Вениамин ГОРОДЕЦКИЙ
Леонид ГОФМАН
Светлана ГРОМОВА
Даниил ДОМБРОВСКИЙ
Виктория ДУБНОВА
Лев ДУГИН
Георгий ИСАГУЛИЕВ
Паруйр ИСАГУЛИЕВ
Ирина ИСАГУЛИЕВА
Татьяна КАЖДАН
Леопольд КАЙМОВСКИЙ
Шандор КАЛЛАШ
Евгений КЛОДТ
Янош КОВАЧ
Иоахим КОГАН
Татьяна КОНОНЕНКО
Юрий КОНОНЕНКО
Александр МЕЛИКЯНЦ
Илья МИЛЬШТЕЙН
Самуил МИРИМСКИЙ
Вера МУРЗИНОВА
Яков НЕЙМАН
Николай НИКОГОСЯН
Григорий ОСИПОВ
Лиля ПОПОВА
Владимир ПЛИСС
Михаил РОМАДИН
Михаил РУМЕР
Бэла ТУМЯН
Ефим ФАВЕЛЮКИС
Камо ХАЧПАНЯН
Манук ШАМИРОВ
Борис ШАПИРО
Николай ЭСТИС

а так же

Ансамбль еврейской музыки "МИЦВА"
Библиотека № 5 им. А.П.Чехова
Компания "КРУНГ"
Мужской хор Академии канторского искусства

ИЕРУСАЛИМУ-3000 ЛЕТ

Возрадовался я, когда сказали мне:
"пойдём в дом Господень".
Вот, стоят ноги наши во вратах
твоих, Иерусалим, — Иерусалим,
устроенный как город, слитый в одно,
куда восходят колена, колена Господни,
по закону Израилеву, славить имя Господне.
Там стоят престолы суда,
престолы дома Давидова.
Просите мира Иерусалиму:
да благоденствуют любящие тебя!
Да будет мир в стенах твоих,
благоденствие — в чертогах твоих!
Ради братьев моих и ближних моих
говорю я: "мир тебе!"
Ради дома Господа, Бога нашего,
желаю блага тебе.

Псалом 121.

Йегуда АМИХАЙ

Иерусалим — это порт на берегу Вечности.
Храмовая гора — огромный увеселительный корабль.
Из люков его Западной стены выглядывают святые,
Веселятся, отчаливают. Хасиды на берегу —
Машут им вслед. Кричат ура. А он —
Всегда прибывает, всегда отплывает. Ограды, пристани,
Полисмены, флажки, высокие мачты церквей
И мечетей и трубы синагог, шлюпки славословий,
Волны гор. Рог протрубил: ещё один корабль отбыл.
Матросы Судного дня в белой форме
Шастают вверх и вниз по вантам проверенных молитв.

И этот торг, и городские ворота, и золотые купола:
Иерусалим — Венеция Господа Бога.

перевод с иврита Владимира Глозмана

Рина ЛЕВИНЗОН

ИЕРУСАЛИМ

Трубным звуком,
Отсветом теней
Меня окликает Иерусалим.
Он, словно камень,

Упавший в меня, как в воду.
И круги моей жизни
Расходятся и смыкаются
Вокруг него.

Булат ОКУДЖАВА

РОМАНС

В.Никулину

В Иерусалиме первый снег.
Побелели улочки крутые.
Зонтики распахнуты у всех —
красные и светло-голубые.

Наша жизнь разбита пополам,
да напрасно счёт вести обдам.
Каждому воздастся по делам,
грустным, и счастливым, и забытым.

И когда ударит главный час
и начнётся наших дней проверка,
лишь бы только ни в одном из нас
прожитое нами не померкло.

Потому и сыплет первый снег.
В Иерусалиме небо близко.
Может быть, и короток наш век,
но его не вычеркнуть из списка.

Вениамин БЛАЖЕННЫХ

Сколько лет нам, Господь?.. Век за веком с тобой мы стареем,
Помню, как на рассвете, на въезде в Иерусалим
Я беседовал долго со странствующим иудеем,
А потом оказалось — беседовал с Богом самим.

Это было давно, я тогда был подростком безусым,
Был простым пастухом и овец по нагориям пас,
И таким мне казалось прекрасным лицо Иисуса,
Что не мог отвести от него я восторженных глаз.

А потом до меня доходили тревожные вести,
Что распят мой Господь, обучавший весь мир доброте,
Но из мёртвых воскрес — и опять во вселенной мы вместе,
Те же камни и тропы, и овцы на взгорьях всё те.

Вот и стали мы оба с тобой, мой Господь, стариками,
Испытали судьбу и в гробу побывали не раз,
И устало садимся на тот же пастушеский камень,
И с тебя не свожу я, как прежде, восторженных глаз.

Майя БОГУСЛАВСКАЯ

ИЕРУСАЛИМ

Я открываю книгу бытия,
Пропахшую веками, пылью, тленом.
Я здесь была — и не было меня.
Всё те же пальмы, купола, ступени.
Строения террасами окрест,
Долина переполнена камнями.
Над городом парит огромный крест.
И у меня — поменьше — за плечами.

Семён ГРИНБЕРГ

ИЕРУСАЛИМСКИЙ АВТОБУС

Есть в Эрец-Исраэль прохладные места —
Не так, как на Руси, когда в печи поленья
Расцвечивает вмиг тугая береста
И к чаю подают клубничное варенье,
А всё наоборот. Ещё без языка,
Сгибая пальчики, считают остановки,

Две рыжие, две божие коровки,
Сошедшие с хасидского лубка.
Их шепоток почти не уловим
И холодок почти непримечаем,
И нынче как сказать "Иерусалим",
Когда на самом деле он Ерушалаим.

Вадим РОССМАН

ПО ИЕРУСАЛИМУ С ЛЮБОВЬЮ В ПОИСКАХ ДУЛЬСИНЕИ

эссе

Есть города и города. Есть города, которые пахнут акацией и морем и влекут в свою глубину капиллярами просторных улиц. Есть города, подавляющие своей грандиозностью и заставляющие ощутить своё одиночество и никчёмность. Есть города туманные и сырые, где не видно ни зги. Есть города, нависающие, как горы, и шумные, как Ниагарский водопад. Есть города грандиозные и величественные, куда входишь содрогаясь и выходишь трепеща. Есть вечные города, где ходят на цыпочках, боясь спугнуть неприкаянно бродящую по ним тенью короля Лира вечность. Существуют города, в которых, сколько ни ищи, нет центра, города, состоящие из одних окраин. Есть города, где мостовые хранят память о весёлых весенних карнавалах и где ожидание карнавала определяет ритм и распорядок жизни. Есть города, куда приезжают на охоту за временем, где подстерегают секунды, одержимые страстью к мгновению.

Есть города-вулканы, которые, кажется, вот-вот взорвутся революцией, города-крепости, возвышающиеся неприступностью своих стен. Есть также города, одержимые вечной стихией, города набережных и мостов, где в ночной воде неизменно перемигиваются разноцветные огоньки. Есть города и с другими огоньками, огоньками маленьких кафе и дымящихся сигарет: здесь на бульварах днём и ночью можно встретить много красивых женщин. Если их может быть много... Есть города, ослепляющие огнём автомобильных фар, где улицы всегда пахнут во-

кзалом и сиренью, а потом неизменно завлекают в тёмные лабиринты метрополитена. Существуют города, которые кажутся чужими даже тем, кто в них родился. Впрочем, большинство городов таковы. Есть города-руины, к которым отовсюду спешат пилигримы, чтобы ощутить хрупкость земного могущества и тщетность человеческих усилий, и города-музеи, где всё расставлено по полочкам, где каждое здание — экспонат, каждый угол — история, каждый житель — хранитель и живой свидетель. Существуют города и города. И среди этих городов существует Иерусалим.

•

Древние евреи бежали городов. Ещё пророки осуждали урбанистическую цивилизацию, воспринимая её как нечто чуждое и запретное. Города — это Содом и Гоморра, города — это Ниневия и Вавилон. Люди делились на евреев, "жителей шатров", и неевреев, "жителей домов" (или иногда "людей поля"). Раскинувшийся шатрами пёстрый еврейский стан периода патриархов-кочевников противопоставлялся скрытному и зловеще-враждебному миру городов. Один дом — потёмки для другого дома. От дома к дому ползли разные слухи, распространялась зависть и подозрительность. Ведь никогда не известно, что происходит за чужой дверью. Города — это порок, блудодейство, отклонение от первозданной простоты. Города — это сгустки безумств, суеты и греха. Евреи бежали городов, бежали так же, как Одиссей бежал острова сладкоголосых сирен. Не потому ли ещё, что все города вокруг были чужими?

Так в еврейских писаниях появляется чужой иевусейский город Иерусалим, чужой город чужого царя — один из сотен других городов, упоминаемых в Торе. И "воевали сыны Иудины против Иерусалима, и взяли его, и город предали огню" (Суд. 1:8). И ушли, ничего не заметив. А потом вернулись, потому что выгодно был расположен город и было время объединять колена. Уже превратившись в политический центр, Иерусалим стал святым: сюда был перенесён Ковчег Завета, а царь Соломон построил здесь Храм. Позже возникли другие святыни: гора Мория, Масличная гора, Гефсиманский сад и Голгофа, рассказ о ночном путешествии пророка Мухаммеда...

Впрочем, у святых городов не бывает истории. Точнее, не должно быть. Их история — это биография, их география — агиография. Истинная суть святого города связана с историей весьма опосредованно. У него много историй, которые додумываются к уже существующему субстрату, субстрату святости. Сама святость становится критерием подхода к историческому, стандартом исторического. Святость всегда над-, вне- или неисторична. Она отсылает к прасобытиям, которые сами определяют систему хронологии и не подлежат суду истории. По тонкому замечанию протестантского теолога Мартина Келера, существует научная история, которая отвечает на вопрос "Что на самом деле произошло?" (Historie), и альтернативная ей история, которая может

"происходить" или "случаться" для нас, с которой мы можем встречаться в нашем настоящем и которая может вызывать веру сегодня (Geschichte). Библейское существует в обеих этих ипостасях, которые могут — и должны — быть совершенно эмансипированы друг от друга. Всякая история таким образом становится одной из масок святости, ибо её вызов, её экзистенциальное переживание никак не соприкасается с вопросом о её отношении с реальностью. Кроме того, всё великое — и в частности, святое — отвергает возможность случайности, предполагаемую историей. Во всём гениальном и сакральном обязательно присутствует фатальность в лучшем смысле этого слова: это царство судьбы. С этой точки зрения Иерусалим — и библейский, и небиблейский — должен рассматриваться **здесь и сейчас**, и даже его двусмысленности, о которых речь пойдёт ниже, должны быть преисполнены смыслом, удвоенным смыслом.

Я полагаю, что за поверхностной серьёзностью в Иерусалиме таится нечто иное. В нём сокрыта пародия на профанную святость, пародия на ту многозначительную серьёзность и самоуверенность, с которой непосторонний потенциальный наблюдатель с чувством законного любопытства приезжает в Иерусалим увидеть, ощутить или даже пощупать сакральное. И Иерусалиму есть что предложить подобному зрителю. Его семантика даёт богатую пищу для размышлений не только о самом городе, но и о характере и статусе святости как таковой.

Далее я постараюсь выделить некоторые элементы символического языка города.

1. **Тиражирование сакрального.** Блуждая по городу, турист может увидеть несколько Голгоф, несколько могил Давида, несколько могил Божьей Матери. Сакральное сакрально в силу своей уникальности, единственности. Эффект дубля и повторения намекает на некое зияние смысла.

2. **Инверсия.** Объекты законного любопытства в Иерусалиме зачастую переворачиваются с ног на голову. Гора жизни и Воскресения превращается в кладбище. Via Dolorosa, крестный путь Христа, кончающийся тупиком, становится шумным торговым трактом, окружённым базарными площадями. Церковь Гроба Господня, построенная по образу склепа, скорее могла бы иллюстрировать тезис Ницше о "смерти Б-га", чем идею Воскресения и соответствующие евангельские сюжеты. Гефсиманский сад в своём сегодняшнем виде способен напомнить о проповедях и Новом Завете лишь человеку, наделённому очень большим воображением. Десяток старых олив, окружённых глиняными кадками с декоративными цветами, скорее могут напомнить об ином саде, саде Эпикура, где можно утаить своё тело и душу от гражданских обязанностей и страстей, отдохнуть и насладиться философским диалогом.

3. **Метатеза** (перестановка). На том месте, где должен или мог бы стоять Соломонов Храм, высится мусульманская мечеть, мечеть Омара.

На месте, где якобы находился дворец Понтия Пилата, сегодня уютно расположилась общеобразовательная школа. Такова ирония судьбы, точнее, города.

4. **Оксюморон** ("остроумно-глупое", шутовское совмещение несовместимого).

Если наблюдательный пилигрим войдёт в Старый город по наиболее традиционному маршруту через Яффские ворота и свернёт немного направо, не доходя армянского квартала, то он сможет посетить иудео-протестантский храм, дитя эпохи первоначального накопления и рождения промышленного капитализма в Европе. Ставшее несовместимым возвращается здесь к первоначальному иудео-христианскому единству.

В "гай гейном", адской долине, в предгорьях которой — если довериться тексту "Божественной комедии" — блуждал Данте с Вергилием, примерно на уровне лимба и первого-второго кругов ада наблюдатель увидит череду увеселительных заведений: начиная от синематеки с уютным ресторанчиком с прекрасным видом на гору Сион и кончая Бассейном Султана, театром "Хан" и грядой фешенебельных гостиниц.

5. **Парадокс.** Если мы на минуту отвлечёмся от реальной топографии города и обратимся к его самоописаниям, то обнаружим подобную же игру смыслов.

Народная этимология расшифровывает название Иерусалима как "город мира". Городом мира Иерусалим может быть назван только в смысле "мирового города", но не "города мирного", как то подразумевается этимологией. Здесь, быть может, будет уместна аналогия с историей "Срединного государства". За всю историю Китая в этой стране выдалось не более двухсот неголодных лет. Перманентный голод определял здесь социальную политику, накладывал отпечаток на этику, нравы, социальную психологию. Такой же редкостью, как отсутствие голода в случае Китая, стало для истории Иерусалима пребывание в состоянии мира, отсутствие столкновений на религиозной или национальной почве.

В ТАНАХе и в иудео-христианских писаниях об Иерусалиме речь идёт в трёх смыслах: 1. как о центре мира, 2. как о святом городе ("граде верном, исполненном правосудия"), 3. как о городе греха и порока. Исайя называет Иерусалим "блудницей... обиталищем убийц" (Ис. 1:21). Иехезкель, предрекая падение города, перечисляет "скверны иерусалимовы" (16:22-23) и даже утверждает, что его грехи страшнее, чем грехи Содомские (16:46-51).

Кроме того, Иерусалим называется средоточием всего прекрасного, "верхом" (Пс. 50:2) или "совершенством красоты" (Плач 2:15). А в Аггаде говорится, что из десяти мер красоты девять были уделены Иерусалиму (Кид. 49б). В то же время, согласно многочисленным комментариям, "красота" трактуется как чужая, яффетическая ценность (сынов Яффета; от слова *"яффе" — красивый*), а эстетика оказывается даже враждебной семитам, враждебной святости и праведности.

Вообще двойственный символический язык города не только не противоречит, но, напротив, обнаруживает удивительное созвучие с поэтикой ТАНАХа, способом изложения, присущим Книге Книг. Здесь также

часто предлагаются взаимопротиворечивые версии одного и того же сюжета, несовместимые друг с другом объяснения одного и того же имени, отсутствует единый логический смысл во многих фрагментах.

В связи со всеми этими недоумениями, с которыми обязательно столкнётся всякий непредубеждённый визитёр или житель Иерусалима (как и читатель Книги Книг), возникает ряд самых разнообразных вопросов, вопросов, связанных не только с Иерусалимом, но и с характером святости вообще. Может ли комедия быть божественной, а божественное комедийным? Совместимо ли комическое с сакральным? Или даже: не предполагает ли сакральное с неизбежностью иронии подобно тому, как в греческом идеале "калокогатии" "прекрасное" уже обязательно есть "доброе"? Может ли святость быть лукавой?

Паломник, пришедший в Иерусалим, должен быть немножко Дон Кихотом, даже если он приехал в этот город без Санчо и без любимого коня Росинанта. Он должен уметь смотреть сквозь Иерусалим, чтобы достичь взором взыскуемой святости. И не потому, что город не сохранился и точное расположение святых мест неизвестно: Иерусалим существовал бы, даже если бы от него не осталось ни единого камня. Город — лишь одна, не самая удачная, метафора Иерусалима. Земной город в данном случае не существует без незримого Небесного Града — восстановленного земного рая, — который дано увидеть лишь тому, кто не боится комических призм, не боится смехового фона. Мельница Монтефиори, высящаяся над городом, как бы намекает на соприродность Иерусалима роману великого испанца с его неизбежными сражениями с ветряными мельницами, игрой действительного и мнимого, видимого и невидимого, смешением знака и самой реальности...

Всё великое — а тем более божественное — двусмысленно и двусмысленностью здесь только и обеспечивается зияние смысла. Двусмысленность — залог универсальности. Все великие истины должны быть двуноги, "ибо для того, чтобы двигаться и обойти свет", как заметил Ницше, "их нужно две". Пользуясь языком парадоксов, святость становится неуязвимой.

Таков Иерусалим: земной и небесный, свой и чужой, грешный и праведный, военный и мирный, объединяющий и разделяющий религии. Это фантомный город, город-парадокс, город-трикстер, которому нравится дразнить простаков и искушать "взыскующих" его. Ибо "взыскующие Иерусалима" должны быть горды: только одержимый гордыней может осмелиться взглянуть на Гефсиманский сад, ступить на Голгофу или пощупать ногами Елеонскую гору. Иерусалим — город-искушение, ибо лишь тот способен приобщиться к святости, кто прошёл через все соблазны. Главный из них — соблазн воплощения. Святость боится пространства так же, как природа боится пустоты. Наверное, поэтому лучшие путеводители по Иерусалиму в мировой литературе принадлежат тем, кто в нём никогда не был.

"Зеркало" (Тель-Авив), № 102, июль 1993 г.

Шай ЗАККАЙ
Гади ГЕФЕН

АРМЯНЕ В ИЕРУСАЛИМЕ

7 декабря 1988 года города Ленинакан и Спитак, а также значительная часть Кировакана были разрушены поразившим Армению землетрясением. Сразу после этого в израильской печати появилась масса материалов об армянской общине в нашей стране, общине, живущей по собственным законам буквально бок о бок с нами, но о которой, как выяснилось, израильтяне знают так мало. Тогда мы и начали свою работу, стремясь запечатлеть в фотографиях лица, обычаи и быт иерусалимских армян.

Рассеянные по всему миру армяне как могли стремились облегчить страдания соотечественников в Советском Союзе. Но не одни только страдания — две группы израильских военных специалистов вылетели в СССР, чтобы помочь в поисках и спасении погребённых под обломками людей. Кроме того, с участием ведущих израильских певцов и артистов было организовано два гала-концерта, сборы от которых пошли в пользу жертв землетрясения. В Израиле остро переживали новое несчастье, постигшее многострадальный народ.

И действительно, в XX веке на армянский народ обрушивается одна трагедия за другой, включая страшную резню, устроенную турками, — геноцид, предваривший на 35 лет Катастрофу европейского еврейства во время второй мировой войны. Мы думаем, что в это тяжёлое для армян время вдвойне уместен репортаж об их иерусалимском религиозном центре — наиболее важном на Ближнем Востоке.

Община, населяющая Армянский квартал Старого Города, ведёт довольно замкнутое существование, и её члены обычно предпочитают держать чужаков на расстоянии. Но после первого месяца работы — всего мы снимали там полгода — первоначальное отчуждение уступило место интересу и готовности нам помочь. У обитателей квартала появилось желание, чтобы как можно больше людей в мире узнало об их общине.

Граница Армянского квартала по существу совпадает с границей армянского монастыря, и поэтому жизнь здесь существенно отличается от той, что ведут армяне, осевшие в других городах Израиля. В Иерусалиме правила устанавливаются Патриархатом, причём обязательны они не только для священнослужителей, но и для мирян. К примеру, ворота, через которые попадают на монастырскую территорию, запираются ровно в десять часов вечера, так что невозможно пойти в театр, на концерт или на поздний сеанс в кино — все эти развлечения кончаются

после десяти. В исключительных случаях подаётся прошение в Патриархат, и тогда, если получено специальное разрешение, можно вернуться домой после установленного часа. Интересно, что молодое поколение в общем тоже не возражает против этого правила, хотя большинство всё же считает, что ворота следует закрывать несколько позже.

Молодёжь в основном проводит вечера в имеющихся тут же на территории монастыря клубах — их два. В клубе есть хоровой кружок, бильярд, телевизор и небольшой бар. Обстановка сверхпатриотическая: стены украшены исключительно портретами выдающихся военачальников, павших в битвах с захватчиками, а также флагом и картой независимой Армении (1918-21 гг., до оккупации большевистскими войсками). Среди прочих, висит здесь и портрет Вардана, командовавшего армянской армией, сражавшейся против персов (V в. н.э.).

Семидесятисемилетний Георг Севан подчёркивает: "Ты должен всегда чувствовать себя армянином, даже когда играешь в футбол". "Поскольку мы всё ещё находимся в диаспоре, — замечает горшечник Хагоп Антасян, член рабочего комитета, руководящего деятельностью одного из клубов, — для нас чрезвычайно важно сохранять национальные традиции, фольклор — этому мы стараемся посвящать весь наш досуг". Сейчас ведётся восстановление образцов древней армянской одежды, которые станут частью постоянной музейной экспозиции — этим, естественно, заняты женщины. Молодёжь же — с помощью старших наставников — совершенствуется в армянском языке. Уроки обычно устраиваются во второй половине дня и проходят в чрезвычайно непринуждённой обстановке.

Любая беда ещё больше сплачивает общину. Больше людей начинают регулярно посещать церковь, и без того строгие правила поведения соблюдаются ещё строже. Предписывается, например, жениться на своих. Известно, что подобного рода правила у других народов зачастую не соблюдаются, но армяне, чувствуя себя меньшинством, причём меньшинством, которому грозит исчезновение, ощущают глубокую внутреннюю потребность следовать этому правилу. Разумеется, при этом возникают определённые проблемы, одна из которых заключается в том, что просто не всегда есть достаточно молодых людей одной и той же возрастной группы. Ахану Гураряну сейчас 34 года, одно время он встречался с девушкой-израильтянкой, потом — с арабкой, но всегда твёрдо знал, что женится только на армянке. Другому парню, Гару Хакимяну, нашли невесту в Уругвае, где есть многочисленная община, и он собирается туда перебраться.

Центром жизни квартала-монастыря является церковь Св. Иакова: даже те, кто не каждый день здесь бывают, неразрывно с ней связаны. В День Всех Армянских Святых занятия в школе отменяются и все ученики посещают службу. В этот день они одеты в особые одеяния и поют вместе с хором. Что же касается пожилых армянок, то для них по-

сещение церкви — не только обязательное, но и наиважнейшее событие любого дня, и поэтому, когда бы вы ни пришли, вы всегда увидите у входа несколько женских фигур в чёрном.

Жизнь на "армянской территории" кажется напрочь оторванной от того, что происходит вне стен монастыря. В значительной мере это, конечно, обусловлено установленными Патриархатом правилами и консервативным, замкнутым характером общины, но не последнюю роль тут играет и архитектура — достаточно посмотреть, как плотно поставлены буквально налезающие друг на друга дома с их маленькими квартирками, как тесно сгрудились они вокруг великолепной церкви Св. Иакова.

В последние десятилетия — после того, как здесь появились свои продуктовые магазины, — квартал стал ещё более независим от окружающего мира. Ахан Гурарян вспоминает, что в 67-м году, во время Шестидневной войны, жители заперли ворота и целую неделю никто сюда не входил и никто отсюда не выходил. Тем не менее нехватки продуктов на территории квартала не ощущалось.

Бросается в глаза одна любопытная особенность здешней жизни: гармоничное сосуществование монахов с семейными мирянами. Звон церковных колоколов сменяется здесь школьным звонком, а спешащие на службу священники в чёрных одеяниях попадают в кадр рядом с предлагающими свой товар торговцами и вполне светскими молодыми людьми, возвращающимися после дня, проведённого в западной части города, где они работают или учатся.

"Мы — государство в государстве" — не раз повторяли наши собеседники в клубе. Действительно, когда проникаешь на этот тесный, обнесённый высокими стенами "армянский остров", ты словно оказываешься на неведомой земле, не подозревая поначалу, насколько богатой и полной жизнью живут её обитатели.

перевод Сергея Рузера

"Ариэль", № 2, 1990

Ян ТОПОРОВСКИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА СВОЮ ГОЛОВУ

— Ты ищешь приключений на свою голову! — сказала жена и в чём-то была права.

Я подбил фотокорреспондента поехать в Старый город. Но ни он, ни я не ориентировались в его улочках. А там, в Армянском квартале, была назначена встреча с одним человеком. Боязнь и страх жены были связаны не только с тем, что мы могли заблудиться и попасть в арабскую часть, но и с неудачным выбором дня поездки. В этот день шёл ливень, а ХАМАС готовился к двум терактам и большой демонстрации. Но отложить встречу я не решился.

За несколько недель до этого я пытался попасть в Армянский квартал и взять интервью у одного из епископов. Но договориться о встрече по телефону было крайне трудно. И тогда я решил поехать в Иерусалим, зайти в Армянский квартал, постучаться в монастырские ворота и, если пропустят, уже внутри отыскать епископа и взять интервью.

Но этому плану не хватало маленькой детали: проводника.

Армянский квартал своими корнями уходит в четвёртый век, и нам нужно было спуститься в глубину веков.

Проводник нашёлся. В редакцию как-то позвонил человек, назвавшийся Мориком. Он пытался обнаружить в Израиле своих знакомых. И вот, вспомнив, что Морик живёт в Армянском квартале, да к тому же работает в монастыре, мы обратились к нему с просьбой о помощи. Морик согласился. Однако найти его можно было только следующим способом. Разыскать в Армянском квартале керамическую мастерскую, спросить Акопа, а уже Акоп укажет, как пройти к Морику.

Прибыв в Армянский квартал, мы обнаружили несколько керамических мастерских. И везде хозяева были армяне. Но Акопа среди них не было. Мастерская Акопа, как нам объяснили, находилась на территории монастыря. И, потыкавшись в различные ворота, мы вошли на территорию монастыря.

В мастерской сидел юноша и расписывал тарелку. Мы узнали, что Акопа сегодня не будет. Пришлось признаться, что мы ищем Морика. Юноша подошёл к двери своей кельи (а я забыл сказать, что мастерская помещалась в келье) и указал на келью на противоположной стороне двора. Но, увы, дверь оказалась запертой.

Я уже готов был полностью признать правоту своей жены, но тут появился Морик. Он отпер дверь своей кельи. В ней были стол, два стула и рефлектор. Мы сели и стали вспоминать молодость.

Я вспомнил, как, живя в Союзе, долго не имел своей квартиры. И моей мечтой в те годы было снять каменный гараж. Желание молодости вернулось ко мне в Израиле. Но так как гаражей здесь практически нет, то я согласен и на келью.

Морик улыбнулся.

— Есть много олим, — сказал он, — приехавших из Армении. У них те же проблемы, что и у тебя. Они приходят в монастырь с надеждой получить здесь работу и жильё. Их не смущают кельи 200-300-летней давности. Не пугают сырость, отсутствие отопления, удобств... Они даже предлагают отремонтировать, обустроить за свой счёт. Но в ответ слышат, что монастырь — это не государство и обеспечить всех работой и жильём здесь не могут.

— Неужели на территории монастыря никто не живёт?

— Семей сто, — ответил собеседник. — А вот до 1948 года здесь находилось около десяти тысяч человек. Но потом многие разъехались. Кто в Америку, кто во Францию, кто в Австралию... У некоторых свои магазинчики — ювелирные, антикварные... Кто трудится в мастерских — обувных, часовых, керамических... А если говорить о духовной жизни, то есть несколько армянских клубов. Два на территории монастыря. А третий — благотворительный — в самом квартале. Он основан в 1925 году и считается одним из первых клубов в Иерусалиме.

— В одной из статей о монастыре было сказано, что в нём живут беженцы из Армении и Нагорного Карабаха. Так ли это?

— Таких людей здесь нет. Живут две-три семьи, приехавшие сюда после землетрясения в Армении. Это моя семья и ещё одна. Знаю ещё одну семью из Батуми. Но мы живём не в монастыре, а в Армянском квартале. У каждой семьи своя тяжёлая история. Но, как мне кажется, эти истории не для печати...

Морик замолк, и я понял, что коснулся болезненной темы. Чтобы не доставлять Морику боль, я перевёл разговор на легенды. Всё-таки мы были в четвёртом веке. И оказалось, что до легенд рукой подать.

Морик вывел нас во дворик и показал дерево.

Легенда гласила, что раньше это был дворик богатого римлянина по имени Ана. И это цветущее дерево росло перед его домом. Так вот, когда арестовали Иисуса Христа, его привязали к этому масличному дереву. И три дня он ожидал, какое обвинение ему предъявят.

От масличного дерева Морик сделал несколько шагов, и нас ожидала новая легенда. Одна из стен была облицована иерусалимским камнем. Все камни, кроме одного, были обработаны. По легенде это был "смеющийся камень". И вот почему.

...Когда Иисус въехал в Иерусалим, некоторые люди устилали его путь одеждами. Этих людей спросили: "Зачем вы это делаете?" Они ответили, что если хоть на мгновение перестанут это делать, даже камни начнут смеяться над ними. Отвечая на вопрос, они, естественно, перестали устилать одеждами путь Иисуса и один из камней уже начал смеяться. Этот камень теперь перед нами.

Напротив стены со смеющимся камнем находился вход в келью. Оказалось, что ещё год назад здесь жила последняя монахиня армянского монастыря. Но наступил день, и она собрала свои вещи и уехала во Францию. Почему так произошло, не знает никто. Говорят, она когда-то была замужем. Говорят, когда-то у неё была семья, дети. Говорят, она вернулась обратно. Раньше она жила рядом с масличным де-

ревом и "смеющимся камнем". А теперь рядом с ними — другая судьба. Судьба юноши-армянина из керамической мастерской.

— Что это за дощечки? — спросил я его.

Ученик мастера Акопа объяснил мне, что на этих керамических плитках написаны слова молитвы. Такую табличку можно укрепить в любом углу своей квартиры и в час молитвы подойти и прочесть её.

— Сколько лет ты в Израиле?

Он ответил, что уже четыре года. Родом из Еревана. Там он тоже любил рисовать, но больше для себя. Здесь же, вот уже два месяца, расписывает тарелки, кувшины, плитки... Дела в мастерской Акопа идут успешно. Хозяин посылает работы в основном на выставки в Америку, Францию... Раскупается до 3000 изделий в год.

— Как устроились твои родные?

— Мы собираемся уехать обратно. Я хочу продолжить учёбу в Москве. Я всё ещё считаюсь студентом одного из московских институтов. А здесь я как бы на каникулах. А вообще-то мы собирались в Америку, но не получилось, приехали в Израиль. А здесь много проблем. И самая главная — гражданство. Потому и трудности. Если здесь жить, то лучше быть евреем.

— Лучше быть евреем или гражданином Израиля?

— Гражданином Израиля — так точнее.

— Почему ты решил, что это страна только для евреев?

— У них есть преимущества. Если я пойду устраиваться на работу, то возьмут не меня, а своего, израильтянина.

— А если ты станешь израильтянином, то различия исчезнут?

— У меня всегда будет одно преимущество. Я могу не служить в армии. Вот сын Морика — он репатриант, но в армию он может пойти служить, если пожелает. Обязательно туда призывают только евреев. Может, это и правильно. Я даже не знаю. Слышал, что некоторые, желая получить гражданство, переходят в иудаизм. Но я веру не собираюсь менять. Меня устраивает и моя собственная.

— Много армян хотели бы вернуться обратно?

— Большинство бы вернулось. Процентов сорок — хоть сейчас. Но не могут. Большие финансовые проблемы. Квартир там нет. Возвращаться некуда.

После этих слов мне снова захотелось вернуться в четвёртый век. И я попросил Морика поводить нас по улочкам монастырской земли. Мы поднимались по каким-то лестницам, попадали в каменные дворики, а затем, согнувшись в три погибели, протискивались в ворота и оказывались на удивительных площадях.

Перед церквушкой для горожан мы остановились. Это была церковь Святого архангела. Служба в ней бывает не так уж часто. Два-три раза в году в армянской общине бывают свадьбы. Примерно столько же раз — отпевание усопших. Правда, недавно церковь вновь была открыта три дня подряд. Это было связано с днём наречения церкви, и заодно отпевали усопших горожан.

— И мы здесь венчались, — произнёс Морик. — Когда мы приехали сюда, захотели крестить своих детей. Но оказывается, что

здесь, пока родители не обвенчаются, детей крестить нельзя. Вот мы с женой и обвенчались в этой церкви. И в ней же окрестили детей. Всё как полагается: два святых отца, три служки... Это было в декабре 1992 года. Вот тогда-то епископ нас и венчал.

Пришло время встречи с епископом Капикяном. Он известный учёный-археолог, возглавляет школу, находящуюся на территории монастыря. И когда мы вошли в его кабинет, епископ встал, сделал знак, чтобы мы прислушались, а затем спросил:

— Вы слышите какие-нибудь звуки?

Мы покачали головами. В школе была гробовая тишина, хотя в ней шли занятия. Эта школа отличается от израильской не только тишиной. От епископа я узнал, что дети здесь изучают пять языков, плюс древнеармянский, не говоря уже об общеобразовательных предметах.

— Главное в нашей школе — армянский язык. Начиная с трёх лет (а при школе работает и детский сад) преподавание ведётся на армянском языке. Уже в детском саду дети изучают армянский, арабский и французский. С первого класса — иврит и английский. После окончания школы учатся в университетах Израиля, Америки или Европы.

— Ребята возвращаются обратно в монастырь?

— Если родители здесь, то возвращаются.

— Сколько лет вы директорствуете?

— 43 года. К тому же я ученик этой школы. То здание, в котором мы сейчас находимся, было построено в 1929 году. Сама же школа в 1825-м.

— Ваше преосвященство, очень часто учителя жалуются, мол, ученики были лучше, чем сегодня. А что вы скажете?

— Одно и то же. Одно и то же. К тому же мы, армяне, народ, постоянный во всём.

— Простите за нескромный вопрос: когда вы были учеником, вы шалили?

— Всё было.

В свою очередь, епископ поинтересовался, распространяется ли наша газета в других странах, читают ли её в России. Коснувшись темы России, он произнёс:

— Русские всегда были нам братьями. И останутся ими. Ни грузины, ни азербайджанцы Армении не помогут. Только Россия. И если Россия будет иметь своё влияние на Кавказе, то только с помощью Армении. Потому что они союзники. Армения — это отпечаток стопы России.

Остановившись перед дверью одного из классов, епископ заметил, что "в школе учатся двое детей из Ленинграда. У них отцы — армяне, а матери — еврейки". И добавил, что дети занимаются очень хорошо.

— У детей от смешанных браков не бывает проблем со своими сверстниками из монастыря?

— У нас в школе евреев нет. Если ребёнок родился от отца-армянина, то он считается армянином. А если от матери-армянки, а отец другой национальности, то здесь ребёнок становится армянином.

Из окна школы видна большая часть Армянского квартала. А это одна пятая часть Старого города. Начиная с IV века квартал рос, строился, расширялся, а иногда сжимался. Но за последние сто лет никаких изменений не претерпевал. Разве что в одном из двориков установили антенны-"тарелки". Ловят две израильские программы и две иорданские. Почему иорданские? Видимо, потому, что многие переселились сюда из Иордании, имеют там многочисленных родственников. До последнего времени не спешили принимать израильское гражданство. Прими они его, их в Иорданию бы не пустили. Но это вчерашний день. Сегодня молодые армяне считают себя гражданами Израиля и имеют израильские паспорта.

Из школы мы направились к епископу домой. Жил он на втором этаже монастырского музея. В его келье собраны макеты многих армянских церквей. Он заказал их архитекторам из Египта. Самая современная вещь, которую я увидел в келье, — картина Айвазовского. Как она попала к епископу, я не спросил. А спросил я его о том, почему он живёт по сути в музее. Епископ ответил, что родился в этом доме.

Затем мы посетили музей. Здесь собраны самые различные экспонаты. И тарелки трёхсотлетней давности, из которых ели монахи, и огромные железные чаны, в которых варили еду для паломников, и первый печатный станок, который армяне установили в Иерусалиме, и первый глобус, созданный руками армянских умельцев. Есть здесь и карта, привезённая из Голландии. Так как в начале XVII века ещё не были изучены северо-западная часть Америки и южная часть Австралии, то на карте эти земли отсутствуют.

— Но самые ценные экспонаты, — сказал епископ, — хранятся в сокровищницах монастыря. Самый древний — это посох армянского царя Гетума, правившего в XII веке. Совершив паломничество в Иерусалим, царь подарил посох монастырю.

— Можно увидеть посох?

— Сокровищница редко открывается. Обычно когда назначается новый патриарх. Но открыть двери сокровищницы не так-то просто. Есть четыре человека, и у каждого свой ключ. Есть дни, когда реликвии могут увидеть и верующие, это бывает во время больших церковных праздников. Например, в день Святого Иакова.

Есть в музее зал памяти о геноциде армянского народа. Документальные фотографии смотреть невозможно, так же как и снимки в музее "Яд ва-Шем". Среди прочих — групповой снимок турецких янычар, перед которыми лежат отрубленные головы армянских священников. Я не мог смотреть в глаза отрубленным головам. И сразу попросил Морика отвести нас на монастырское кладбище, где воздвигнут памятник жертвам геноцида.

Самое древнее захоронение на этом кладбище относится к XI веку. Однако не древность удивила меня, а плиты мостовой во дворике пантеона. Я ходил по ним, осматривал надписи и вопрошал: неужели под моими ногами покоятся люди?! Я не понимал, зачем этими плитами выложили дворик. Такое я встречал в бывшем Союзе. Плитами еврейских могил выкладывали тротуары в деревнях и городах. А кроме этого,

из них делали заборы. Мне было страшно ходить по пантеону, и я осторожно обходил буквы, даты, имена...

Морик и сам не знал, как ответить на мой вопрос, и обратился к добровольным помощникам из Америки, работавшим на этом кладбище.

— Под этими плитами на самом деле могилы людей, — ответили они. — В этом ничего необычного нет. Дело в том, что человек, имевший при жизни духовный сан, хочет и после смерти служить людям. Это связано с нашей религией, с христианскими обычаями...

Так или не так — мне трудно об этом судить. Только это кладбище ещё чем-то отличалось от тех, что находятся в Армении. Вначале я не понимал — чем. А после догадался. Здесь отсутствуют хачкары — так в Армении называют стоящие крестные камни. Здесь же были обычные христианские могилы.

Не знаю почему, но Морик вдруг сказал:

— Кто венчался в армянской церкви Иерусалима, тому здесь отведено место. Полагается оно и мне, и моей жене.

— Ты уже знаешь, где оно?

— Нет.

— А твоим детям тоже полагается?

— Да, потому что они здесь крестились.

Я промолчал. Но очень хотел ответить: "Знаешь, Морик, а я — гражданин Израиля и очень сомневаюсь, что после своей смерти буду похоронен в Иерусалиме, не говоря уже о кладбище на Масличной горе. К тому же мы с женой будем лежать на разных кладбищах. У меня ведь смешанная семья. Вот тебе и преимущества для евреев!"

Пора было спешить. Нам надо было успеть на службу в церковь, взять интервью у молодых монахов, затем поблагодарить всех и вернуться в двадцатый век.

А двадцатый век встретил нас так. Мы вышли из монастыря на улочку Армянского квартала. Она называлась "Арарат". Кто-то стёр букву "р" и написал "ф" — получалось, что улочка носит имя "Арафата". Это, по-видимому, сделали арабы. Но евреи заклеили букву "ф" листовкой: "Арабы, убирайтесь вон!"

А потом Морик пригласил нас к себе в двухкомнатную келью, в которой он живёт с женой и тремя детьми. И там, по гостеприимному армянскому обычаю, мы выпили по рюмочке. Пили за всё: и за дружбу, и за знакомство, и за удачу. А ещё я пил за приключение, которое выпало на мою голову.

"Окна", 22 декабря 1994

Борис ШАПИРО

ГОЛОСА

биографическая повесть

ОБРАЩЕНИЕ

Дорогой потомок, дорогой родич,, дорогой друг и — несомненно — родственник по духу!

Желаю тебе крепкого здоровья; пусть не покидает тебя никогда дух благой; пусть будут поступки твои всегда разумны и обдуманны; и пусть никто не лишит тебя ни твоей части в радости земной, ни права самому за себя отвечать. А еще желаю я тебе, чтобы на всех жизненных путях и перепутьях хранило и оберегало тебя Господне благословение.

Прими же благословение, оно — самое дорогое в долгой и нелегкой истории нашего племени, и оно — твоя законная доля.

Да благословит тебя Предвечный и да охранит тебя! Да озарит тебя Предвечный ликом Своим и милостью Своею! Да обратит Предвечный к тебе лицо Своё и да ниспошлёт тебе мир!

Ты ведь знаешь, не я — источник этих слов. Господь единый — первоисточник всякого благословения; я — лишь носитель.

*

История, которую я хочу рассказать, как ни кратко она здесь изложена, поистине долгая. Она значительна, трагична и возвышенна, как и вся история людей, особенно евреев. Я полагаю, что нет сегодня на свете аристократа, который мог бы сравниться с нами по длине родословной. Однако и нам не удалось избежать разрушительной силы времени. Не утратила силу лишь надпись "И это пройдет", надпись, которую наш предок, золотых дел мастер Калам, вырезал на кольце царя Соломона по его повелению.

Нацистские бомбы, упавшие на Ленинград в 1942 году, нанесли сильнейший ущерб нашей фамильной истории: во время бомбежки был уничтожен уникальный семейный архив, содержавший сотни документов — пергаменты и бумаги,

---

Boris Schapiro. Die Stimmen. Biographische Erzählung. Stuttgart 1995.

свидетельства и записки, дневники, удостоверения, судебные решения, документы на владение собственностью, документы об отчуждении собственности, письма, свидетельства о рождении и о гражданстве, дарственные и почетные грамоты, арендные договоры, свидетельства о браке и свидетельства о смерти, кладбищенские квитанции, разные мелочи, сувениры, семейные портреты, картины, рисунки из многих стран и эпох. Мой дед Шломо-Хаим систематизировал и каталогизировал все эти сокровища и составил нашу семейную хронику в семи толстых тетрадях в твердых переплетах, в семи так называемых амбарных книгах.

Всё это погибло. Мой отец Израиль еще видел всё это и, главное, читал хроники. Самое важное Шломо-Хаим рассказал Израилю, а Израиль часто и помногу рассказывал мне. Он тоже хотел записать то, что еще помнил, но не сделал этого: дела менее важные часто оказывались (или казались) более срочными. Возможно, и я совершаю ту же ошибку. Да, старайся, мой друг, не путать важное со срочным и всегда исполняй сначала важное дело, а потом занимайся срочным — если оно до тех пор не разрешится само собой.

Из того, что рассказывал мне отец, я, к сожалению, смог запомнить лишь обрывки. Но и этого было бы слишком много, чтобы вместить в мой рассказ. И потому я повествую здесь лишь о немногих людях, стоявших в ряду наших предков. Точные даты и места рождения я, к сожалению, знаю только начиная с поколения моих родителей.

Кроме того, увы, я убедился, что знания мои не только неполны, но и неточны. Например, когда я рассказал одному историку, специалисту по истории книгопечатания в России, что мои предки участвовали в переоборудовании Печатного двора в Санкт-Петербурге, он тут же заметил, что Печатный двор был только в Москве. В Санкт-Петербурге же находилась первая печатня Академии наук. Так где же работали мои предки? До сих пор, к сожалению, я был лишен возможности изучать источники и проверять факты. Опасаясь, что, как и мой отец, я не сумею создать доподлинную историю, я рассказываю то, что знаю, как семейное предание, как легенду. Я уверен, однако, что жизненные мотивы и судьбы действующих лиц остаются при этом подлинными.

Так прими же, дорогой читатель, эту историю. Не поучать тебя предназначена она, а дать тебе духовную пищу для размышления и сочувствия. Если она придется тебе по вкусу и ты ее переваришь и усвоишь, то есть примешь как свою — она, быть может, даст тебе новые силы для продолжения твоей истории. Сознаю, что пища эта не из легких. Но ведь и сама жизнь — не легкое угощение.

Борис (Барух) Шапиро

Штутгарт, 7.10.1995

ГОЛОСА

Подпоручики же...
Юрий Тынянов

* КАЛАМ

Первым в ряду наших предков стоит золотых дел мастер и огранщик драгоценных камней Калам. Он пришел из Ливана по повелению царя Хирама, чтобы служить царю Соломону. Калам изготовил для ритуальных и личных нужд царя Соломона множество предметов, среди которых был и перстень со знаменитой надписью. Позже Каламу было поручено сопровождать свадебный поезд, что привез из Египта в жены царю принцессу Тай-Йах[1]. За верную службу царь пожаловал нашему предку Каламу звание Сапира (Сафира). После этого ему было позволено жениться на Шема-Элах, дочери царя.

Мой дед Шломо-Хаим отмечал, что, начиная с позднего средневековья, мнения о том, что означало это звание и откуда произошла наша фамилия, расходились:

а) одни толкователи семейной истории полагали, что это была разновидность дарованного гражданства, ибо Калам, говорили они, был родом из Ливана и жил при дворе как чужеземец на царской службе. Они возводят слово "Сапира" к "Сабра", "Сабир", "Хабир", "Евер", "еврей". Кроме того, Хабирру — египетское слово, означающее "номад-скотовод";

б) другие производят слово "Сапира" от "хороший, красивый, возвышенный, благородный", о чем говорит название драгоценного камня, и считают, что Каламу таким образом даровалось не только право гражданства, но и статус аристократа; это подтверждается тем фактом, что ему было позволено взять в жены царскую дочь. В таком случае слово Сапира соответствует нашему "достойный", "благородный" или "почтенный". Это мнение легко совместимо с легендой, согласно которой мы по мужской линии происходим непосредственно от Иссахара, сына Иакова. Хотя я и уверен, что потомки Иссахара уже во времена Соломона изрядно рассеялись, и Калам, пришедший из Ливана, вполне мог происходить из колена Иссахарова (версия *а*), я думаю, что версия *б)* все же ближе всего

---

[1] Слово "Тай" — это указательное местоимение женского рода "та" и вместе с тем означает по-египетски "дочь"; здесь — Дочь Йаха. Поэтому по-древнееврейски имя это часто передавалось как Бат-Йах (*Бат* значит *дочь*); на идиш это звучит "Бася", а по-русски — "Батья", хотя лингвистически правильнее было бы "Бат-Ях".

к исторической правде. И сегодня "Сабир" по-арабски означает высокое звание при дворе восточных царей (на тюркских языках это звучит "Сабур"). В таком случае эта версия ни в чем не противоречит версии *а)*. Известны ведь и другие случаи, когда имя народа или племени становится названием титула или должности. Например, слово "швейцар"(= швейцарец), что по-русски значит привратник, а по-итальянски — часовой, постовой солдат. Так или иначе, я убежден в том, что пожалованное Каламу звание было в ходу уже в те времена, то есть по меньшей мере за 950 лет до христианского летоисчисления;

в) третьи видят в пожаловании Каламу звания уважение к ремеслу и производят фамилию от названия сапфира, что связано с его профессией огранщика драгоценных камней. Эту мысль Шломо-Хаим счел полнейшим анахронизмом. Фамилии, произведенные от профессии, по мнению Шломо-Хаима, стали возможны лишь тогда, когда сформировалось самосознание горожанина, и уж никак не ранее Средних веков. Кроме того, на письме фамилия Шапира начинается с буквы "Шин", а название драгоценного камня — с буквы "Самех". Ко времени возникновения сословий оба написания давно устоялись.

Семейная история также гласит, что написание слова "сапфир" с буквой "Самех" ввел сам царь Соломон, чтобы, согласно своему мистическому знанию о природе времени и творения, должным образом подчеркнуть благородную сущность этого камня с помощью змеиной символики буквы "Самех". Об этом я хочу рассказать в другой раз, когда опишу историю кольца Соломона. Если же я этого не сделаю, эту историю должны рассказать моя дочь Уся и сын Генрих;

г) четвёртые понимают пожалование звания Сапира как принятие в колено Иссахара, так как слово "Сафир" в средиземноморской древности означало не только драгоценный камень вообще, но именно сапфир-оберег Иссахарова колена[2]. Но и это, безусловно, анахронизм, только в другом временном направлении, нежели образование фамилии от профессии: во времена Соломона принятие в отдельное колено уже никак не могло быть государственным делом;

---

[2] В облачении первосвященника иерусалимского храма входил нагрудный щиток, разделённый на двенадцать гнёзд; в каждом гнезде находился специальный драгоценный камень-оберег для каждого колена Израилева; оберегом колена Иссахара был сапфир. (Прим. перев.)

д) полноты ради я хотел бы упомянуть еще одну версию толкования фамилии "Шапиро", которая возникла явно в Новое время и уже не в нашем семейном кругу, и которую я считаю неправдоподобной, если видеть в ней единственный источник происхождения нашей фамилии. А именно, некоторые филологи полагают, что фамилия Шапиро происходит просто-напросто от названия города Шпейер, где существовала большая еврейская община, которая впоследствии рассеялась из-за погромов. Когда во время погрома почти все взрослые евреи были заживо сожжены в синагоге, их оставшиеся в живых дети получили фамилию "Шапира" по названию города, где мученически погибли их родители — потому что якобы уже никто не знал, кто от каких родителей происходит.

Я полагаю, что происхождение фамилии "Шапира" от названия "Шпейер" никак не может относиться ко всем Шапира. Согласно преданию, наши предки никогда не были в Шпейере; они пришли из Португалии в Амстердам, а оттуда в Россию, но не через Польшу, как большинство русских евреев, а через Австрию. В Германии фамилии евреям давались в немецких учреждениях, где никто не разбирался в тонкостях еврейского языка. Но вовсе не обязательно все, кто носит фамилию "Шапира", происходят из Германии. Этимологической же связи между названиями Шпейер и Шапира в глубинах истории языков я, естественно, оспаривать не стану.

Как видишь, мой дорогой, Шломо-Хаим приводит в своем комментарии даже мнения, которые считает несостоятельными. Это делает его труд в моих глазах достойным большого доверия. Ведь наша история — это не только изложение героических деяний и славных достопамятных событий, но и большой свод заблуждений и ошибок. Но об этом я, может быть, расскажу в другой раз.

* * НЕХАМИЯ

Для моего отца одной из важнейших личностей раннего периода нашей семейной истории был Нехамия, золотых дел мастер и огранщик драгоценных камней при дворе царя Кира Великого. Не надо путать нашего предка Нехамию с жившим примерно в то же время наместником Неемией, с которым мы не состоим ни в каком родстве. После того как великий царь послал евреев из плена в Палестину, чтобы они восстановили храм, наш предок Нехамия, руководствуясь религиозными соображениями, усомнился в правомерности восстановления храма. Его аргументы носили гностический и эвристический характер:

Никакой враг не смог бы разрушить первый храм, если это не было угодно Всемогущему. Но раз это было Ему угодно, и враги послужили лишь средством для выполнения Его воли, надо прежде всего понять: что Всемогущий хотел этим сказать нам, своим партнерам по завету? Что мы должны упрямо отстраивать только что разрушенное? Вряд ли. Нет, говорил Нехамия, если мы не поняли того, что Всемогущий нам сказал, то нужно сперва приложить все старания, чтобы понять это, а со строительством можно подождать. И далее Нехамия высказал дерзкое предположение, что разрушение храма было знаком, толчком к дальнейшему развитию завета, то есть к религиозной реформе. Он видел большие и неотвратимые опасности для еврейского народа, если евреи не будут неусыпно печься о постоянной связи, общении и взаимопонимании между партнерами по завету. Ведь это не может не отяготить отношений завета.

Второй аргумент для своих сомнений Нехамия видел в том, что повеление возродить храм — якобы откровение Всемогущего — исходило из уст нееврея, пусть даже великого царя. Суть проблемы Нехамия видел здесь в том, что великий царь, таким образом, становится еврейским пророком, не будучи евреем. Слепая вера в такую нелепость казалась ему опасной и подозрительной. Ведь если восстановление храма не соответствовало истинному содержанию послания Всемогущего, скрытому в акте разрушения, то враждебный царь своим приказом мог принести еврейскому народу новый, гораздо больший вред. Нехамия не исключал, что божественная воля меняется с течением времени. Поэтому он осуждал нежелание позаботиться о понимании того, чего же хочет Всемогущий, и в диалоге с Ним удостовериться, что это понимание правильно. Еврейские мудрецы, считал он, должны срочно заняться своим прямым делом — осмыслением.

Мой прадед Генрих и дед Шломо-Хаим толковали рассуждения Нехамии как несвоевременную попытку покушения на элементы язычества в иудаизме. Мой отец Израиль шел еще дальше и в аргументах Нехамии видел требование, чтобы все, что касается культа, приняло в конце концов идеальные, а не материальные формы, вроде храма из камня или дерева. Разумеется, тогдашние воззрения Нехамии не имели успеха; напротив, они, безусловно, представляли опасность для его жизни. Однако ему удалось избежать серьезных неприятностей, возможно, вследствие его высокого общественного положения и богатства: как-никак он финансировал строительство целого угла иерусалимской стены — угловой башни и по 50 локтей стены в каждую сторону.

Примечательно, что евреям с тех пор пришлось очень много страдать и что еврейство после разрушения иродианского храма развивалось в значительной степени в том самом направлении, которое имел в виду Нехамия.

* * * С XVII ДО XX СТОЛЕТИЯ

Теперь, дорогой читатель, я должен пропустить многое из того, что еще знаю, и говорить кратко, иначе я никогда не закончу этого рассказа.

Вплоть до XVII века наши предки были золотых дел мастерами и огранщиками драгоценных камней. Независимо от того, были ли они знаменитыми людьми, подобно Каламу в X в. до н.э., Нехамии в VI в. до н.э., нашему крещеному родственнику Хосе Колумбу (Jose Coloumb) в Мадриде XVI в., издателю и типографу Менделю-Хендрику в Амстердаме XVII в., оклеветанному и осужденному в XVIII веке в Петербурге Якобу или же бедными крестьянами и плотниками в Белоруссии XIX века, они всегда были религиозны, очень добросовестны и ревностно хранили фамильную историю. Вновь повторяю: пожалуйста, прими эту историю с участием и продолжи ее. Все эти люди, чьи имена мы еще знаем, и те, чьи имена у нас были отняты, живут в тебе, в твоем внутреннем мире вместе с их опытом, их любовью и добротой. Если ты об этом будешь знать, в трудный час они придут тебе на помощь, а в час радости будут радоваться и праздновать вместе с тобой. Но ты должен научиться вести беседу с ними и заодно со мной и этой беседы не чураться. Никто не желает тебе столько добра и никто с такой готовностью не придет тебе на помощь, как этот народ, который продолжает жить в тебе и через тебя. К тому же никто так, как они, не сможет понять тебя в твоих тайных помыслах — как в хороших, так и в дурных, потому что все эти люди уже встречали твои проблемы в той или иной форме и всегда находили им достойное разрешение, тоже с помощью своих предков.

Мендель-Хендрик Шапира из Амстердама был первым в семье, кто отошел от ювелирного ремесла. Он основал печатню и издал помимо всего прочего два трактата Баруха Спинозы. Это принесло ему такие осложнения в отношениях с еврейской общиной Амстердама, что он вместе с семьей должен был покинуть город. У меня есть портрет Менделя-Хендрика Шапира, который, несомненно, с огромными трудностями был сохранен и пронесен через все века и границы. Я хорошо представляю себе, какова была радость семьи, когда в самый критический момент он получил приглашение переселиться в Зальцбург, чтобы обновить там архиепископскую печатню. Через несколько лет, щедро вознагражденный за свою работу, Шапира получил предложение переоборудовать и

обновить Печатный двор царицы Екатерины Великой в Санкт-Петербурге.

И еще через несколько лет, успешно выполнив свою задачу в Санкт-Петербурге, глава семьи Якоб (наш прямой предок) и его брат (сейчас я вдруг засомневался, как его звали — Иосиф или Беньямин) вместо того, чтобы получить вознаграждение, были облыжно обвинены в убийстве и шпионаже в пользу Пруссии. Всей общественности России было ясно, что это процесс клеветнический и антисемитский, что наши предки неповинны ни в убийстве, ни в шпионаже. Но, несмотря на это, братья Шапира были осуждены, публично высечены, лишены всех прав и состояния и сосланы вместе с семьями в Сибирь.

Родившийся в Сибири Генрих (1783-1896), по прозванию Добрый, получил от царя Павла I, сына Екатерины Великой, разрешение поселиться в Белоруссии, в черте оседлости. Переписывая рескрипт, писарь царской канцелярии написал нашу фамилию "Шапиро" вместо "Шапира". Изменить этого семья, тогда не имевшая средств, не могла.

В Белоруссии семья арендовала землю у помещика Корсакова и зарабатывала на хлеб крестьянским и плотницким трудом. Там, в деревне Корсаковичи, недалеко от Зембина близ города Борисова Минской губернии, родился младший сын Генриха Шломо-Хаим (1850-1938). Там же 1 мая 1901 года родился его сын и мой отец Израиль. Он умер в Москве 6 марта 1976 года и был похоронен мною и Львом Бимманом в Иерусалиме на кладбище "Гиват Шаул". Могила Шломо-Хаима находится на старом еврейском кладбище в Санкт-Петербурге. Я родился 21 апреля 1944 года в Москве.

* * * * ГЕНРИХ

Прозвище "Добрый", украшавшее Генриха, было дано ему не без оснований. Мой отец Израиль рассказывал мне много маленьких историй и анекдотов из крестьянской жизни Шапиро в Корсаковичах. В одной из них говорится о том, как однажды на улицах деревни бесновался вырвавшийся из стойла бык, он ломал изгороди, бодал людей и скотину. Генрих, который в тот час как раз молился, вышел из своей избы и спокойно заговорил с быком. А потом накрыл ему голову вместе с рогами своим талесом. Бык успокоился и позволил снова привязать себя.

Генрих был очень трудолюбивым и поэтому удачливым крестьянином и плотником. У него было много детей, из которых выжило и выросло 18 душ. И я с удивлением и почтением думаю о его миниатюрной жене Ра-

хили и её жизненном подвиге. Когда Генриху исполнилось 50, ему уже не нужно было работать в поле и на постройке домов, потому что взрослые дети и без него могли содержать всю большую семью. И Генрих, который в своей жизни учился только в хедере, начал усиленно заниматься самообразованием. В 60 лет он успешно закончил школу Талмуд-Торы в Борисове, а потом занялся переписыванием Торы, а также изучением Торы и Талмуда. К 70 годам, уже переписав несколько свитков Торы, он пришел к мысли, что для того, чтобы изучить Божье творение, недостаточно заниматься религиозными и историческими текстами: необходимо изучать и естественные науки. И он усиленно и упорно учился по книгам и брал уроки у репетиторов.

В 77 лет Генрих сдал экстерном выпускные экзамены в Минской гимназии и захотел учиться в Петербургском Его Императорского Величества Университете. Он думал, что трудности с поступлением возникнут у него из-за возраста, но ошибался. Он не мог там учиться, потому что был евреем. Евреи в России до 1863 года вообще не имели права поступать в высшие учебные заведения, а после этого — только в порядке исключения.

После трехлетних усилий 80-летний Генрих получил разрешение посещать только что основанный Политехнический институт в Санкт-Петербурге, но не как студент, а как вольнослушатель. В 1870-м Генрих — опять экстерном! — получил степень магистра минералогии. Тремя годами позже он снаряжает первую в России минералогическую экспедицию на Урал с заданием составить полный минералогический атлас Урала. Это задание было успешно выполнено в 1883 году, к сотому дню рождения Генриха Шапиро. До моего отъезда в Германию у нас еще был в качестве напоминания о Генрихе маленький демонстрационный вариант Минералогического атласа Урала вместе с его собственноручным описанием минералов. Не получив разрешения на вывоз этого старинного собрания минералов за пределы Советского Союза, я оставил его моему другу Юрию Фрейдину, чтобы он распорядился им по своему усмотрению.

Генрих обладал исключительным здоровьем. Он вел очень подвижный образ жизни, купался зимой и летом в проточной воде и до последнего дня жизни не оставлял своих занятий Торой. Когда ему исполнилось 100 лет, а он еще не утерял свою мужскую силу и имел собственные зубы, он в конце концов пришел к выводу, что Бог решил наградить его за праведную жизнь бессмертием. И тогда он вознамерился снарядить еще одну минералогическую экспедицию, на этот раз на Байкал. Но это было уже невозможно, поэтому Генрих отправился туда как консультант. Экспедицию возглавлял впоследствии знаменитый Обручев, с которым у

Генриха была профессиональная дружба. Генрих утонул, купаясь в Байкале. Его тело еще было видно в кристально-чистой воде, но из-за слишком большой глубины его не смогли вытащить. Письмо Обручева, не официальное, а сердечное, в котором он уведомляет семью о смерти Генриха, погибло во время немецкой бомбежки во 2-ю мировую войну, так же, как многое другое из семейного архива.
Генрих Шапиро умер в 1896 году в возрасте 113 лет. Портрет Генриха, который хранится в нашей семье, любовно написан известным художником Галкиным.

* * * * * МАКАРИЙ

Одного из сыновей Генриха звали Йойне. Он нам не предок, но родственник, и я считаю своим долгом почтить его жизнь несколькими словами. Он исчез бесследно в возрасте восьми лет, просто не вернулся с прогулки. О его судьбе стало известно намного позже.

В то время Россия имела профессиональную армию. Военная служба для солдата длилась 25 лет, считая с окончания обучения. Во время обучения призванные на военную службу назывались не солдатами, а рекрутами. Призывались юноши 19 лет из так называемых полноправных граждан, в число которых не входили национальные и религиозные меньшинства, а только православные крестьяне и мещане. Стало быть, например, цыгане или евреи, казалось бы, призыву не подлежали. Призыв проводился во всех населенных пунктах по разверстке для определенного года рождения.

Русский солдат был в то время самым бесправным существом на свете, и солдатская жизнь была ужасна не только в военное, но и в мирное время. Считалось, что чем больше лишений переносит солдат в мирное время, тем с большей легкостью он умрет в битве за царя и за православное отечество. Для воспитания солдат в таком духе в казармах, помимо и без того тяжких учений, существовала целая система различных подчиняющих и унижающих личность ритуалов и культов, включавших телесные и душевные издевательства ("дедовщину"), которые были придуманы и исполнялись самими солдатами. "В рекрутчину — что в могилу," — гласила тогдашняя поговорка. Военной службы в России боялись.

Поскольку призыв шел по разверстке, а не был делом личного долга, у людей побогаче было принято сдавать в рекруты вместо собственного сына купленного бедняка, заплатив ему либо его родителям. Однако в нищей России не хватало бедняков, чтобы удовлетворить требования в

подставных рекрутах. Поэтому установилась практика, которая не только терпелась, но прямо поощрялась Российским государством: школы кантонистов (происхождение слова "кантон" в этом значении мне неизвестно).

Школы кантонистов функционировали следующим образом. Специальный отряд вербовщиков устраивал самую настоящую охоту на мальчиков из национальных или религиозных меньшинств, в основном на еврейских мальчиков в возрасте от 6 до 10 лет. Отряд вербовщиков старался действовать так, чтобы не оставлять следов, например, когда мальчик гулял за пределами деревни или шел один из школы. Лишь в исключительных случаях детей силой забирали из семьи, как правило, во время погромов. В еврейских поселениях детям запрещали выходить из дома, если в округе разносился слух, что неподалеку появились подозрительные люди, похожие на вербовщиков. Пойманных детей, кантонистов, отправляли в интернат, который обычно находился либо при монастыре, либо в самой казарме, крестили и воспитывали как будущих рекрутов. Рекрута взамен собственного сына можно было свободно купить в школе кантонистов. Таким образом покрывались расходы на вербовку, содержание и обучение кантониста, и он отправлялся на военную службу вместо покупателя.

То, что против этого не было никакой правовой защиты и возможности обжалования, само собой разумелось. В годы, бедные рождаемостью, государство само покупало рекрутов в школе кантонистов, не заботясь даже о том, достигли ли они призывного возраста. Смертность среди кантонистов была очень высокой.

Существование школ кантонистов оправдывалось декларированным правом каждого нехристианина найти свой путь в лоно русской православной церкви и тем самым к спасению души под эгидой русского народа. Кантонистов принуждали подписывать соответствующее заявление. Этого было достаточно, чтобы отклонять любые претензии со стороны не располагавшего полноправным гражданством национального или религиозного меньшинства. В общем, тебе уже давно стало ясно, что Йойне был пойман и стал кантонистом.

Мне не передать мучений, в особенности душевных, которые в эти годы претерпел Йойне. Об этом он впоследствии рассказал своему брату Шломо-Хаиму. Но все же рядом с ним оказался человек, который открыл в маленьком мальчике большую душу и прирожденный разум и захотел непременно спасти его от солдатчины. Это был его законоучитель; к сожалению, мой отец уже не помнил его имени. У кантониста была лишь

одна возможность избежать военной службы. Это было, как говорит моя жена Хелла, "отступление вперед" — монашество.

*

При постриге Йойне получил имя Макарий. Разумный и старательный, он вскоре хорошо разобрался в церковной иерархии и сделал замечательную карьеру. В 80-е годы он стал архиепископом новгородской церковной епархии. Слава о добром владыке, всегда готовом помочь советом и делом, привлекала к нему паломников со всей России.

Однажды перед воротами дома Шапиро в Борисове остановился солидный экипаж, запряженный четверкой лошадей. Из нее вышел монах, открыл заднюю дверцу, спустил лесенку и помог выйти своему спутнику. Этот спутник, его преосвященство новгородский епископ Макарий, опустился у ворот на колени и поцеловал землю. Когда он поднялся и захотел войти, его грубо остановил крестьянин, лицом удивительно похожий на него: "Убирайтесь, вы, свиноед, здесь еврейский дом!" "Брат, это я, Йойне", — сказал Макарий. Но его брат, глупый Ицхак, один из 18, не мог в тот миг припомнить никакого Йойне — ведь прошло более тридцати лет. Ограниченный иудейский ортодокс увидел только православного монаха, и ничто не шевельнулось в его сердце. Ицхак позвал на помощь еще одного брата и двух племянников, и они прогнали плачущего Макария, не пожелав даже выслушать его.

Думаю, это был самый черный день во всей жизни Макария, и мне сейчас так же стыдно за моего двоюродного деда, как и в первый раз, когда я услышал от отца эту историю. 101-летний Генрих и его жена Рахиль были в тот день в своем доме в Корсаковичах; услыхав о происшедшем, они сразу поняли, кто был монах, который хотел войти в дом. Почти сорок лет молился Генрих за спасение Йойне и был уверен, что его молитвы были услышаны. Генрих написал Йойне письмо, но прошел еще год, пока Шапиро удалось выяснить, что это за монах и как его отыскать.

Макарий простил своим братьям. Он еще раз посетил родной дом и получил благословение отца. Поскольку в семье вскоре после смерти Генриха из-за очередного отчуждения собственности и потери аренды финансовые дела шли плохо, Макарий два или три раза оказывал им помощь из собственных средств. До самой смерти он переписывался с младшим братом, Шломо-Хаимом, который, вероятно, нашел в нем единственную близкую душу, кроме своего отца Генриха.

* * * * * * ШЛОМО-ХАИМ

Шломо-Хаим был младшим из выживших детей и считался самым одаренным. Поэтому было решено, что он должен получить высшее образование, чтобы стать раввином. После борисовской школы Талмуд-Торы он отправляется в Лемберг (Львов) и учится там в иешиве. В это время он знакомится с несколькими каббалистами, через которых ему открывается схоластически-теологическая проблематика поиска истины, и начинает особенно интересоваться методом. Учения трех великих мыслителей, с трудами которых он знакомится в Лемберге, дают ему решающий импульс: это учение о возможности универсального божественного суда лондонского раввина Николая Бэрроу (Barrow), учение о методе координат Декарта и "Математические Начала" Исаака Ньютона; благодаря двум последним Шломо-Хаим изучает латынь и идет на обострение отношений со своими учителями в иешиве. По окончании учения он не допущен к раввинским экзаменам.

Оставшийся без средств и опозоренный, Шломо-Хаим отправляется в Дерпт (Тарту), где он держится на плаву благодаря урокам древнееврейского, случайным приработкам и помощи нескольких более обеспеченных друзей. Помимо голода, он страдал в то время от холода в его нищенской каморке и от отсутствия приличной одежды, без которой он не имел возможности появиться в Дерпте в публичном учреждении: ведь центром его жизни стал Дерптский университет.

В качестве вольнослушателя Шломо-Хаим посещает лекции по естествознанию, древней и новой истории, механике, логике и, самое главное, по математике и истории математики. Именно математика постепенно вытеснила из его жизни все остальное, за исключением экстатической религиозной лирики на древнееврейском языке. В математике этот скупой на слова, глубоко интровертный сын Генриха увидел ключ к пониманию Божьего труда и самого Бога. Он был убежден, что завет между двумя сторонами — Богом и человеком — обязывает к обоюдному познанию. Конечно, он не считал, что человек может познать Бога во всей Его глубине и во всех деталях. Тем не менее целью всей своей жизни он поставил себе исследование принципиальных границ познаваемости Бога.

Но чтобы прожить вблизи Дерптского университета, посвятив себя выполнению своей жизненной задачи, мало было дисциплины, одержимости в работе и строгого выполнения всех религиозных предписаний. Чтобы не умереть с голоду и иметь возможность посвящать своей работе достаточно времени, Шломо-Хаим был вынужден вернуться в Борисов.По дороге Шломо-Хаим навещает в Новгороде своего вновь найден-

ного брата Макария, о котором он узнает из письма отца. Они знакомятся и до самой смерти Макария продолжают дружить и вести споры. Различия в религиях остаются в приватной сфере каждого. Общее духовное намерение явно было движущей силой их отношений. Они оба были гностиками, хотя и разного толка. Макарий полагал, что исследование принципиальных границ познаваемости Бога — это не что иное как жизненный процесс "в себе" (an sich), и поэтому носит чисто эмпирический характер. Шломо-Хаим надеялся на формализованную рациональность, которая в качестве инварианта бытия-самого-по-себе (in sich) содержит в явном виде per constructionem имманентные границы познания как процесса. Такую рациональность он пытался выстроить в своих математических штудиях как формальную систему высказываний.

Макарий приводил в качестве аргумента то, что Шломо-Хаим осуществляет конструктивный путь уже своей жизнью, то есть эмпирически. Шломо-Хаим апеллировал к тому, что аргумент Макария должен выступать как высказывание в некой хотя и неформализованной, но формализуемой системе высказываний. То, что эта система высказываний должна обязательно быть формализуемой, необходимо для того, чтобы два таких разных наблюдателя, как Макарий и он сам, оба могли быть уверены, что они друг друга действительно понимают, даже когда не соглашаются друг с другом. И так далее...

*

В Борисове нелепые занятия Шломо-Хаима не нашли ни понимания, ни одобрения со стороны его большой семьи. Однако химик и петролог Генрих, хотя и не понимал рассуждений Шломо-Хаима, единственный в семье верил в правильность его действий, а также поддерживал сына материально. И хотя Генрих в то время думал, что стал бессмертным, он все же поручил своим твердо стоящим на земле сыновьям в случае его смерти во имя Бога как следует позаботиться о Шломо-Хаиме и его будущей семье. Генрих настоял на том, чтобы Шломо-Хаим женился и завел детей. За это я должен быть ему особенно благодарен.

В том же году горела борисовская синагога. Пока другие кричали "Воды!" и ждали пожарную команду, Шломо-Хаим сквозь пламя вбежал в молитвенный зал, взломал ковчег и вынес из огня два свитка Торы. Когда он хотел забрать другие, в вестибюле рухнула кровля. Один из этих свитков, переписанных Генрихом, реставрирован и находится у нас. За это я хочу принести благодарность друзьям, которые впоследствии способствовали сохранению свитка: это Павел Кузнецов, Сергей Дунин и в осо-

бенности Вольфганг Казак. В Судный день спасение свитка Торы приравнивается к спасению человеческой жизни.

Шломо-Хаим женился в Борисове на Ханне Бассейн. Наш Леля, Лев Бимман, который сейчас женат на дирижере Камилле Кольчинской и живет в США, — сын Рахили Бимман, урожденной Бассейн, сестры моей бабушки Ханны Шапиро. Шломо-Хаим и Ханна поселились в старом доме Шапиро в Корсаковичах.

Ханна управлялась с домашним хозяйством и огородом, заботилась о скотине. Шломо-Хаим мало помогал ей. Все свое время и силы он посвящал "формальной, нетривиальной системе высказываний, демонстрирующей в явном виде имманентные границы процесса познания". Ханна ничего не понимала в его работе, но тем не менее была уверена, что именно ее муж делает самое важное дело, имеющее отношение к вере вообще, а особенно к способности человека быть ответственным за свои дела. Эта вера в него Ханны так сильно подстегивала Шломо-Хаима в работе, что он из страха не оправдать надежд своей жены иногда зарабатывался до потери сознания. Он не понимал, что скорее оправдает ожидания своей жены, если ограничит свой аскетизм, войдёт ее в здоровый рабочий ритм, как хотелось Ханне; но на Шломо-Хаима было трудно повлиять.

Тем не менее отыскался естественный способ, внесший некоторую разрядку в напряженную работу и по-новому повернувший жизнь Шломо-Хаима: 1 мая 1901 года родился его старший сын Израиль.

Шломо-Хаим сразу открыл в себе отца и помогал Ханне с радостью и терпением. "Имманентные границы процесса познания" были попрежнему непроницаемы, но казались теперь не столь жесткими, как прежде. Ему казалось, будто маленький Израиль, играя, мнет и рвет их своими ручками.

У Ханны один за другим родились еще дети: Ита (Туся), Евгения (Геня), Роза, Матвей (Мотя) и Исаак; вместе с Израилем шестеро. От Израиля происхожу я (Барух), Ита родила Михаила, у Евгении было двое детей: Рафаил и Анна, Роза осталась бездетной, Матвей родил Инну, Исаак родил двух дочерей: Веру и Наталью. Все дети этого поколения еще живы, и у многих также есть дети и внуки.

Вскоре после рождения Израиля всем Шапиро пришлось уехать из Корсаковичей. Помещик Корсаков из-за карточных долгов попал под суд и лишился части владений. Таким образом, семья Шапиро потеряла арендованную землю и вынуждена была переселиться в Борисов.

*

Первая мировая война, можно сказать, прокатилась мимо семьи Шапиро. Самое важное из известных мне событий того времени состоит в том, что Шломо-Хаим находит в сконструированной им системе высказываний доказательство того, что в этой системе существуют "неразрешимые" высказывания и что в каждой системе высказываний должны иметься неразрешимые (недоказуемые) высказывания[3]. Это и было математически корректно сформулированное явное распознание принципиальных границ познания как процесса-самого-по-себе (in sich). В 1916 году семья переселяется в Петроград, чтобы Шломо-Хаим мог войти в контакт с академическими кругами логиков и математиков российской столицы.

В Петрограде 66-летний Шломо-Хаим регулярно посещает математический семинар в Университете, делает доклады там и на заседаниях Академии наук. Коллеги ценят его как образованного и понимающего собеседника, но его собственное исследование не находит отклика. Академический журнал "Математический вестник" в Петрограде отклоняет его статью. Обоснование: его выводы не имеют ничего общего ни с математической, ни с какой-либо иной реальностью, а относятся только к религиозной мистике.

Израиль в то время почти не был религиозен. В его голове гулял ветер революции. Однако он заботился о семье и неутомимо трудился, чтобы прокормить своих младших братьев и сестер. Он был для них как маленький отец. Шломо-Хаима с его строго религиозной жизнью, математическими штудиями и религиозными стихами на древнееврейском языке он не понимал, однако чтил отца своего и относился к нему с безграничным уважением. Большой и сильный Израиль был похож на своего деда Генриха и пошел в него уравновешенностью и рассудительностью.

Однажды летом 1918 года Израиль пришел к отцу, который как раз был погружен в изучение Торы, и попросил у него благословения. Израиль объяснил, что он хочет вступить в Красную Армию и уйти на гражданскую войну, чтобы защищать евреев от белого террора и сражаться за счастье всего человечества. Шломо-Хаим отказал ему в благословении. Он сказал: "Образованная и воспитанная Белая армия совершает невероятные преступления во имя справедливости. Неотесанная, состоящая из разного сброда Красная армия ради счастья всего человечества будет совершать еще худшие преступления, и ты станешь насильником и

---

[3] Высказывание в системе высказываний называется разрешимым, когда возможно средствами только лишь этой системы и логики решить, является ли это высказывание истинным или ложным. Высказывание, в отношении которого невозможно принять это решение, называется неразрешимым высказыванием или неразрешимым предложением.

убийцей. Нет тебе на это благословения!" Израиль еще попытался переубедить отца, но отец отослал его прочь одной фразой: "Шапиро так не поступает. Теперь иди!" — и снова погрузился в свои штудии.

Отсутствие отклика угнетало Шломо-Хаима. В 1921 году Курт Гедель (Kurt Goedel) опубликовал в Берлине в "Математических и физических тетрадях" ("Mathematische und Physikalische Hefte") основы своего доказательства существования и необходимости недоказуемых предложений в системах высказываний эквивалентных арифметике. Шломо-Хаим собирался написать письмо Курту Геделю, но все же отказался от этой мысли.

Как у Курта Геделя, так и у Шломо-Хаима оставался открытым один важный вопрос: сколько неразрешимых предложений может существовать в системе высказываний? Ясно, что бесконечно много, но в какой пропорции? Шломо-Хаим формулирует свою "Гностическую гипотезу": *"Доля неразрешимых предложений в бесконечном открытом множестве нетривиальных предложений в системе специальной конструкции может стать асимптотически сколь угодно малой".* Но и это он не смог опубликовать.

Не имея средств к существованию, Шломо-Хаим в Петрограде, а позже в Ленинграде зарабатывал на скудное пропитание для семьи, служа бухгалтером на маленькой обувной фабрике. Он получал так мало, что если бы Израиль не работал грузчиком в петроградском порту с семнадцати лет, семья наверняка голодала бы.

Между тем Шломо-Хаим становился все нелюдимее. Было бы неверно сказать, что у него была депрессия, но он все глубже замыкался в себе, и поведение его приобретало все больше черт аутизма. Он потерял контакт с младшими детьми и только Израилю и жене доверял свои мысли, потому что лишь они оба имели готовность и желание выслушать его.

*

С конца 20-х годов Шломо-Хаим стал полагать, что духовный труд человека есть "жизнеприношение", что Бог один распоряжается этим, хотя справедливо, но непостижимо, и от этого человеческому сердцу бесконечно больно. С тех пор Шломо-Хаим прекратил заботиться о судьбе своих произведений: как только он заканчивал их, они его больше не интересовали, будь то математические выкладки или стихи. На пенсию, которую он получал в то время, можно было купить месячный проездной билет, его жена Ханна получала пенсию как многодетная мать за своих шестерых детей — этого как раз хватало, чтобы кое-как сводить концы с концами.В старости Шломо-Хаим все чаще вел внутренние беседы с

давно умершим Макарием. Исследование принципиальных границ познаваемости Бога удалось ему, по меньшей мере, отчасти, но жизнь сыграла с ним злую шутку, и оказалось, что все знание вместе с благочестивым исследователем грозит кануть в неотвратимое забвение.

Голоса у него в голове вели целые диспуты.

— И это пройдет, — говорил его пращур и тезка царь Соломон.

— Камень-оберег, сапфир, например, или изречение должны быть хорошо оправлены, чтобы они правильно действовали, — поучал его Калам.

— Тебя и сейчас уже никто не знает, — кричал Ицхак, всегда считавший себя правым.

Мендель-Хендрик советовал обратиться в приличную частную типографию и сердился, что Шломо-Хаим уже даже не знает, где его записи.

Нехамия подбодрял его: "Над пониманием того, что здесь нужно делать, мы должны сознательно работать.".

Генрих утешал: "Ты еще найдешь правильный путь".

Макарий снова повторял, что лишь жизненный процесс в себе позволит постичь границы познаваемости Бога.

— Подумай о детях, — шептала Ханна.

Бог улыбался.

Шломо-Хаим позвал к себе Израиля и попросил его выучить наизусть несколько трудных предложений и передать их своим будущим детям, чтобы те передали их своим детям и так далее, пока кто-нибудь из семьи не разберется, *истинны или ложны* положения Шломо-Хаима, те самые, которые я здесь привожу. Мой отец сделал это, не понимая в них ни слова, но убежденный, что таким образом выполняет долг, предписанный пятой заповедью, — почитать родителей.
Я, со своей стороны, должен был вести многолетние изыскания, чтобы из выученного наизусть моим отцом Израилем, из немногочисленных записей, оставшихся от Шломо-Хаима, и из собственных штудий составить себе связное представление о жизни Шломо-Хаима и о мотивах его поступков. При этом у меня часто возникало чувство, будто во мне что-то открывается и слышится голос моего любимого дедушки Шломо-Хаима, которого я никогда не знал, и что я учусь у него с бесконечной благодарностью и радостью.

Ответственность человека, естественно, всегда личная. Шломо-Хаим искал максимально возможную меру человеческой ответственности, которая еще совместима с понятием ответственности как таковой. Эту меру Шломо-Хаим отождествил с той мерой, в которой человек способен

принимать истинные решения. Доля разрешимого по отношению к целому, согласно Шломо-Хаиму, это мера максимально допустимой ответственности.

С этим Шломо-Хаим связывал две следующие проблемы:
— проблему распознавания доли разрешимого, чтобы не нарушить долг ответственности ни небрежением, ни чрезмерным усердием.
— проблему воли, то есть осуществимости решений, которая таким образом также принадлежит к способности принимать решения.

Обе проблемы связаны с практической жизнью в такой же мере, как и с познанием Бога как высшего принципа творения. В конечном счете идея Шломо-Хаима сводится к тому, чтобы человек — и сознавая свой долг, и с радостью — принял участие в процессе сотворения мира и не наделал при этом бед.

Итак, человеческий дух, согласно "Гностической гипотезе" Шломо-Хаима, в принципе способен нести ответственность почти что за все, если станет заниматься этим долго и достаточно серьезно, поскольку "доля неразрешимого в жизненном процессе сознательно ответственного человека может стать асимптотически сколь угодно малой". Сознательно ответственное поведение, долгая жизнь и хорошее образование являются долгом религиозного человека. В нашей семейной истории тому достаточно примеров. Необразованный человек не может быть по-настоящему благочестивым.

*

Шломо-Хаиму давно было ясно, что спор между ним и Макарием в конечном итоге похож на спор о курице и яйце. История — это система высказываний о жизненном процессе. Она управляет жизнью, а жизнь, в свою очередь, несет в себе историю.

В 80 лет Шломо-Хаим начинает заниматься историей своей семьи. Он упорядочивает события, систематизирует документы и составляет семейную хронику в семи больших переплетенных тетрадях.

Однажды в 1936 году его сын Израиль явился в смятении, запыхавшийся, и сказал, что спасается бегством, что его преследуют милиция и гебисты (как это случилось, я расскажу в следующей главе). Преследователи потеряли его из виду неподалеку от дома, и было ясно, что найти квартиру для них — дело нескольких минут.

Шломо-Хаим велел Израилю снять с кровати простыню. Он завернул в нее свиток Торы, положил ее Израилю на правое плечо, благословил его и сказал: "Теперь иди. Она тебя будет хранить". Израиль с большим белым свертком на плече спокойно прошел перед самым носом у преследователей. Они его просто не заметили.

Почувствовав приближение смерти, Шломо-Хаим отдал семейный архив со всеми предметами на сохранение Илье Петровичу Явичу, другу и учителю Израиля, пока Израиль не будет в состоянии снова забрать его. Илья Петрович Явич был искусствоведом в Эрмитаже еще до Октябрьской революции 1917 года, остался им и в советское время. Так что Явич не только понимал ценность вверенного ему сокровища, но мог хорошо спрятать его.

Шломо-Хаим умер 18 мая 1938 года в Ленинграде в возрасте 88 лет. Израиль был оповещен об этом и приехал на похороны. Когда он и 14-летний Лёля (Лев Бимман) возвращались с кладбища на трамвае, с ними ехал какой-то подвыпивший человек с карикатурно крупными чертами лица, который, жестикулируя, объяснял остальным пассажирам: "Главное — это порядок! Кто порядок соблюдает, тот всегда прав!" Внезапно Израиль разразился громким смехом. "Как ты можешь, — пристыдил его Лев, — не успел кадиш прочитать, а уже смеешься". Израиль, казалось, не смутился и ответил: "Это отец смеется во мне, слушая этого идиота".

* * * * * * * ИЗРАИЛЬ

В 1918 году, после того, как отец отказался благословить его, Израиль ушел на гражданскую войну красноармейцем. Но поскольку отец сказал, что "Шапиро так не поступает", он взял себе имя Борис Борисов.

Вскоре Израиль, которому только что исполнилось 18 лет, становится командиром казачьего эскадрона.
Однажды он получает приказ сравнять с землей две только что взятые станицы, все дома сжечь, а все население, включая женщин и детей, истребить.

В тот день он вспомнил об отцовском благословении, которого не получил, и решил дезертировать. Он собрал свой эскадрон на митинг и убедил большинство казаков тоже дезертировать. Так Борис Борисов покинул Красную армию, зато в гражданской жизни снова появился Израиль Шапиро. Это спасло Израиля — долгие годы, десятилетия по всей Рос-

сии, а потом и по всему Союзу продолжали безуспешно разыскивать военного преступника и дезертира Бориса Борисова.

Эти события пробудили в нем глубокую религиозность. Разумеется, он молился и соблюдал все обряды своей религии тайно. Опыт, полученный в армии, достаточно прояснил для него суть советской системы.

В Петрограде Израиль снова работает грузчиком в порту и сдает экзамен на аттестат зрелости в вечерней школе. После этого он изучает народное хозяйство в Институте красной профессуры и становится профессором экономики в Петроградском Политехническом институте, в котором его дед когда-то получил экстерном степень магистра минералогии. Социальный статус "рабочий, сын крестьянина" легко открывает Израилю путь к карьере в государстве диктатуры пролетариата.

В Ленинграде Израиль занимался социальным обеспечением и профсоюзным охватом ученых. Он основал "Клуб ученых в Лесном" (Лесное — это район Ленинграда, где было создано несколько научно-исследовательских институтов). Этот клуб впоследствии был превращен в Дом ученых, на базе которого его члены по сей день получают социальную и культурную поддержку.

В 1936 году Израиль был подвергнут товарищескому суду в Политехническом институте за то, что осмелился сказать в публичной лекции, будто марксистско-ленинское экономическое учение — не истина в последней инстанции, а лишь промежуточная ступень на пути к правильным экономическим знаниям, и что долг советского ученого — работать над совершенствованием этого учения и заниматься практическими исследованиями. Возник спор, должна ли администрация института подать заявление в ГПУ о преследовании профессора Шапиро как "врага народа". Решили с заявлением подождать, но в течение года систематически наблюдать за поведением профессора Шапиро и на это время запретить ему публичные выступления.

Когда Израиль, опечаленный и задумчивый, возвращался домой с этого собрания, на Невском проспекте посреди улицы его, как нарочно, узнал его бывший политкомиссар. "Борис Борисов, — закричал он, — держите преступника!" Вполне в духе того времени мгновенно образовался отряд преследователей — милиция и ревностные доброхоты. После долгой и утомительной погони они потеряли преступника из виду. Призванный на помощь отряд гебистов начал оцеплять квартал. Крупного человека, который спокойно прошел мимо, неся на плече тяжелый белый сверток, никто из них не заметил. Обыск и опрос всех жильцов квартала ничего

не дал. Преступник Борис Борисов как в воду канул. С Торой на плече Израиль сел в московский поезд.

*

При поддержке своего бывшего преподавателя из Института красной профессуры, ставшего к тому времени членом Академии наук СССР, Ивана Павловича Бардина, Израиль приступает к подготовке проекта опытных экономических исследований в области черной металлургии. Он становится ответственным за разработку совместной заявки по исследованиям от Академии наук и Министерства черной металлургии советскому правительству. Поскольку черная металлургия зависит от производства угля и кокса, Израиль часто посещает Министерство угольной промышленности, где в 1938 году встречает свою будущую жену Берту Гореву, урожденную Шац.

*

В семье было жарко, как в доменной печи. Огневой темперамент моей матери с угольно-черными глазами хорошо сочетался с железным терпением отца. В итоге к концу Великой Отечественной войны в 1944 году они выплавили меня. Перед этим, однако, произошли события, о которых стоит рассказать.

Берта пришла в Министерство угольной промышленности искать работу. Израиль увидел ее, при всем честном народе встал перед ней на колено и попросил ее руки. Она не приняла его всерьез. Он стал преследовать ее. Через год она согласилась.

Ее первый муж, Наум Горев (настоящая фамилия Эйдельман[4]), очень рано вступил в социал-демократическую, а затем коммунистическую партию и взял псевдоним Горев. В 1921 году он был командирован в Среднюю Азию, в Туркестан, в качестве начальника госбезопасности (шефа НКВД), чтобы укреплять там советскую власть. Одесситка Берта, которой тогда было 15 лет, сбежала с ним. Только там она могла выйти за него замуж в таком возрасте.

Многократно отличившись, Горев всего через несколько лет стал комендантом московского Кремля. Молодая советская республика в то время приобрела четыре больших автомобиля "линкольн" с открывающимся верхом, предназначенных для представительства. Один из них получи-

---

[4] Или, может быть, Розенблюм? Память стала играть со мной злые шутки.

ла в свое распоряжение Берта Горева; после этого 20-летняя красавица вообразила себя Четвертой Дамой Королевства.

Умный, дальновидный Наум Горев уже в 1931 году почувствовал, что он как старый член партии не переживет одной из последующих партийных чисток, и тогда его любимая жена непременно попадёт в беду вместе с ним. Чтобы спасти ее, Горев фиктивно развелся, снял для жены неприметную квартиру, где мог тайком посещать ее, и уговорил Берту выучиться на инженера-экономиста.

В 1935 году Наум Горев был арестован и вскоре расстрелян. Берта, вовремя предупрежденная, ушла в подполье. В 1938 году в государственной мании преследования наступила короткая передышка: в качестве предлога для чистки среди органов безопасности целый ряд казненных партийных функционеров был реабилитирован. В опубликованном списке реабилитированных Берта нашла фамилию Горева. Она вышла из подполья и отправилась в Министерство угольной промышленности искать работу.

Когда Израиль попросил ее руки, Берту еще не оставила надежда, что Наум как-то мог пережить преследования в одном из отдаленных лагерей. В 1939 году она получила официальное свидетельство, что Наума расстреляли в 1935-м, и согласилась выйти замуж за Израиля.

В Министерстве угольной промышленности Берта вскоре стала руководителем группы контроля. Ей часто приходилось ездить в командировки и заботиться о производительности различных предприятий угольной промышленности по всему Советскому Союзу. Вторая мировая война пришла в Россию, когда Берта инспектировала угольные шахты Кузнецкого бассейна. Ей потребовалось два месяца, чтобы, двигаясь против людского потока, после многочисленных приключений добраться до Москвы.

Ее министерство, с которым она связалась прямо с вокзала, было почти готово к эвакуации. Она получила всего три дня, чтобы подготовить к эвакуации свою группу контроля и семью, но Израиля нигде не оказалось: ни дома, ни на работе. Когда измученная Берта добралась наконец до постели, она увидела на своей подушке записку: "Любимая, мне ничего другого не остается. Не волнуйся, я ушел на фронт. Я должен сражаться против фашистов, чтобы защищать советский народ, всех евреев и в особенности тебя. Думай обо мне, и Бог мне поможет. Всегда твой".

"Идиот!" — произнесла Четвертая Дама, ничего не знавшая об истории с Борисом Борисовым, так как Израиль был хотя и романтиком, но не бол-

туном. Она ненавидела Сталина и советскую власть и боялась их, так как не могла простить им Горева, но подвергать риску жизнь второго, тоже любимого, мужа она не собиралась. "Бог тебе поможет, как же, жди", — с горькой иронией пробормотала она, прочитав записку, не замечая, что Он уже взялся за дело.

Берта назначила двух своих заместителей руководить эвакуацией группы контроля, сама же получила у замминистра разрешение присоединиться к группе на неделю позже под собственную ответственность. Она составила для своих заместителей точный план подготовительных мероприятий и организации отъезда с указанием сроков. Только после этого она обратилась в районный призывной пункт, чтобы справиться о муже. Израиль записался добровольцем в народное ополчение и уже месяц как был отправлен на фронт.

Теперь ей предстояло самое трудное — постараться задействовать свои старые связи. Это было крайне рискованно — за десять лет все могло измениться, и степень риска было невозможно оценить. Но выбора не было. Берта записалась на прием к всесильному тогда Абакумову. Он принял ее сразу, как только услышал ее имя.

Через пять дней "воронок" привез домой ничего не понимающего Израиля. Сопровождающий конвойный офицер сдал его Берте Горевой под расписку, улыбаясь, отдал честь, щелкнул каблуками и исчез. Израиль не сразу понял, что он свободен и в своей семье. Берта с мужем присоединились к группе контроля министерства, которая эвакуировалась на Урал, без опоздания.

Из примерно полумиллиона солдат московского ополчения через несколько месяцев в живых осталось не более семидесяти. Сам Абакумов при следующей чистке был снят с работы и расстрелян по приказу Сталина.

*

Пока семья находилась в эвакуации, семейный архив, собранный Шломо-Хаимом, вместе с квартирой Ильи Петровича Явича и с его уникальной личной художественной коллекцией был уничтожен при бомбежке Ленинграда. Илья Петрович и его жена остались в живых только потому, что во время бомбежки их не было дома. Мой отец познакомил меня с семьей Явичей во время поездки в Ленинград в 1956 или 1957 году, и тогда Илья Петрович рассказал мне то, что еще помнил о нашем семейном архиве.

Время эвакуации и возвращения моих родителей в отмеченную печатью войны Москву я пропущу ради краткости, хотя там и произошло несколько важных для семьи событий.

Мой отец назвал меня Барухом. Это очень древнее имя и по-древнееврейски означает "Благословенный". Однако служащая загса отказала ему в регистрации. С 1943 года детей на территории России полагалось называть именами либо русскими, либо нейтральными, но не именами, говорящими о принадлежности к нерусской нации. Пока я не стал взрослым, я никак не мог понять, как это у советского правительства во время грозной и тяжелой войны хватило времени и кадров, чтобы принять это решение об ограничении имен и провести его в жизнь. Потом я узнал, что это связано со сталинской политикой депортации народов. Так или иначе, имя Барух не относилось к разрешенным именам.

По созвучию мне дали русское имя Борис. Имя "Борис" родственно слову "прусс" и означает "борец". Отца это тоже устраивало. Он считал, что имена на самом деле даются в сердце, а не просто в конторе. Дома он называл меня Барух, а нередко и Борис Борисов. Моя чувствительная мать не воспринимала обращение "Борис Борисов" как ласкательное имя и ревниво сердилась; ей тут мерещилось нечто недоступное для неё, и поэтому она чувствовала себя обделенной.

Опытные экономические исследования в области черной металлургии были делом нелегким. Отсутствовало все: и понимание важности дела, и средства, и административная и научная инфраструктура. За 28 лет профессиональной жизни в Москве Израиль Шапиро создал следующие учреждения, которыми поначалу сам руководил:

+ Союз по изучению производительных сил при Госплане СССР (СОПС);
+ Библиографическую Комиссию по изданию Библиографического справочника по железным рудам под руководством и под редакцией Израиля;
+ Комиссию по долгосрочному экономическому планированию при Госплане СССР;
+ Комиссию по комплексному изучению Курской магнитной аномалии;
+ Основанный в 20-е годы клуб — Дом ученых в Лесном, в Ленинграде, который полноты ради я называю еще раз.

Несмотря на профессиональные успехи, Израиль и Берта не избежали трудностей. В 1952 году Израиль едва не был арестован, потому что пытался свидетельствовать в защиту своего друга, привлеченного по пресловутому "делу врачей" как один из соучастников.

Лишь смерть Сталина в 1953 году остановила уже подготовленную депортацию евреев из центральных районов в Сибирь. Я сам очень хорошо помню, как русские соседи, сантехник и дворник, летом 1952 года заранее делили мебель в нашей квартире, кому что достанется после нашей депортации. У них доходило даже до драки. До апреля 1953-го мои родители вынуждены были терпеть наклейки на мебели, потому что будущие владельцы постоянно контролировали свое право на имущество и непрерывно следили друг за другом. Наклейки "Дядя Вася, дворник" на буфете и "Костя Марташов, техник домоуправления 1/2" на фортепьяно до сих пор стоят у меня перед глазами. "Ну, пацан, — грозил мне дворник Вася, — если это кто потащит, беги прямо ко мне. А не то — у-у! Понятно?" — он подносил к моему носу вонючий волосатый кулак.

*

В 1956 году открылись ворота лагерей. Произошло массовое освобождение тех, кто выжил. Почти все вышли оттуда больными. У них не было ни жилья, ни работы. Израиль, который в своих учреждениях распоряжался рабочими местами, старался устроить на работу как можно больше бывших зеков. Однажды, когда все свободные места у Израиля были уже заняты, Берта попросила его найти работу для ее одесского друга детства, а позже ближайшего сотрудника ее первого мужа Горева по фамилии Нотарьев, который отсидел в лагере 18 лет. Израиль сделал Нотарьева своим заместителем по Библиографической Комиссии.

В 1958 году Израилю было предъявлено обвинение в растрате двух миллионов рублей. Нотарьев, который стал главным свидетелем, явился к моим родителям с деловым предложением: пусть мать разойдется с Израилем и выйдет замуж за него, тогда он, мол, вызволит Израиля из беды. Он, Нотарьев, еще в юности был влюблен в мою мать, но Горев, который был старше него, оказался счастливее. В тридцатые годы, говорил Нотарьев, он вошел в штаб Горева только затем, чтобы быть рядом с Бертой и находиться в ее распоряжении в случае, если с Горевым что-нибудь случится, поскольку "случалось" тогда со многими. Жаль только, что Берта тогда просто по-глупому исчезла, а не связалась с ним; правда, и с ним самим позже случилось то же самое.
Но теперь настали совсем другие времена. В тюрьму человек попадает только когда он действительно совершит преступление, как, например, мой отец. Но у него, Нотарьева, достаточно связей там, где следует, чтобы вызволить отца из этой истории или, напротив, сгноить его в тюрьме или в лагере.

С таким предложением Нотарьев явился к нам в дом и без стеснения, торжествующе объявил его. Я при этом присутствовал и видел, как мать

буквально перелетела через стол и вцепилась ему в глотку так быстро, что он не успел защититься. Она душила его, в слепой ярости царапала и драла за волосы, так что его лицо покрылось кровью. Повреждения, однако, были несерьезными. Нотарьев опомнился и принялся со знанием дела избивать мою мать. Тогда на него накинулся мой отец.

Вдвоем мои родители в точном смысле слова спустили Нотарьева с лестницы. Он бежал, вопя, что они еще пожалеют об этом. Следствие закончилось для моего отца признанием полной его невиновности через два года. Как в глупом анекдоте, недостающие два миллиона обнаружили в квартире пресловутого Нотарьева. Но его связей оказалось достаточно, чтобы прекратить дальнейшее расследование. После этого он работал делопроизводителем в прокуратуре.

*

Комиссия по долгосрочному экономическому планированию была любимым детищем и в то же время главным инструментом, с помощью которого Израиль мог распределять свои исследовательские задания. Необходимость выражать все данные в единицах "на душу населения" обеспечила Израилю доступ к секретным статистическим данным Центрального Статистического Управления о развитии и миграции народонаселения. Его подсчет числа погибших от преследований советского режима к 50-й годовщине Октябрьской революции 1917 года дал ужасающую цифру: около 80 млн, не считая жертв войны[5].

Берта много ночей не спала от беспокойства, услышав об этом побочном результате опытных исследований Израиля — числе в 80 миллионов жертв. Ей потребовались огромные усилия и изобретательность, чтобы с помощью слез, сцен и упреков уберечь Израиля от обнародования этой чудовищной цифры и от неминуемой в этом случае карьеры диссидента. Ее главным доводом помимо того, что этим он погубит семью, многих друзей и труд своей жизни, а погибших все равно не воскресит, было напоминание, что она некогда спасла ему жизнь, и теперь у нее есть право распоряжаться его жизнью и запретить ему акт самопожертвования.

В конце концов Израиль подчинился ее сильной воле, но Бориса Борисова начала отчаянно терзать совесть. Именно в то время Израиль тоже начал слышать голоса."Никому и никогда не может принадле-

[5] Обнародованное Хрущёвым на XX съезде партии в 1956 году официальное число погибших на войне составило 14 миллионов жертв сталинского режима и 20 миллионов погибших на войне. Количество жертв советских лагерей 1956 — 1967 гг. по сравнению с этим очень невелико.

жать твоя жизнь, кроме тебя и Бога, — слышал он голос Шломо-Хаима, — иначе ты раб, а не еврей".

"В принципе да, но еврейская жена и мать имеет на это свои особые права", — вмешивался Генрих.

"В особенности жена, — продолжал кто-то, кого Израиль не знал, но знал, что это тоже его предок, судья Бет-Дина[6], — ибо ты связан с ней согласно договору".

"Но брачный договор не распространяется на вопросы совести, — возражал Шломо-Хаим, — и никоим образом не ограничивает ее свободу".

"Брачный договор налагает ответственность. Женатый человек — предок своего потомства и имеет обязательства перед ним и перед своей женой", — поучал судья.

"Ну, а если он трус?" — подавал голос Борис Борисов.

"Он не трус", — говорил Израиль.

"Он сумасшедший. Сумасшедший остолоп, вот он кто! — жаловалась Берта. — Легкомыслие — имя его, романтическое самолюбование!"

"Речь идет не о том, кто он есть, а о том, как ему помочь", — говорил Шломо-Хаим.

"Послушай, — пытался прекратить спор Генрих, — твой предок Нехамия был не менее благочестив, чем ты, но много мудрее. Благодаря этому он смог избежать ненужного конфликта, не скрывая своего мнения. Может быть, подождешь, пока наступит подходящий момент?"

"Подумай о детях", — шептала Ханна. Ее голос был нежным и теплым.

Еще один тоненький голос, самый тихий, но заглушавший все остальные, не говорил ничего, а просто причинял боль.

Я сказал, что если моя жизнь и дальше будет развиваться так же, как до сих пор[7], то я, вероятно, вынужден буду скоро покинуть Советский Союз и переселиться в Израиль. Тогда я обнародую статистические данные моего отца[8]. Это предложение разрядило обстановку. Больше мы об этом тогда не говорили.

---

[6] Бет - Дин (букв. *дом судебных решений*) — раввинский духовный суд, рассматривающий религиозные дела, относящиеся к личному статусу (бракосочетания, разводы и т.п.), а также административные дела религиозного характера (контроль за соблюдением законов о пище и др.). — *прим. перев.*

[7] Этот разговор состоялся в конце 1970 г. У меня к тому времени возникло немало собственных проблем в России. Однако рассказывать обо мне — задача не моя, а моих потомков. Так что это пока останется без пояснений.

[8] Это я сделал в 1976 и 1978 гг. в Германии. Показательно то колоссальное сопротивление, которое эти цифры вызвали как в средствах массовой информации, так и у слушателей, которым я об этом рассказывал. Защитой палачам служит то, что их чудовищные

*

Мое намерение переселиться в Израиль вызвало горячую поддержку со стороны отца и болезненное и гнетущее предчувствие расставания со стороны матери. В 1972 году я стал готовиться к отъезду в Израиль. Тогда со мной произошло нечто никак не связанное с моими любимыми родителями, но сделавшее мой немедленный отъезд невозможным. В дальнейшем, в конце 1973 года, я познакомился с Хеллой Гаумниц, в январе 1975-го мы с приключениями поженились, а в декабре того же года я переехал в Германию, на родину моей жены.

Когда я решил наконец подать заявление об отъезде, выяснилось, что районное отделение ОВИРа временно располагается в помещении отделения милиции. Так получилось, что я пришел как раз к началу обеденного перерыва и вынужден был ждать целый час. Кроме меня, там не было посетителей. У меня не оказалось с собой книги. Осматриваясь, я заметил, что стены залеплены старыми плакатами о розыске преступников, их там была целая коллекция. Я стал от скуки разглядывать довольно подозрительные физиономии на объявлениях и пытался представить себе людей, которым они принадлежали.

Одно из лиц привлекло мое особое внимание. На старой фотографии был очень молодой человек с открытым, дружелюбным лицом, с густой копной волос, в красноармейской форме; левой рукой он опирался на эфес сабли, висящей на боку, а подмышкой правой руки держал казацкую папаху. Его на редкость славное лицо никак не вязалось с описанием его страшных преступлений:

> "Борис Борисов, военный преступник, дезертир, саботажник и, предположительно, шпион. Давно в розыске. Вооружен и очень опасен.
>
> 20 января 1919 года сорвал важную военную операцию Красной Армии на Кубани; послужил причиной ряда поражений. Организовывал покушения на командующих офицеров Красной, а впоследствии Советской армии.
>
> После гражданской войны являлся организатором акций саботажа с тяжелыми последствиями на промышленных предприятиях, транспорте, а также на военных объектах.
>
> 28 апреля 1936 года был пойман во время большой облавы, но сумел бежать.

деяния неизмеримы человеческой мерой и что за гигантскими цифрами, которые ближе к бесконечности, чем к повседневности, не видно конкретных людей с их страданиями и заботами.

Во время Великой Отечественной войны из ненависти к советскому народу причинил неизмеримый ущерб, что привело к многочисленным жертвам.

После Великой Отечественной войны продолжал свою вредительскую деятельность. В последний раз замечен 12 января 1953 года.

За сообщение о его местонахождении и помощь в поимке назначены денежная премия и правительственная награда."

Описание этого сверхзлодея никак не вязалось с приветливым лицом юного красноармейца. Весьма необычным было и то, что в стране с лучшей в мире системой безопасности и разведки кому-то удается творить свое черное дело почти тридцать пять лет, пройти через две войны и ни разу не ошибиться, и что об этом еще и объявлено публично. Собиратель курьезов и раритетов во мне оказался сильнее добропорядочного гражданина: я похитил старый плакат и повесил у себя дома, прямо на входную дверь изнутри.

Впервые в жизни я увидел, как мой отец побледнел, когда он вскоре пришел ко мне и увидел плакат. Тогда он рассказал мне именно то, что ты, дорогой читатель, уже знаешь. Борис Борисов оказался еще более преуспевшим подпоручиком Киже двадцатого века, только на советский лад.

Израиль на семьдесят пятом году жизни, лысый, с крючковатым, как у попугая, носом, ничем не напоминал фотографию на плакате. Я вспомнил, что никогда не видел ранних фотографий Израиля, сделанных до его женитьбы на моей матери. Отец попросил меня не шутить с судьбой и снять плакат. Естественно, я так и сделал.

"Когда я умру, похорони меня в Израиле", — сказал отец. — "Почему?" — "Потому что я хочу воскреснуть одним из первых, когда придет Мессия". Я не понял, шутка ли это: "А что ты будешь делать, когда воскреснешь?" — "О, дел будет много. Небесная канцелярия тоже порой ошибается. Там нужен глаз да глаз. Последствия гораздо серьезнее, чем в этом мире. Что ни говори, двести или триста миллионов жертв на земле в этом столетии и, может быть, в десять раз большее количество в следующем — это и для них слишком много. Можно сбиться со счета и о ком-то забыть. Нужен контроль". — "Ты сегодня оптимист", — иронически заметил я. — "Я всегда оптимист", — серьезно ответил он.

*

В день, когда я получил разрешение на выезд, я получил еще и удар камнем по голове и был госпитализирован с тяжелой травмой. Через полгода я еще не был транспортабелен. Из ОВИРа, однако, пришло письмо, что я должен либо покинуть Советский Союз, невзирая на состояние здоровья, либо заново оформлять разрешение на выезд, в случае если я не воспользуюсь им до истечения срока его действия. Больше мне выездную визу по состоянию здоровья продлевать не будут.

Было ясно, что меня нужно везти в аэропорт прямо из больницы. Друзья и мать уложили мои пожитки: две тонны книг и пластинок, две пары брюк и три рубашки. При этом Берта нашла плакат о розыске и спрятала у себя. Она бы тоже не узнала Израиля. Но Борис Борисов! Это имя она так часто слышала после моего рождения. Берта внимательно приглядевлась и узнала отца — она еще помнила, каким он был в начале их знакомства.

Два месяца Берта вела себя как ни в чем не бывало, была дружелюбна и заботлива, как всегда. Но потом Четвертая Дама подвергла Израиля допросу. Она не спрашивала, она упрекала. Как мог он все эти годы так не доверять ей, ничего ей не сказать о своем проклятом Борисе Борисове и подвергать ее жизнь такой опасности, когда он без нее и свою-то жизнь наладить не в состоянии... Израиль долго делал вид, будто не понимает, о чем речь. Тогда она — то ли из любви к эффектам и властолюбия, то ли потому, что была действительно обижена — вытащила плакат. С Израилем случился удар.

В больнице Берта ни на минуту не отходила от Израиля. Два дня подряд он много говорил: что он хочет быть похоронен в Израиле, что Богу, так же, как и человеку, нужно бросать вызов, чтобы познать его. Он протягивал руку и кормил невидимых птиц и зверей невидимой едой. И он звал меня. На третий день у него отнялся язык и его разбил паралич. Мама прислала мне телеграмму с подтверждением больницы, что мой отец при смерти, чтобы я мог получить въездную визу. Приходил дежурный врач, выслушивал сердце, смотрел в глаза и констатировал смерть. Когда приходили санитары, чтобы уложить отца на носилки, он стонал и звал жену или меня. Его снова укладывали в постель. На следующий день карусель повторялась. Тринадцать дней подряд.

Когда я принес заявление на въезд вместе с телеграммой из больницы в советское посольство в Бонне, секретарь посольства сказал мне вежливо и наслаждаясь собственной вежливостью: "Уважаемый Борис Израилевич, к сожалению, мы не можем удовлетворить вашу просьбу. Будьте логичны. Мы знаем, что ваш уважаемый отец очень много значит для вас, так же как и вы для него. Сейчас он умирает. Вы обосновываете

ваше заявление необходимостью попрощаться с ним. Но вы ведь сами не можете исключить, что, если вы приедете, возможно, он на радостях и не умрет. Это будет означать, что вы, так сказать, зря съездите".

Сидячая забастовка перед посольством, пресса, полиция и школьники помогли мне, наконец, получить разрешение на въезд. Я приехал в Москву через несколько часов после того, как мой отец на самом деле умер.

*

Пока Израиль еще мог говорить, он попросил мать сжечь его тело, чтобы "облегчить мне перевозку его останков в Израиль". И тогда я понял, что это был вызов как Богу, так и мне. По еврейскому религиозному закону кремация строго запрещена. Поэтому для нацистов было так важно сжигать тела евреев. Я согласился на кремацию.

Месяц непрерывного хождения по инстанциям потребовался в Москве 1976 года, чтобы получить разрешение на вывоз урны даже не в Израиль, а в Германию, где я имею постоянное место жительства. В Израиле борьба за погребение отца длилась три с половиной месяца. Долгими и трудными были мои мытарства в Израиле, прежде чем смогли состояться похороны: я прошел через похоронные бюро, кибуцы, различных политиков вплоть до Голды Меир, израильскую армию, заслушивание в подкомиссии в Кнессете, Министерство иностранных дел, сефардские и ашкеназийские раввинаты.

Похоронные бюро и ответственные религиозные учреждения отказывали мне в погребении, выдвигая два стереотипных аргумента, малый:

1. Израиль — это вам не кладбище для московских евреев,

и большой:

2. Тело сожжено с осознанного согласия покойного, таким образом, он нарушил завет и вовсе не может быть похоронен по еврейскому обряду.

Возражение 1:

Он происходит из благочестивой семьи, всегда хотел переехать в Израиль, но просто не успел. Намерение предшествует поступку и в случае смерти должно рассматриваться как начатое, но незавершенное дело, как если бы он умер в пути.

Возражение 2:

Израиль был набожным человеком, который всей своей жизнью подтвердил свою глубокую веру в Бога и свою праведность. Он был

убежден, что тот, кто может поднять человека из праха, может поднять его и из пепла.

Раввины отвечали: да, может, но не хочет.

Я говорил: нет, Он хочет, в этом мой блаженной памяти отец был уверен. И поскольку в иудаизме между Богом и человеком нет и не может быть посредников, они должны признать, что хотя это и необычно, но здесь вследствие особых жизненных обстоятельств допустимо исключение.

Это возражение не было принято. Контраргумент звучал так: поскольку речь здесь идет об исключении, бремя доказательства лежит на мне. Хотя религиозные чиновники также верят в возможность исключения в принципе, но не в моем конкретном случае. Так проблема из принципиальной плоскости вероисповедания и познания Бога перешла в плоскость желания или нежелания верить у конкретных представителей власти.

О том, как была разрешена эта проблема, я здесь не буду писать как из уважения к человеческому скудоумию, так и потому, что я обещал об этом не писать, если похороны состоятся по всем правилам. Не рассказывать же об этом я не обещал.

Через год Леля Бимман посадил кипарис на могиле Израиля. Он быстро рос и через пятнадцать лет стал очень красивым. За это время в жизни у нас возникло много разных проблем: осложнились отношения с родственниками, затруднилось общение с детьми, банковские счета были перегружены долгами, я был без работы и лежал в больнице наполовину парализованный из-за нарушения мозгового кровообращения. Тогда и я услышал голоса: Израиль спорил с Богом о нашем будущем. Разговор становился все громче и напряженнее. Израиль был очень уж назойлив, Бог же хотел покоя и чтобы все шло так, как идет. Тогда Израиль сказал, что так не может продолжаться и что он в таком случае досрочно восстанет из мертвых и будет помогать нам сам, потому что он отвечает за благо своего потомства.

"А ты заботился о них при жизни?" — спрашивал Бог.

— Насколько мог, — отвечал Израиль, и это было действительно так.

— Тогда этого должно хватить и на сегодня, — сказал Бог.

— Теперь Ты должен вмешаться, потому что положение стало критическим, — бросал вызов Израиль.

— Сиди где сидишь, положение всегда критическое!

— Нет, это моя семья!

— Не трепыхайся! — закричал Бог по проводу так громко, что провод загорелся, могила вздыбилась и снова опала.

И после этого дела явно пошли на лад. Я выздоровел и нашел работу, которая меня устраивала. Финансовые дела поправились настолько, что на следующий год мы поехали вместе с детьми в Израиль на могилу отца. Кипарис был обуглен от удара молнии, могильная плита треснула, вся могила куда-то съехала. Мы поправили могилу, но обугленный кипарис оставили как память.

*

— Ну вот видишь теперь, что только процессом жизни можно исследовать Бога, познание Бога и границы познания? — спросил Макарий.

— Исследовать — да, — отвечал Шломо-Хаим, — но осознать! Чем ты хочешь все это *осознать*? Процессом жизни? Нет. Для этого необходим специально сконструированный духовный инструмент, система высказываний, которая в каждую эпоху и в соответствующем ей духе времени позволит прийти к максимальному пониманию. В средиземноморской античности это была Тора. В будущем им может оказаться универсальная этика, объединяющая в себе естественные и гуманитарные науки.

— С такими взглядами ты покидаешь иудаизм, еретик, — возмутился судья, — ты хочешь расширить Тору.

— Ничего подобного, — вступился за отца Израиль, — Тора объемлет все, но многое в интенциональной форме, как намерение. За шесть дней Бог сотворил небо и землю и все остальное не как готовые предметы или отдельные существа, но как формы бытия. Сейчас Он развивает их дальше вместе с людьми.

В разговор вмешался Генрих:

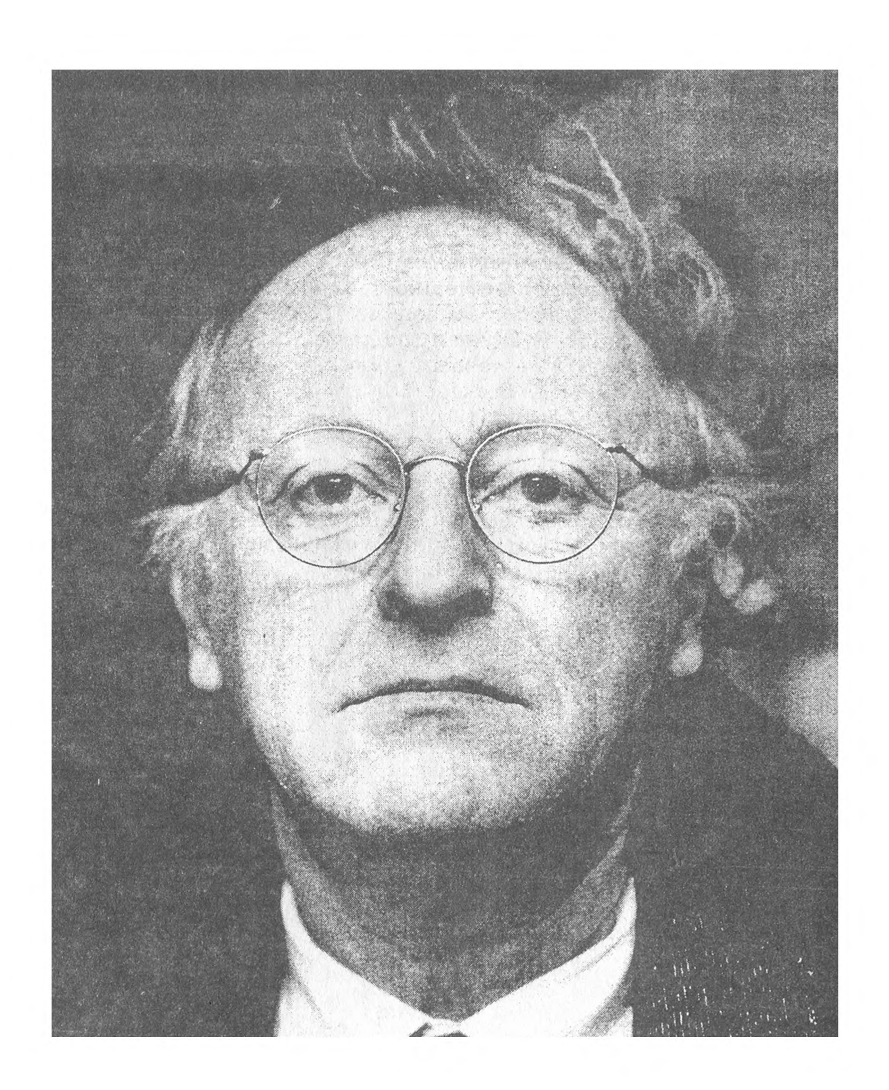
— Шломо здесь прав. Правильная система высказываний — это всегда история. Она показывает нам не просто, что и как было. Нет, история учит нас, какой смысл есть в том, что было и как это было.

— Именно это я и говорю, — продолжал Шломо-Хаим, или это был голос Нехамии, а может быть, и твой, дорогой друг. — Бог хочет быть познанным и понятым. Лишь тогда партнеры по завету могут правильно заботиться о выполнении завета и взаимно освящать друг друга. Только тогда смогут люди даже разных религий достичь достойного взаимопонимания. Только тогда изменится бытие и мертвые восстанут в новом бытии, чтобы ответить за свое прошлое, и праведники среди них в новом бытии примут участие в будущем, потому что лишь они способны за это новое будущее нести ответственность.

Таким был Борис Борисов, профессор Израиль Шапиро из города Борисова в Белоруссии, праведник, цадик, богоборец, бросивший вызов Богу, Изра-Эль.

Жизнь каждого из нас — это маленькое слово в длинном разговоре. Не всегда слово знает, почему оно стоит в предложении, не всегда знает человек, зачем он живет. Но правильная связь между словами придает фразе смысл, а связь между людьми в одной общей истории дает нам шанс понять смысл нашей жизни и ответственно ее творить.

перевод с немецкого Ольги Бараш

НА СМЕРТЬ ИОСИФА БРОДСКОГО

Не говорите мне: он умер. Он живёт.
Пусть жертвенник разбит — огонь ещё пылает.
Пусть роза сорвана — она ещё цветёт.
Пусть арфа сломан — аккорд ещё рыдает.

Эти замечательно-банальные строки Семён Надсон посвятил не только себе, любимому и несчастному. Они могут украсить надгробный камень над прахом любого из великих: Данте и Гейне, Петрарки и Гёте, Рильке и Шекспира, Пушкина и Бродского...

Иосиф Бродский — человек демократичный и великодушный, воспринимал и Евтушенко, и Вознесенского, и Соснору, и Кублановского, и даже Иртеньева с Ганделевским.

Поэт Иосиф Бродский — беспощаден и не знает компромиссов. Прямо из Серебряного века, от Блока, Мандельштама, Пастернака, Гумилёва, Ахматовой он шагнул сразу в XXI век; "советский" период в русской поэзии он, кажется, не заметил. Да простят меня Давид Самойлов, Наум Коржавин, Борис Слуцкий, Семён Липкин, Юрий Левитанский, Варлам Шаламов и Борис Алексеевич Чичибабин.

28 января 1996

Марк Коняшов

Борис КОЧЕЙШВИЛИ

28 ЯНВАРЯ 1996

год назад
он
мог бы
написать
день назад
он
мог бы
написать

час назад
он
мог бы
написать
но сейчас
рука его
бессильна
а души его
последние
усилья
без последствий
для поэзии
пройдут

Валерия ШУБИНА

ПОРТРЕТ ИЗ ХОЛОДНОГО ВОЗДУХА
(Иосиф Бродский)

На стене я увидел доску, гласящую, что в этой церкви крещён родившийся раньше срока Антонио Вивальди. В те дни я ещё был довольно рыжий; в те дни я растрогался, поняв, что попал на место крещения того самого "рыжего клирика", который так часто и так сильно радовал меня во множестве Богом забытых мест.

...Ночью эти каменные узкие улочки похожи на подходы между стеллажами огромной пустой библиотеки, и с той же тишиной. Все "книги" захлопнуты наглухо, и о чём они, догадываешься только по имени на корешке под дверным звонком. О, здесь ты найдёшь твоих Доницетти и Россини, твоих Люлли и Фрескобальди! Может быть, даже Моцарта, может быть, даже Гайдна.

И.Бродский

1.

Этот вечер пришёлся на 28 января 96-го. Число это в нынешней протяжённости дней ничем особенным не отмечено. Продолжалось всеобщее помешательство на деньгах, война в Чечне, реставрация храма Христа Спасителя и наплевательское отношение к заповедям чело-

вечности. Разве что календари напоминали, что 28-е — дата смерти Достоевского. И всё-таки какая-то культурная жизнь теплилась. Например, находились люди, которые слушали музыку и даже приглашали к себе домой "на Фуртвенглера" или "Юдину".

Человек десять уже сидели, когда я проникла в тёмную комнату вслед за хозяйкой и тоже уставилась на звучащий ящик с маленьким огоньком. Седоватый человек рядом менял кассеты и в паузах давал пояснения. Раздавался Равель — почти синхронно ударам сердца, после спешки оно продолжало биться, как в клетке. Но скоро ноты, мрак и мелькание огонька объединились в том самом терапевтическом аспекте, о котором много говорено. За Равелем честь по чести были представлены Хиндемит, потом Онеггер, потом Бриттен... Один за другим они обнаружились во всём размахе своих симфоний. Наконец, был объявлен Стравинский, но голова раскалывалась, а седоватый человек настаивал и... настоял — было обнародовано посвящение Чайковскому, наверно, шедевр: с одной стороны — поклонения, с другой — преображения; над музыкой Чайковского Стравинский поднял свой флаг.

Вспыхнул свет, седоватый проявился сдержанным господином, которого все называли Олег. Возник стол, скатерть, на ней — чай и что-то к нему. Можно было оглядеться, вздохнуть.

Все эти книги от пола до потолка, палитра, кисти, кувшины — всё особенно пребывало — предметный урок памяти об ушедшем хозяине. На этом фоне и его вдова виделась уже не хозяйкой, а почётной хранительницей. Что-то наподобие стеллажей, уставленное досками (это были картины), заставляло думать о тайне. Работы стояли боком, одна к одной, как солдаты в строю, глядя друг другу в затылок. Обилие книг и картин угадывалось и в темноте — пахло библиотекой, но из-за собравшихся запах библиотеки переходил в запах читального зала. И вдруг начались голоса. Авторитетные. Бесстрастные. Отработанные на симпозиумах, встречах, диспутах... Фразы не подыскивались, не рождались, а выдавались без сучка и задоринки. Сам же разговор... Я понимала его как карательную акцию, которая состояла в том, чтобы вымарать музыку из сознания. Внешне это выглядело безобидно.

На одном конце стола сидел Олег, на другом — некий Лев Израилевич. Два часа между ними продолжалось то, про что Господь сказал: "пёстро, красно, а в голове хоть бы что-нибудь из того вынес"; Фолкнер: шум бессвязный; Шекспир: рассказанная полоумным повесть. Один спрашивал: "а что вы думаете о таком-то", другой отвечал: "скучный нудный автор", "серость", "нечего слушать", "посредственность". Оплеухи сыпались направо-налево, кнут щёлкал бесперебойно. Вне логики, тонких суждений и всяких высоких материй музыка свелась к двум-трём именам, литература — тоже, исполнителям повезло больше, за дирежёром Головановым хотя бы признавался талант, правда, Лев Израилевич был против. Жена Л.И. что-то вякнула про Ахматову, заедая слова пирогом. Невзначай спросила: "А кто испек такую прелесть?", на что кто-то пискнул: "А я думала, это ты" — "Ну, что ты! я не умею". Образовалась пауза, заполненная позвякиванием ложечек и жеванием. Потом демонстрация объёмов информации продолжи-

лась, а с ней — упоение собственным голосом, эрудицией и что-то ещё. Наконец, трое не выдержали, поднялись.

Ноги несли подальше от лобного места, не успевая, правда, за приступом суеты и дрожанием рук. Холод внутри и снаружи — зима! Судорожные попытки протеста задним умом и раздражение против интеллектуальных вампиров. Ну конечно, интеллект не самая сильная сторона человека! Ну конечно, нет такого объёма информации, который не подчинился бы формуле: ***n+1***. И тут мы увидели пьяного. Он замерзал рядом с подземным переходом, возле метро. Молодой, башка обмотана шарфом, лыка не вяжет, встать не в состоянии. Хлопоты об этом пьяном и привели нас в образ человеческий: какие-то переговоры, милиция, телефон... Милиционер сказал: "Уже от седьмого прохожего слышим... Машина вызвана, но никто не едет... Звоните сами!" — и подал аппарат. Раньше такая машина (у алкоголиков называется хмелеуборочный комбайн) работала чётко. Пусть это насилие, тоталитаризм, нарушение прав человека, но замерзать посреди дороги не позволялось. Вовсе не из сострадания, а потому, что некрасиво и стыдно для государства. Эрзац гуманизма всё же лучше, чем ничего. Теперь нет ни эрзаца, ни понятия о позоре, зато есть свобода публичного самоуничтожения. Что сильней растлевает людей, сказать трудно.

Да лежится тебе, как в большом оренбургском платке...

Это стихи Бродского, которые заканчиваются:

И замёрзшему насмерть в параднике Третьего Рим.

Пришедшие в голову там, под фонарём, где "стоял мороз у входа", часом позднее они обнаружили странную связь с неожиданной вестью: на другом конце света, под другим небом, среди других людей их автор скончался от болезни сердца.

Надо было забыть о себе, отрешиться от раздражения, от собственного свиного рыла, подумать и помолчать.

2.

Вышеприведённое вступление можно бы отщипнуть, как чахоточную почку от ветки, заметив: наплевать и забыть. Но именно вездесущая и всепроникающая партия голосов вроде настырного лейтмотива переходит из одной части в другую, обращая к притче: когда Правда спала, Ложь украла у неё одежды. Подмена со своими бесконечными формами предлагает не только скудость под видом интеллектуальности; распространена и другая её разновидность — вибрация "по поводу", то есть из кожи вон лезущие попытки дотянуться в своём "коллективном и бессознательном" — этом проклятии человечества до исходной точки послеземной судьбы гения. Однако, как известно, подлинная реальность никогда не самая явственная. Всё приспособленное под наше понимание неизбежно впадает в утилитарность. И горе тоже. Остаётся надеять-

ся на потустороннее оплакивание, которое не может идти в сравнение с быстропросыхающими слезами благодарного человечества, родственными явлению флюгера, а также с готовностью разразиться каким-нибудь памятником и продолжать экстаз наплевательства в своём духе. Реальной стала возможность проснуться в очередной раз не столько в другой стране, сколько в неандертальском периоде и в послеисторическом обмороке прохрипеть: "Красота спасёт мир". Мысль о терапевтическом влиянии искусства тяготеет к хрестоматийному примеру, в котором действие происходит в поезде, здесь Багрицкий снял приступ астмы чтением стихов М.Кузьмина. Этот случай забегает вперёд, чтобы через много лет остановиться в паре, найдя сходство с практикой И.Бродского. Поэт ратовал за то, чтобы антология поэзии была везде: как никто не возражает против Библии, которая есть в любом отеле, как сама Библия не возражает против соседства с телефонной книгой. Чтение "Fondamenta degli Incurabili" ("Набережная неисцелимых") даёт множество расшифровок пристрастия Бродского: "Когда глазу не удаётся найти красоту (она же утешение), он приказывает телу её создать, а если и это не удаётся, приучает его считать уродливое замечательным. В первом случае полагается на человеческий гений; во втором обращается к запасам нашего смирения... Эстетическое чувство — двойник инстинкта самосохранения и надёжнее этики. Главное орудие эстетики, глаз, абсолютно самостоятелен. В самостоятельности он уступает только слезе".

3.

И всё-таки не от болезни сердца... погиб на дуэли, как все они — жертвы вечного 37-го, эпицентр которого — 1837-й.

"Поэтов ненавидят" ("Oderunt poetas" доподлинно) — слова Горация, видимо на все времена. Сам Бродский назвал эту враждебность экзистенциальной сутью миропорядка. Можно добавить: где слишком понятен факт смерти, то есть момент уподобления другим, но таинственна, особенна жизнь, преодолевшая уподобление. И опять то же самое — голоса. Какой-то сплошной концерт Паганини, исполненный на консервной банке. Перетряхивание костей, подсчёт наград. Это называется удушение атрибутикой. Гуманитарной ценности явления мало. Требуется узаконить вклад. Канонизировать. Увенчать лаврами. Оценить. Объявить городу и миру. Образ безусловной величины, стяжавшей все мыслимые и немыслимые награды, заслоняет образ поэта, то есть загадку жизни и психологического превосходства, феномен инородной структуры. Так же — и образ жертвы режима. Привычка откликаться на явление чуда почётным закапыванием мобилизовала свидетелей, оживила комментаторов, организовала журналистов. Но поэты приходят не для того, чтобы спровоцировать ритуал суеты. В любой примирительной акции мир далёк от интеллектуального аристократизма, он жаждет уподобления, стараясь увидеть в неповторимом своё облагороженное отражение; мир нацелен на выживание, поэт — на открытие, через него ждущее своего часа трансцендентное стремительно заявляет о себе, осуществляется прорыв метафизики в физику. В этом смысле и смерть

становится как бы обратной перспективой рождения. Поэт сливается в тем, что его породило, переходит в Слово, которое есть... все знают это общее место, тем не менее обросшее коростой отчуждения.

Бродскому действительно не удалось уйти из жизни недооценённым, да он и не стремился к этому. Герой Честертона, вкладывающий силы и ум в то, чтобы никто о нём не слышал, его антипод. К этому образу примыкает понимание литературы как безответной любви, но не исчерпывается им. Можно с грустью сказать, что постгероический период, натиск плюрализма и много чего снижает подвижничество до всплеска индивидуального человеческого духа. "Святого без чудовища не бывает", — скорее автохарактеристика Бродского, чем диалектика. Есть вариант этой фразы, возникший по поводу одного стихотворения, в котором Бродский опознаёт себя, то есть сталкивается с элементами собственного состава. Речь о "Новогоднем" Марины Цветаевой: "Одно из возможных определений её творчества, это русское придаточное предложение, поставленное на службу кальвинизму. Другой вариант: кальвинизм в объятиях этого придаточного предложения". По закономерному тождеству судеб это определение невольно просится в сферу этики самого Бродского. Можно сказать, что в своей земной сущности — этом опыте тела он тоже шёл через протестантизм, т.е. строгость к себе без всякого заигрывания с покаянием и скидки на отпущение грехов, так хорошо приспособленной к нашему человеческому свинству. Если угодно, феномен тех, кого называют гениями, в том, что, принадлежа иному миру, грубо говоря, становясь инородным телом в обществе, они естественно отторгаются всем, что не имеет ни совести, ни стыда, то есть почти тотально. Потому гордостью человечества их можно назвать чисто условно: дабы связать несвязуемое.

Он покинул родные пределы (страна Советов в этом пошла навстречу) как человек ухода, привыкший трансформировать психическую энергию в физическую. Навязанная или предписанная извне жизнь невыносима ощущением капкана. Но весь мир тюрьма, заметил Гамлет, тоже большой специалист по несовместимости и тайным драмам, в то время как его создатель обратился в бега лишь потому, что мир лицедействует. Стало быть, пошлость повсеместна, пока не постигнуто искусство отчуждения. Иллюстрацией может служить превосходство стиля перед держащими круговую поруку монстрами вне географий, границ, государств. Распределение событий этой жизни видится между двумя картинами, явленными Бродскому с интервалом в сорок пять лет. Первая. Старик на деревянной ноге, пытавшийся влезть в вагон на какой-то станции под Ленинградом, осаженный кипятком из чайника в руках пассажирки и растоптанный толпой осаждающих, — 45-й год, война только что кончилась. Вторая. Чувствительный немецкий господин, проводящий отпуск в Венеции, ежедневно переговаривающийся из отеля по телефону со своей умирающей матерью. Мать умирает, и потрясённый господин просит телефонную трубку на память. Дирекция идёт навстречу и включает стоимость трубки в счёт. Убийственно-самоубийственное на уровне удобств и комфорта... Если угодно, союз комфорта и человека на разных ступенях цивилизации. Действие обеих картинок тяготеет к гума-

нитарному немцу "Других берегов" Набокова — милому коллекционеру фотографических изображений смертных казней и любителю созерцать сей вид истребления. Это так по-человечески — быть адекватным воздуху эпохи!..

Но даже безмерное отрицание стремится к пределу. "...Лучше быть последним неудачником в демократии, чем мучеником и властителем душ в деспотии" — столь априорное суждение хорошо тем, что помогло Бродскому выстоять.

Трудно даже представить, чего избегает он на других берегах. Поляк Марек Хласко, покинувший родину в эти же годы, автор "Красивых, двадцатилетних", блистательных в польском старте и невозможно приблизительных в западном финише, очень скоро находит себе могилу где-то в Германии, откуда его перевозит мать и укладывает в Польше под камнем с надписью: "И все отвернулись..."

"Яблоком, упавшим с ахматовского дерева" называет себя Бродский, но этого мало, чтобы таким тебя увидели другие — опекуны и ревнители (можно сказать, ископаемые!) отвергнутой эстетики, которую он концентрирует в себе. Частная жизнь превращается в изучение английского языка. Ученик думает мыслями, но берётся писать по-английски, и на какое-то время становится мишенью забвения. Задолго до его рождения зыбкость такого положения прочувствовал Владислав Ходасевич:

Как игрок на верную карту,
Ставит на слово, на звук — душу свою и судьбу...

Но худо-бедно новое воплощение обретает полётность английской речи, а частная жизнь — огласку. Правда, частная жизнь, заявляющая о себе, перестанет быть таковой. Публичность обращает отшельника в экспонат. Противостояние внешних миров заталкивает гражданина мира в рамки биографии, черты профанируются, соизмеряются с конъюнктурой. В определённых условиях и признание становится тенью, которую бросают на избранного современники, оно столько же мера вульгарности, угождения вкусам, сколь и объективное положение вещей. Лишь понятие "бесценно", на котором настаиваю, безразлично к любым человеческим жестам.

Есть что-то подозрительное в перечне наград, сопровождаемых шелестом денежных знаков. Да и сам избранник считает: "Красота вместо того, чтобы быть обещанием мира, сводится к награде". Премия гениев Макартура — самая немыслимая по звучанию, приглашение к отчуждению от самого себя, путь к раздвоению личности. Быть может, образ обласканного и признанного воплотила та самая рыба, которая виделась в озероподобном зеркале отеля "Глория" и которую можно спросить: была ли он счастлива. Ведь Бродский принадлежит поколению, для которого Джотто и Мандельштам насущнее собственных судеб. А пока синоним абсолютного счастья — запах мёрзнущих водорослей, уводящий к воспоминаниям о доисторических хордовых предках. Отделяя этот запах от берегов Балтики, а с ним своё новое воплощение от

прежнего, Бродский всё же фиксирует стрежневую черту: плохую переносимость положительных эмоций — наш соотечественник его сразу поймёт. Иерархия в литературном пантеоне — этот атавизм мышления, также заложенный в атмосфере родимой номенклатуры, и он невыдуваем на всемирном ветру. Но, к счастью, в России у отверженного больше шансов быть прочитанным. Хвалебные голоса отвращают. Нажим вызывает сопротивление. Не исключено, вопреки себе самому Бродский становится, по выражению Достоевского, "наиболее русским именно тогда, когда он наиболее европеец". Как следствие к причине восходит к этой догадке признание: "Я уходил из прекраснейших ситуаций не реже, чем из ужасных". И ушёл.

Чёрная дыра видится после явления этой жизни. С Бродским уходит и попытка служения — то, что условно названо флоберовским отношением к литературе (не на фоне, не около, не за счёт), почитание слова на уровне филологии, а не улицы. Эпитет "изящная", без которого литература — обыкновенное ремесло и сплошной запах общественных уборных, вне его авторитета подобен отчаянию. Норма максималиста требует точности: "Если вы серьёзно относитесь к своему делу, то выбираете между жизнью, то есть любовью, и работой. Вы понимаете, что это несовместимо. И семейная жизнь тоже помеха" (журн. "Америка", май 1992). Но даже поэт остаётся человеком. Совмещение литературы с жизнью оказалось не в пользу второй. Примечание Бэкона под пером Бродского трагически уточняет смысл: надежда — это хороший завтрак, но плохой ужин.

Весна 96-го станет первой за последние десять лет, когда в колледже, где Бродский вёл курс лекций, будет присутствовать лишь его душа, так же как и в Библиотека конгресса США, где он занимал пост поэта-лауреата (похоже, место камер-юнкера вечно). По поводу внимания сего мира к поэтам ведут перекличку тюрьмы Вселенной, в частности Рэдингская тюрьма и Кресты:

Ведь каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал,
Один — жестокостью, другой —
Отравою похвал...

(О.Уайльд в пер Н.Воронель)

И всё-таки нельзя отдать ощущения торжества при мысли об этой жизни. Весь не умер, хотя был похоронен задолго до того, как родился. Наперекор всему осуществился, смертью смерть поправ, пребывает.

Евгений РЕЙН

«А р а р а т»

Год шестьдесят второй. Москва и святки.
Мы вместе в ресторане "Арарат",
Что на Неглинной был в те времена.
Его уже преследовали. Он
В Москву приехал, чтобы уберечься.
Но уберечься выше наших сил.
Какое-то армянское сациви,
Чанахи суп, сулгуни сыр, лаваш.
На нём табачная простая тройка,
Пиджак, жилет да итальянский галстук,
Что подарил я из последних сил.
А публика вокруг — что говорить?
Московские армяне — все в дакроне,
В австрийской обуви, а на груди — нейлон.
Он говорил: "В шашлычной будет лучше".
Но я повёл в знакомый "Арарат".
Он рыжеват ещё, и на лице
Нет той печати, что потом возникла, —
Печати гениальности. Ещё
Оно сквозит еврейской простотою
И скромностью такого неофита,
Что в этом "Арарате" не бывал.
Его преследует подонок Лернер,
Мой профсоюзный босс по Техноложке,
Своей идеологией, своей коррупцией.
И впереди процесс, с которого и начался
Подъём. Ну а пока армянское сациви,
Сулгуни сыр, чанахи — жирный суп.
Он говорит, что главное — масштаб,
Размер замысленный произведенья.
Потом Ахматова всё это подтвердит.
Вдвоём за столиком, а третье место пусто,
И вот подходит к нам официант,
Подводит человека в грубой робе,
Подвиньтесь — подвигаемся,
А третий садится скромно в самый уголок.
И долго, долго пялится в меню.
На нём костюм из самой бедной шерсти,
Крестьянский свитер, грубые ботинки,
И видно, что ему не по себе.
"Да, он впервые в этом заведенье", —

Решает Бродский, я согласен с ним.
На нас он смотрит, как на мильонеров,
И просит сыр сулгуни и харчо.
И вдруг решительно глядит на нас.
"Откуда вы?" — "Да мы из Ленинграда". —
"А я из Дилижана — вот дела!"
И Бродский вдруг добреет. Долгий взгляд
Его протяжных глаз вдвойне добреет.
"Ну как там Дилижан? Что Дилижан?" —
"А в Дилижане вот совсем неплохо,
Москва вот ужас. Потерялся я.
Не ем вторые сутки. Еле-еле
Нашёл тут ресторанчик "Арарат"". —
"Пока не принесли вам — вот сациви,
сулгуни — вот, ты угощайся, друг!
Как звать тебя?" — "Ашот". —
"А нас Евгений, Иосиф — мы тут тоже ни при чём".
Вокруг кипит армянское веселье,
Туда-сюда шампанское летает,
Икру разносят в мисочках цветных.
И Бродскому не по душе всё это:
"Я говорил — в шашлычную!" — "Ну что же,
В другой-то раз в шашлычную пойдём".
И вдруг Ашот резиновую сумку
Каким-то беглым жестом открывает
И достаёт бутылку коньяку.
"Из Дилижана, вы не осудите!"
Не осуждаем мы, и вот как раз
Янтарный зной бежит по нашим жилам,
И спутник мой преображён уже.
И на лице чудесно проступает
Всё то, что в нём таится:
Гениальность и будущее,
Череп обтянулся, и заострились скулы,
Рот запал, и полысела навзничь голова.
Кругом содом армянский. Кто-то слева
Нам присылает вермута бутылку.
Мы отсылаем "Айгешат" — свою.
Но Бродскому не нравится всё это,
Ему лишь третий лишний по душе.
А время у двенадцати, и нам
Пора теперь подумать о ночлеге.
"У Ардовых, быть может?" — "Может быть!"
Коньяк закончен. И Ашот считает

Свои рубли, официант подходит,
Берёт брезгливо, да и мы свой счёт
Оплачиваем и встаём со стульев.
И тут Ашот протягивает руку,
Не мне, а Бродскому, и Бродский долго-долго
Её сжимает, и Ашот уходит.
Тогда и мы выходим в гардероб.
Метель в Москве, и огоньки на ёлках —
Всё впереди, год шестьдесят второй.
И вот пока мы едем на метро,
Вдруг Бродский говорит: "Се человек!"

"Новый мир", №2, 1996.

Гаянэ АХВЕРДЯН

СОЗВЕЗДИЕ РЫБ

Иосифу Бродскому

1.

Задыхаюсь. Созвездие Рыб
высоко надо мной плывёт.
Это боль, за которой обрыв.
Рыба, вмёрзшая в лёд.
Осторожно. Наступит срок.
То же будет опять.
Рыбой, выброшенной на песок,
море будет сиять —
в человечьих слезах — они —
колыбель моему письму,
где морские светят огни
мраку — и никому.

2.

Погоди, моя боль. Постой.
Я тебя ещё задержу.
Я плачу́ за жилой постой.
Задыхаюсь. Ещё дышу.
Я хочу остаться с тобой,

с твоей болью наедине.
Я хочу забыть с тобой боль.
Это всё, что осталось мне.

3.

Эти птицы летят без крыл,
выплывают без плавников
рыбы уст. — О, кто переплыл
океан? — Среди ледников
кто в беспамятстве зимовал? —
Ты, любовь. — Одна, как звезда,
что всех ближе к земле,
                                        чей шквал
не растопит лучистого льда
полюсов. Запомни мои
дни. Останься со мной в дверях.
На пороге меня обними,
за которым я — пыль и прах.

Москва,
февраль 1994
(под созвездием Рыб)

Людмила ТИТОВА (1921-1993)

СТИХИ

* * *

Поэзия — это захлёб, поэзия — это запой,
Это — боль и любовь навек,
А у меня — ручьишка скупой,
Быстро мелькнувший весной снег.

Поэзия — это поток, поэзия — это потоп,
Это — то, что ты в себе нёс,
А у меня блеснуло — и стоп,
Бахчисарайский фонтан слёз.

* * *

Приказ подкреплялся угрозой расстрела,
Они покорились, но их расстреляли.
В те ночи свеча ни одна не горела,
Кто мог, уходил и таился в подвале.

И спрятались в тучи и звёзды и солнце
От нашего слишком жестокого мира,
Покуда баварцы, покуда саксонцы,
Стреляя по окнам, врывались в квартиры.

Стучали прикладами в двери и стены,
Ломились в театры, дома и музеи,
Смеялись, как лошади, и неизменно
Горланили хором не в лад "Лорелею".

Её утащили у Генриха Гейне,
Как брали хорошую вещь у еврея,
Её утащили у синего Рейна
И пели, от водки и крови зверея...

1941

* * *

Бабы, что вы сделали из Киева?
Город превратили в зондерхаус!
В пепле Киев... Что вам до судьбы его?
Что вам и кровавый Яр, и хаос?
Что вам тень девчонки-заговорщицы,
Той, *на фонаре*, напротив рынка?
Лишь порой одна из вас поморщится:
Казни были — это не в новинку.
Вы резвитесь на руинах Киева
(С теми, кто вчера чинил расправу),
И для нас теперь совсем чужие вы,
А для них вы только зондерфрау.

1942

* * *

Меня обстреляли свои и чужие,
Потом закричал из окопа солдат,
А солнце бросало лучи косые
На поле, на лес, на искрошенный сад.

Кричал солдат, добродушный и хмурый:
— Тебе здесь не гуленьки, а война!
Бредёт себе среди поля, дура...
И я сказала:
— Ухожу, старина!

А немцы притихли в своих траншеях,
А после пошли стрелять вразнобой,
И солнце ушло, и ветер, свежея,
Сыпал, сыпал желтой листвой.

1943

* * *

Я проливаю на руки твои
Прохладную, в колючих льдинках воду,
Мой мальчуган, отвыкший от семьи
Во имя Родины, сражений и свободы.
Так, может быть, к другой придёт мой сын,
Усталый, но весёлый после боя,
Как ты, безус и юношески строен,
Умыться, взглядывая на часы.
Махорка, чай, беседа у костра,
Мой дом далёк, я втихомолку плачу.
И ты мне говоришь: — Прощай, сестра!
И я целую твой висок горячий.
И словом, неискусным и простым,
Из сердца, я напутствую, как брата:
— Будь счастлив и домой вернись живым!
И ты легко уходишь вслед закату.

1944

* * *

Подкрадывалась тёмная тревога,
Но было поздно. Человек в шинели
Сказал безусому шофёру: "Трогай" —
И мы в провал какой-то полетели.

Чужой молчал и теребил устало
Страницы непрочитанных "Известий",
Посвистывала вьюга из провала,
И было странно — для чего мы вместе?

1945 (?)

* * *

Предвесенний ветер в эти ночи
Грустный город мой берёт с разбегу.
Кай, ты ускользаешь, ты не хочешь,
Ты не хочешь больше в царство снега.
И оно поблекло и померкло,
Тают ледяные сталактиты,

Как в груди твоей осколок зеркала
От слезы, нечаянно пролитой.
Никакие чары не помогут,
Не догонят вьюги, как ни сетуй,
Если мальчик отыскал дорогу
В дальний город солнечного света,
Если отдал он мой отблеск вечный
В дар иным и радостным пределам.
Как мне странно быть очеловеченной
И одной в мирке осиротелом!

1 марта 1945

* * *

Телеграмма. Ожиданье. Встреча.
Снежная февральская неделя.
Под золой в печурке угли тлели,
И мерцал, как в детстве, синий вечер.
Ты прости меня за боль и радость.
Отдан ты кому-то почему-то,
Хмуро там, но, видимо, так надо —
Давний узел накрепко запутан,
И его распутать мы не в праве.
Совесть руки свяжет, став на страже,
И она нам каждый день отравит,
И она за счастье нас накажет.

1945

* * *

Была я не робкой, весёлой и гибкой, как стебель,
И грудью встречала неправду, войну, произвол.
И было однажды — какой-то немецкий фельдфебель
Ударил хлыстом, засмеялся и мимо прошёл.

Я пулю послала, когда, разбирая поводья,
Он медленно ехал на русском хорошем коне.
А после побег и погоня. И лес. И опять на свободе.

Всего не расскажешь. Я тоже была на войне.А ты, мой любимый, не видел, не слышал и не был,
И годы глухие, они промелькнули во сне.
А после пришёл и ударил, как этот фельдфебель,
И мимо прошёл и спиной повернулся ко мне.

Тебя бы убить, расстрелять и последним патроном
Себя доконать, задыхаясь, ещё на бегу.
Ты трусишь? Не бойся, тебя никогда я не трону.
С тобой безоружна, тебя я никак не смогу.

1952

* * *

Ты лежишь лицом на восток,
Ты давно лежишь под землёй,
Здесь же каждый живой листок,
Как бывало, дышит тобой.

Здесь же каждая в небе звезда
Полыхает светом твоим,
Было нашим словом — в с е г д а,
И ещё одно — у л е т и м.

В город сказочный над Невой,
В тот, где ночи, как день, светлы,
Ты зовёшь опять, как живой,
Из своей беспросветной мглы.

1954

* * *

Мы в заколдованном кругу,
Не верь ни другу, ни врагу.

В испуге мечется страна,
Не понимая ни хрена.

А в стороне от всех затей
Стоит двуспальный мавзолей.

1955

* * *

Всё хуже людям со мной,
Всё хуже и мне с людьми.
А ты, любимый и мой,
Глаза на меня подними.

И всё же ещё взгляни,
Пока я хожу по земле,
Какие бродят огни
В полуостывшей золе.

1955

* * *

Отличительный штрих — жестокость,
Больше нет особых примет,
Обходительность — просто фокус,
Ведь на этом держится свет.

Обходительный, вы страдали?
Вы любили кого-нибудь?
Вы метались меж городами,
Чтобы воздух иной вдохнуть?

Но к чему пустые вопросы,
Кто виновен — поди проверь.
На меня поглядывать косо
Стали даже звёзды теперь.

1969

* * *

Прогнала, а сама жду
Тебя, чудак исковерканный,
Осторожно иду по льду,
А поддержать некому.

Ничего, доплетусь, дойду,
Взбегу к себе — и как в пропасть —
Записать, пока я в чаду,
Какой-нибудь грустный опус.

1971

ЭЛЕКТРОУГЛИ

Люди были тихи и деловиты,
За день уставали, спешили на отдых,
Нас никто не трогал, и гнездо было свито
На обломках семьдесят четвёртого года.
У каждого есть такие обломки,
Иногда возникающие по ночам,
Только надо вовремя что-то скомкать,
Что-то отбросить и что-то начать.
Земля не была здесь ни ровной, ни круглой,
А просто — дорогой, не ранившей ног.
Спасибо, милые Электроугли,
Снежный застенчивый городок.

1974 (?)

* * *

Лежит моя недальняя дорога
Сквозь мартовскую талую метель.
Немножко снега и немножко смога —
Такой себе причудливый коктейль.

В нём горечь от недавних разговоров,
Но я его глотаю на бегу,
И, несмотря на мой капризный норов,
Я пить его пока ещё могу.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

"И меня только равный убьёт..."
Осип Мандельштам

Дом не станет музеем —
Просто не было дома,
Так, как мы разумеем.
Было всё по-другому.
Лишь пути да скитанья,

Ни тепла, ни приюта,
Ни на грош пониманья
До последней минуты.
Был не равным загублен —
Тот руки не подымет —
Волчьи лязгнули зубы
В вихре снежного дыма...
По лесам, по оврагам,
По тропинкам кровавым
Вдовьим горестным шагом
Шла посмертная слава.

* * *

Как мы жестоки,
Чёрен дней наших след.
Но где истоки
Наших всегдашних бед?

И в чём же тайна?
Никому невдомёк:
Мы все от Каина, —
Авель был одинок.

1990

У МЕНО́РЫ

Листва в недолговечной позолоте,
А у меноры — плач скрипичных струн,
И мягко, как на торфяном болоте,
Здесь подаётся и пружинит грунт.

И словно не по травке и дороге,
А кажется — ступаем по телам.
Был сорок первый палачом —
у многих
Судьба переломилась пополам...

Мы отошли от горестных событий,
Чуть глуше думы о пережитом.
Печально, хмуро здесь, но приходите
К тем, кто погиб в ту осень и — потом.

А сколько ж их на самом деле было?
Их жгли, топили, чтобы — ни следа.
Но дышит кто-то под пудами ила —
Так всё же приходите иногда.

1991

* * *

Мелькают перекошенные кадры
Моих трудов, и дум, и дней-пародий,
Я говорю себе устало: "Завтра!",
Но завтра ничего не происходит.

* * *

Когда меня не станет,
Ты все припомнишь числа,
Мой бред, мои скитанья
Наполнишь тайным смыслом.

И каждый слом и вывих
Ты мне простишь, надменный,
Прекрасней всех красивых
Я стану во вселенной.

И что твоё столетье,
И все его Пилаты?
Ты вспомнишь на рассвете
Мой голос глуховатый.

В угаре дел минутных,
В толпе своих сограждан
Поймёшь, сначала смутно,
Что́ ты убил однажды.

Увидишь, как в тумане,
Далёкий отблеск звёздный...
Но, как в плохом романе,
Всё будет слишком поздно.

* * *

Я медлю, отвечаю не на тему,
Покуда кто-то розовый и жирный
Пытается вскарабкаться на стену,
Рифмуя морс и море, ширь и ширму.

Хоть номер этот вовсе не опасен,
Он требует особого уменья.
Эх, спать пора, пойду-ка восвояси
Или срифмую тоже век и веник.

СПАСИБО

Будет заревом осени всё залито,
И протянутся руки встревоженных веток,
Ухвачусь... И спасибо скажу напоследок
Просто людям — за каждую искру тепла,
А поэтам — за то,
Чего сделать сама не смогла.

Риталий ЗАСЛАВСКИЙ

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ЛЮДМИЛЫ ТИТОВОЙ

Теперь вы знаете стихи Людмилы Витальевны Титовой. Это не всё, что она написала. И не лучшее. И не худшее. Это просто е ё стихи. Чтобы их написать, нужно было увидеть то, что она видела, пережить то, что она пережила. Каждый обречён на что-то своё: то, что выпало ей, выпало только ей.

Теперь, когда её нет на свете, всё в этих стихах воспринимается иначе, глубже, трепетней, открывается некий двойной смысл: тот, который она вкладывала в свою бесконечную душевную исповедь, и тот, который мерещится нам, по-своему воспринявшим её простое и одновременно причудливо-загадочное бытие.

В каждой жизни заключено как бы несколько существований: у кого-то их два, у кого-то три, иногда и того больше. И отсчёт времени нередко начинается не только с рождения, но с каких-то особенных роковых событий. Таким событием, после которого вторично, уже по-другому, застучал её метроном, стала война.

До войны было детство, юность, встреча с девятнадцатилетним Иваном Елагиным, первая пылкая любовь. В той п е р в о й жизни всё было, как у всех. Конечно, своё, единственное. И всё-таки такое же, как у всех. Об этом потом она попытается рассказать в автобиографической повести, оставшейся неоконченной, в воспоминаниях.

22 июня 1941 года застало её в Москве. Она впервые приехала в Москву — что само по себе было для неё захватывающе-интересно и много значило. Кто не мечтал побывать в столице? Но была и вполне определённая цель — поступить в Литературный институт. И вдруг — война! Москва переменилась на глазах: затемнения, вой сирен — пока ещё учебные воздушные тревоги (налёты немецкой авиации начнутся через месяц), дежурные у подъездов, патрули. Люда вряд ли сразу осознала трагизм происходящего. Ей бы сразу же рвануться к родным, в Киев. А она, зевака по натуре, неисправимый созерцатель, всё бродила по Москве — смотрела, слушала, запоминала. Незаметно прошло месяца полтора, а то и два, пока она очнулась и засобиралась домой. А её мать и отчим, доцент Киевского университета, простодушно бросили в почтовый ящик открытку: "Людочка! В Киев не возвращайся. Мы выехали с университетом в эвакуацию, в Саратов". Она разминулась с открыткой в дороге. Кое-как (это уже было непросто) добралась до родного города. Бежала по опустевшим улицам. Вот и дом, парадное, скорей по лестницам — вверх. Повернула в дверях ключ — и вошла. Никого. На столе — два недопитых стакана с соком. Соседи объяснили, что и как. Ещё было время попытаться уехать — "в глушь, в Саратов". Но Киев с противотан-

ковыми ежами на улицах, с баррикадами на перекрёстках на несколько дней задержал её внимание. Да и командир авиадивизии, знакомый мамы, воевавший ещё недавно в Испании, обещал вывезти её самолётом, она и поверила. Бродила по родному городу, набрасывала стихи, писала дневник — под псевдонимом Ирина Елагина. Комдив внезапно (и бесследно) исчез. Кольцо вокруг города смыкалось. Сомкнулось. Ещё выступал по радио Будённый, клялся, что Киев не сдадут никогда! Ещё Ванда Василевская кричала в микрофон, что она дважды уходила от немцев, но из Киева не уйдёт, умрёт на его баррикадах. Речь зажигала. Откуда Люде было знать, что Ванда, пламенная Ванда, после выступления сразу же села в самолёт и улетела на восток. 19 сентября 1941 года немцы вошли в Киев.

Над городом стояла тишина.
Стеной стояли серые солдаты.
И чья-то участь в этот день проклятый
Была бесповоротно решена.

Ровно через десять дней к Люде подошла соседка по коммунальной квартире — мадам Лурье*. "Людочка, — сказала она, — н а с, кажется, отправляют в Палестину. Мне тяжело нести вещи, помоги мне". Старухе было за восемьдесят, у неё были печальные глаза одинокого человека. "Хорошо", — сказала Люда и ухватила узлы.

Так она влилась в поток людей на мостовой, направлявшийся к Бабьему Яру. Так она оказалась среди т е х, на мостовой, а не этих — на тротуарах. Они дошли до Лукьяновки, прошли одну цепь немцев и полицаев, перегородивших дорогу, вторую. Внезапно послышались выстрелы. Не выстрелы — непрерывная пальба. Старуха Лурье насторожилась. Они всё ещё шли... И вдруг решительно остановилась: "Людочка, дальше я пойду сама! А ты возвращайся домой..." Люда пробовала возразить, но Лурье и слушать не хотела. И Люда повернула в сторону города. Она спокойно, ещё ничего не подозревая, никак не связывая выстрелы с заградительной цепью на Лукьяновке, подошла к узкому проходу в центре — и тут перед ней скрестили автоматы: "Halt! Zurück!" Немцы никого не выпускали назад.

Она долго стояла перед этой цепью, уже о многом догадываясь, потому что достала случайно оказавшийся при ней паспорт и показала: "*русская*". Не помогло: свидетели подлежали уничтожению, независимо от национальности. И, наверное, погибла бы она вместе с дру-

---

* Недавно одна женщина, серьёзный киевовед, которой я поведал эту историю, сказала: "А вы знаете, что Лурье — родная тётя Ильи Эренбурга. Илья Григорьевич в 20-х—30-х гг., когда приезжал в Киев, всегда останавливался у неё". Так ли это — я не знаю. Во всяком случае, фамилия матери Эренбурга была Лурье.

гими провожавшими, но тут появился переводчик с повязкой полицая на рукаве. Он увидел юную, фантастически красивую девушку, и что-то в нём дрогнуло. Каким-то чудом он сумел уговорить немцев — её выпустили.

Она пришла домой, двери комнаты мадам Лурье были распахнуты — соседи торопливо растаскивали барахло. "Что вы делаете?! — закричала Люда. — Когда она вернётся, вам стыдно будет!" "Она уже не вернётся", — криво усмехнувшись, сказала одна из соседок. Глаза их встретились, и Люде стало не по себе. Она прошла в свою комнату, закрылась изнутри, опустила шторы. Она не желала ничего больше видеть, ей просто не хотелось жить. Так она провела четыре дня.

А потом к ней пришли с обыском, а потом появился переводчик, спасший её: видимо, успел запомнить адрес в паспорте. Жизнь, какая ни на есть, врывалась со всех сторон. Надо было добывать еду, что-то делать, чтобы перебыть это страшное время. Она продавала книги отчима, пыталась утроиться на работу.

Немцы стали угонять молодёжь в Германию. Правда, студентов не трогали. В оккупированном Киеве действовали два ВУЗа: консерватория и мединститут*. И Люда поступила в консерваторию — вспомнила, что у неё хороший голос.

Постепенно она осваивалась с новой, непонятной жизнью. Вела себя дерзко. По консерватории ходили её двустишия.

"Deutsche, Deutsche über alles",
Вы б отсюда убирались!**

Она не могла не писать.

Я исходила вдоль и поперёк
Людскую душу в дни смертей и плена,
Я заглянула в каждый уголок,
Где боль жила, где верность, где измена.
В те дни, когда пути зашли в тупик
И пало всё, что свято и велико,
Я, оторвавшись от стихов и книг,
Читала в людях, как в стихах и книгах.
Я открывала душу наугад,
Война и плен пытали наши силы,
Так половодье роет берега
И размывает клады и могилы.

---

* В мединституте в то время учился Иван Елагин.

** "Немцы, немцы превыше всего" — перефраз строки нацистского гимна "Германия, Германия превыше всего".

Потом эти стихи сольются с другими, сложатся в цикл "В плену" с красноречивым подзаголовком: 1941 — 1943 гг. Этот цикл, несомненно, уникален в нашей поэзии. Мы знаем стихи поэтов-солдат, поэтов-партизан. Строки Людмилы Титовой стоят особняком, они отразили во всех подробностях душевный мир человека, волей обстоятельств оказавшегося в оккупированном городе, сопротивление души не борца, не героя — просто человека, оказавшегося в жуткой ловушке, одновременно и дома и в плену.

Все два года Людмила Титова вела дневник. Скопились десятки тетрадей. Когда немцы уходили из Киева и зачем-то выгоняли киевлян из города, она уложила в рюкзак и свои записи. Во время обстрела в Беличанском лесу, спасаясь, чтобы легче было бежать, бросила рюкзак. Впрочем, одна тетрадка сохранилась, самая первая, — уходя в лес, впопыхах, Людмила не заметила её в ящике письменного стола. Как жаль, что и остальные тетрадки не остались дома!

После оккупации началась т р е т ь я жизнь Людмилы Титовой, самая длинная, не менее трудная. И уж, во всяком случае, ещё более изнурительная. В этой жизни она растеряла всю свою дерзость, всю молодую отвагу. Она испугалась. И было чего бояться: стали преследовать людей, переживших оккупацию. И она, такая отчаянная при немцах, сжалась, забилась в угол. "Не высовываться! — думала она, — только так можно выжить!" Печатать стихи теперь значило для неё одно: обнаружить себя, "высунуться". Она не могла не писать, но печататься... ни за что! Написав что-то искреннее, честное, прекрасное, она через несколько дней в страхе корёжила собственные строчки бессмысленными правками, чтобы приблизить их к стандарту, или уничтожала их.

Прошёл XX съезд, настала "оттепель". Время менялось. Но её представление об окружающем мире как бы замерло. Она не верила в перемены, не верила никому и ничему: всё фальшь, притворство, ложь. Вот-вот вернётся прежнее и тогда... Бывало, скажешь ей: "Людочка! Уже другие времена. Давай отнесём твои стихи в издательство..." Она смотрела растерянно-подозрительно и говорила: "Ну да! А потом мне будет э т о..." — и складывала пальцы решёткой.

После смерти Людмилы Титовой мы с её дочерью совместными усилиями, напряжением памяти восстановили некоторые стихи, среди оставшихся бумаг их не оказалось: видно, уничтожила.

Людмила Титова умирала долго, тяжело. Знала, что умирает. Тогда-то и решилась: "Ладно, — сказала мне, — чёрт с тобой, печатай!" Хотелось хоть как-то обрадовать её. Но успел опубликовать лишь подборку стихов в провинциальном журнале и организовать две радиопередачи о ней и её стихах. Она уже не вставала с постели, но в доме было радио. И эта малость стала для неё невероятным событием, радостью! Ожила, обсуждала по телефону, как составить первую книгу... Так заканчивалась третья жизнь Людмилы Титовой.

Ч е т в ё р т а я — самая долгая, может быть, вечная — смутно вырисовывалась впереди. Там будет всё: и слава, и человеческое участие, и книги. Мало ли что ещё... Поздно, конечно, но пусть хотя бы так!

Умирала в беспамятстве. "Потушите фонари!" — непрерывно просила она. Что ей мерещилось? Какие огни тревожили напоследок?

Летел мокрый посленовогодний снежок, тут же таял под ногами. Не работал лифт; как снести гроб с десятого этажа — лестница узкая, неудобная. С трудом разыскали ремонтников. Они были под хмельком, что-то всё же делали, стучали по стволу лифта, громко перекрикивались. Наконец, лифт пошёл, один раз кое-как спустился вниз.

Потом был автобус и недолгая дорога в крематорий.

Последний раз вглядываюсь в её лицо. Спокойное, вернулось что-то давнее, молодое. Крутой чистый лоб, строгий вырез ноздрей... И только губы — сомкнуто-отрешённые, как будто всё ещё она остерегалась сказать вслух что-то лишнее.

И снова вспоминаются её пророческие стихи, написанные задолго до смерти, ими и хочу закончить коротенький рассказ о её обыкновенно-необыкновенной жизни и судьбе:

Я был поэтом, я устал и умер,
А осень шла, шурша парчой тугой,
И потонул в её багряном шуме
Сигнал трубы, пропевшей мне отбой.

Сочли зеваки все цветы на гробе,
Все капли и пустых, и горьких слёз,
Но из моих собратий и подобий
Никто не знал, что я с собой унёс.

Теперь я в странной сумрачной державе,
И нет конца моим тревожным снам,
И тяжко недосказанное давит
И не даёт покоя даже т а м.

22 февраля 1996
Киев

PARIS-93.

Юрий КОНОНЕНКО (1938-1995)

...О СЕБЕ

Это было в художественной школе. Маленькая девочка вылепила птицу с тремя крыльями. Она рассказала мне, что одно крыло запасное, потому что иногда птица устаёт лететь.

Меня самого несёт дырявая лодка с разбитым рулём.

Каждый день, подойдя к столу, перед началом новой работы я пишу на обратной её стороне слова, которые я взял в восточной поэзии:

Склонись к зеркалу души своей,
И ты испытаешь наслаждение.
Душа твоя, окрылённая любовью,
Смирится и вознесётся к далёким вершинам,
Где правда светоносными руками
Сорвёт покрывало с твоего разума.

На столе чистый лист, краски, кисти. Материал всегда сопротивляется. И иногда сначала пишешь слова, а потом появляется рисунок.

Первая запись в моей трудовой книжке — 26 сентября 1961 года, город Иркутск.

Работал на стройке. Обедал раз в рабочей столовой. Жареная камбала в томатной подливке и макароны. Раздатчица была доброй и дала ещё порцию макарон бесплатно. Тогда я много делал набросков и попросил её посидеть спокойно минут пять. Она сказала, что она не такая, как я про неё думаю, и что она не допустит, чтобы я к наброску её лица потом пририсовал голое тело.

Уволен по собственному желанию.

Это было начало...

Работа — увольнение. И рисование в свободное время. И снова: работа — увольнение.

Работал архитектором, преподавателем начертательной геометрии, лаборантом кафедры строительных машин, испытателем машинки для резки слюды на слюдяной фабрике, инструктором по плаванию, пионервожатым, рабочим сцены в театре, ретушёром в фотоателье, дизайнером на заводе тепло-

возного электрооборудования, художником в театре кукол, главным дворником в институте математики, вёл изостудию в доме пионеров, был воспитателем в физматшколе, преподавателем в художественной школе.

Всё это в Сибири, без учителя, который мог бы рассказать мне о живописи.

Я рисовал и делал записи о том, про что говорят дети и взрослые, которые оставили и оставляют свои собственные пометки на мне.

Может быть, они, как берега реки, которые думают, что правят её течением. Ведь река нуждается в них и орошает их, но течёт мимо. Могу ли я сказать, что знаю русло, вышел из истока и достигну моря?

И снова меня несёт дырявая лодка с разбитым рулём.

Часто спрашивают: "Про что рисуешь?" У меня есть тексты, которые я называю "надписи на километровых столбах". В них я попытался сконцентрировать всё, что оставляет пометки на мне. Здесь помещена часть этих надписей.

НАДПИСИ НА КИЛОМЕТРОВЫХ СТОЛБАХ

Две руки
Ладонями вниз
Прижались.
Две руки
Ладонями вверх
Прижались.
В них два камушка
Рядом сжались.

столб 6

Ей прощать надо
Её измену,
Её глупость,
Её слёзы.
И даже любовь её надо прощать.
Многие стремятся проникнуть
В душу её.
Опускаются на колени

Перед заколдованным кругом,
В центре которого
Бог поместил
Это величайшее изваяние.
И даже море не может
Стереть улыбку её.
Но волны уносят нас в даль —
Назад приходит лишь пена
Без цвета неба.

столб 14

Спотыкания, спотыкания.
Жив ли я,
Или только искания.
Или только одни воспоминания.
Листья в книге темнеют к концу.
Я хочу прислониться к лицу.

столб 15

Будда ко мне обращён.
Пред нами два горизонта:
Путь его,
И асфальт мой в пыли...

столб 18

От долгого холода
Птица может упасть на нас.
Но если смотреть на небо
И незаметно дышать на него,
То в озере под этим небом
Тихо проплывёт кривая лодка
Из забытого ночного дерева.
Тень от крыльев птицы
Останется до рассвета.

столб 20

Пришельцы из Сибири
Вчера посетили меня.
Их любить отучили,

Ходят носками внутрь.
Когда говорят о любви,
Приговаривают слово — "если".
О, если они узнают,
Что у дерева есть тетива.
О, если они увидят,
Что она как струна на пути.
О, если они услышат ночной полёт
Той стрелы.

столб 23

Вот дерево — оно одно.
И птица, что к нему летит,
Одна.
Шёл снег,
Шёл день,
И вечер наступил.
И камень по душе поплыл
К другой душе.
Он медленно всплывает.
Пусть тяжело,
Но всё равно — живой.

столб 24

Одинокий шест у дороги.
Карабкаюсь по нему.
Вижу — торчит одуванчик.
Вижу — ветер скоро подует.
Вижу — ещё не отстоялись.
Вижу — ещё не осели.
Талисманы мои из бумаги,
Забота моя — любовь.

столб 26

Забытые дороги
Долго храню —
Всё рисую себе талисманы.
Как сапожник гвозди вбиваю
В чужие изношенные пути.

столб 27

Откуда берётся звук флейты? —
Из воздуха.
Но ведь я всё время в нём —
И ничего.
А ты найди своё место, и
Воздух удивится, что ты есть.

столб 33

Чёрная кошка перебежала дорогу.
Синица перелетела её назад.

столб 67

В гнезде для птицы
Кляп от пьяной вечеринки.
Смывает дождь опилки от пилы.
Пенёк от дерева
Смолу в себя вбирает.

столб 74

Остановись и жди.
Свечение небес простой тетради.
Вот почерк на листе.
Протянут провод-хлыст.
Согнули лист,
К земле лицом прижали.
И шепчет лист земле
О свете. О бывшем свете
Тайно-голубом.
И расползаются рубцы
На водной глади...

столб 75
Чойбалсан — Москва

ПОТЕРЯ

Странная история...

Однажды Юрий Кононенко показал мне чайный сервиз в японском стиле работы своего товарища из Киева или из Харькова — чайник, чашки, блюдца, поднос, подсвечник, даже чаша для сжигания благовоний. Так мне захотелось его купить, но цена, очень даже скромная за двадцать два предмета, мне была не по карману. Каждый раз, приходя на Палиху, я бросал взгляд на чайное собрание и вздыхал. Но однажды Юра меня обрадовал: "Старичок, я договорился!" Оказалось, мастер согласился скостить цену вполовину, то есть отдать свою работу почти даром. Я побежал занимать деньги, потом мы с Юрой обёртывали каждую глиняную чашку газетой, и даже эти беглые прикосновения к неровным , шершавым стенкам, к натёкам глазури были приятны, обещали долгую радость глазам, губам, ладоням. Каждый обёрнутый предмет укладывали — осторожно! — в картонную коробку чуть ли не из-под телевизора, крепко заклеили коробку широким скотчем, увязали верёвкой. Я еду с поклажей в метро, читая книгу, положив её на коробку, как на подставку. Выхожу на площади Ногина, к памятнику воинам, павшим под Плевной — коробки нет! Непостижимо, как я мог выйти из вагона метро, не споткнувшись о свою поклажу, и так, чтобы никто из пассажиров не крикнул: "Эй, коробку забыли!" Ерунда какая-то! Но ещё загадочнее, что, обнаружив потерю, я не огорчился, — наоборот, испытал такое облегчение, будто какая-то вода, подступившая уже до горла, вдруг отхлынула, стало легко дышать. Никогда в жизни со мной не случалось ничего похожего, никогда я не испытывал такого облегчения, даже ликования от потери.

Но к чему это долгое вступление, если речь о Юрии Кононенко? А вот к чему. Мне всегда казалось, что собственность, вещность, даже материальность тяготила его. Что даже отрезать хлеб от буханки, намазать маслом, сверху положить ломтик сыра — составляло для него труд, который он охотно бы не делал. Угощать гостя ему было приятнее, чем есть самому. А ещё приятнее просто смотреть на нож, хлеб, сыр.

В последние месяцы Юра исхудал. Он таял. Но не угасал. Наоборот, как свеча, — чем ближе тьма, тем ярче и тревожней её пламя. Он стал как бы прозрачнее. Казалось, он постоянно прислушивается к чему-то. В самом себе? В тебе? Во вселенной? В том промежуточном, что существует между человеком и космосом? А что э т о, как э т о назвать?

Он охотнее приготавливался к работе, чем работал. Помню, с каким старанием и тщательностью мастерил картонную папку для своих работ, которые мне подарил. Я удивился, в каком продуманном порядке у него разложены гвоздики, шурупы, ножички, ножницы, карандаши, перья, ластики, клей, скотчи. У него был запас на много лет труда. Но энергия, необходимая для этого, разряжалась на всё, кроме главного. Конечно, в этой будто замедленной жизни Юры была виновата болезнь: она выедала его изнутри, была причиной постоянной меланхолии, даже ипохондрии, и может, это он к ней прислушивался, как к тиканью только ему слышной адской машины, отсчитывающей секунды до взрыва. И всё-таки, я уверен, у него хватило бы воли, чтобы не дать недугу себя поработить. Он был человек мужественный. И благородный — достоинство редчайшее. Ни разу не слышал, чтобы Юра похвалялся, сетовал на непонимание, злословил о коллегах, вообще плохо о ком-то отзывался, говорил пошлости. Он был совершенно антибогемным человеком, в нём чувствовалась другая сословная психология — не свободного художника, а крестьянина, что, конечно, не исключало сильных и резких, даже неожиданных поступков.

Нет, дело не только в болезни. Возможно, эта замедленность, неохотность, отстранённость объяснялись другим: поисками совершенно иного уровня и смысла своего творчества.

"В игре, где ставят на черепицу, ты будешь ловок. В игре, где ставят на поясную пряжку, ты будешь взволнован. А в игре, где ставят на золото, ты потеряешь голову. Искусство во всех случаях будет одно и то же, а вот внимание твоё перейдёт на внешние вещи. Тот, кто внимателен ко внешнему, неискусен во внутреннем" ("*Чжуан-цзы*").

Как художник, Юрий Кононенко достиг того уровня, когда цена ставки его уже не занимала, — он весь был сосредоточен на внутреннем, сокровенном. Когда в телефильме, посвященном *ню*, он говорит о своей работе, о своём отношении к натуре и, говоря, гладит свой рисунок обнажённой, эти движения руки говорят не меньше слов. Нежность к живому, прекрасному, смертному... Кажется, если бы он гладил загрунтованный холст, его пальцы оставили бы капли цвета: коричневый, лиловый, голубой, изумрудный.

И работы Юры становились всё прозрачнее. От его обнажённых перехватывает дыхание. Ни у кого из мастеров я не ощущал такой мощи совершенства женщины и её беззащитности, такой обнажённости и тайны женского тела.

В живописи, в графике, в сценографии он, конечно, был мастером. В поэзии — учеником, даже не подмастерьем. Его строки, *стишия* интересны прежде всего (на мой взгляд) тем, что через них, как и своей видеокамерой, он создавал какое-то новое искусство — единый взгляд художника на мир. В этом смысле он чувствовал себя современником Будды и Чжуан-цзы, но, возможно, ещё драгоценнее была для него привязанность, даже родство с каждым из нас, потому что душа его требовала давать, а не брать. По своей природе Юра был устроен как родник, а не колодец.

Гордыня была ему совершенно чужда. Слава его стесняла. Нет, он не был прост. Его внутренняя жизнь была очень сложной, драматичной, может быть даже хаотичной. Это было некое духовное строительство. Поиск выхода! Не знаю, как давно это длилось в Юре. Я был знаком с ним всего четыре года, успев всем сердцем привязаться к нему. Конечно, в наших отношениях он был дающим, я — берущим, но это не обижало меня и не унижало. Это обогащало. Горжусь, что иногда он радовался моему приходу.

Теперь, когда Юры нет, осталась пустота. Мне даже не больно... Не могу подобрать слова, чтобы выразить свою растерянность. Он у ш ё л. Всё уйдёт в след за ним: его спектакли, стихи, живопись. Уйдут даже самые близкие ему люди. В великий бесконечный путь. Но даже это не может примирить с у х о д о м Юры. Не та это потеря, которую можно принять и понять.

Дети гораздо заметнее различаются друг от друга, нежели взрослые. Жизнь обкалывает людей, обтачивает, сглаживает, как море — голыши. И добрые похожи, и злые. Тут нет ничего обидного — быть похожим на тысячи других. Да и такое ли уж счастье — быть непохожим? Но Юра так и остался непохожим...

Вардван ВАРЖАПЕТЯН

11 апреля 1996

Виктор СЕРБСКИЙ

БЕСЕДЫ С ПОРТРЕТАМИ РОДИТЕЛЕЙ

АЗБУКА

В ссылке в Тобольске,
Когда мне не было и трёх лет,
Мама обучала меня азбуке.
Она пекла крендели — буквы
И, давая мне кренделёк,
Разрешала его съесть,
Если я правильно называл букву.
Вот этот жук — буква Ж.
Мама Женя.
Вот эта баранка — буква О.
Если мы её сломаем,
Получим две буквы С.
Папа Сербский Соломон.
А если сложим два кружка,
Будет одна буква В.
Витя.
Я повторял: — Витя, —
И отправлял в рот кренделёк.
А вот буква М.
Мама.
Отломим от неё кусочек,
Получится буква Л.
Положим рядом знакомые буквы.
М.Л.В.
Мама любит Витю.
И мы вместе, смеясь, съедали
Это предложение.
Очень вкусная была азбука.
В лагере на Колыме
Обучение оборвалось —
Крендели заменила пайка,
Которую не терпелось тут же съесть.
Оборвалась и мамина жизнь...
А меня потом долго

В.Сербский. Беседы с портретами родителей. Братск. 1995, изд. 2-е. Тираж 500 экз. Эту книгу передал в армяно-еврейский вестник **Булат Окуджава**.

Никто не мог научить читать.
В первом классе я "сидел" два года, —
После маминой азбуки
Книжную я не понимал.

КОПИЯ

Начальнику ОЛП СГУ

На ваш запрос через Начальника п/л им. Берзина.

На списочном составе вверенной мне командировки состоят з/к водворённые в СЕВВОСТОКЛАГ за КРТД и КРА в количестве 180 человек, среди коих имеются отдельные лица, которые до сих пор являются ярыми неразоружившимися троцкистами и между собой ведут контрреволюционную работу.

Удобным местом для сборищ этой группы троцкистов является отделённый от общего барака тамбур, где живёт ярый троцкист СЕРБСКИЙ СОЛОМОН НАУМОВИЧ с женой ЗАХАРЬЯН ЕВГЕНИЕЙ ТИГРАНОВНОЙ. Оба осуждены за КРТД, имеющие при себе сына в возрасте 4-5 лет. В эту комнату собираются троцкисты: ШПИТАЛЬНИК, ЯИЧНИКОВ, КРАЦМАН, БАЛЯСНЫЙ, НЕЙМАН, РУВИЖЕВСКИЙ, МАТЮГОВ, ЛАДОХИНА и ГЛАДШТЕЙН и ведут свою работу...

У СЕРБСКОГО и ЗАХАРЬЯН имеется сын 4-5 лет, которого мать воспитывает в контрреволюционном духе, т.е. запрещает ребёнку петь пионерские песни, учить стихи пионеров-октябрят, не даёт возможности ребёнку понять, кто был Владимир Ильич. Ребёнок резвится, слыша имена вождей рабочего класса СССР от детей вольнонаёмных служащих, но мать категорически и с угрозами воспрещает ему их воспринимать и произносить. Если мальчик случайно вырвется и соединится играть с пионерами прииска, мать — ЗАХАРЬЯН сейчас же уводит его домой и делает ему своё нравоучение. Ребёнок лишён всякой возможности получить должное воспитание, лишаясь детского развлечения как участие с пионерами в играх, посещение дет. площадки и сада, он выращивается замкнутым от действительности советского веселья и радостей детской жизни и выковывается в будущего троцкиста.

Вся эта группа во главе СЕРБСКОГО и его женой не выполняет лаграспорядка, режим лагеря им чужд и ненавистен.

...В целях ликвидации в корне указанной группы троцкистов необходимо убрать с командировки троцкистов СЕРБСКОГО и ЗАХАРЬЯН, что лишит главным образом группу руководителя и во вторую очередь — обезглавленная группа троцкистов лишится места сборки (комнаты, занимаемой СЕРБСКИМ), каковая является для них местом явок. Жду Ваших указаний.

Начальник командировки В-Берзинский
п/л пункта имени т. Берзина: Болотовский
17/VI-37 г.

Верно:

Пом. Опер. Уполномоченного РО: (Литвак)

(Дело № Р-8786 т. 1 л.д. 92-93)

УТРО В ОЛП им. БЕРЗИНА.
1937 год

Во сне я видел пайку без довеска.
Открыл глаза — на улице светало,
И мама так старательно пыталась
Набросить на решётку занавеску

Из старой юбки, сон мой сберегая,
Чтоб мне подольше снилась моя пайка
И сказочная ровная лужайка
Вся в лютиках и перьях попугая...

Я спрыгнул с нар и, к маме семеня, —
"Ой, мамочка, не будь же ты боякой,
Нас охраняют с ружьями вояки,
Никто не сможет своровать меня.

Ты, мамочка, не бойся. Если леший
Переползёт колючку, у запретки
Его застрелит с вышки дядька меткий —
Он сильный, смелый и всегда поевший...

Ну, мамочка, пожалуйста, не плачь..."
И сон пропал. Жду пайку и баланду
И слышу каждодневную команду,
Как гонит в строй родителей палач.

ВЫПИСКА
из протокола № 3 Заседания Тройки УНКВД по "Дальстрою"
от 7 сентября 1937 года.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Дело № 229 УНКВД по "Дальстрою" по обвинению: 1. СЕРБСКОГО Соломона Наумовича, 1907 г.р., ур. гор. Бердичева, Киевской обл. Троцкист с 1928 г. Осуждён: в 1929 г. к 1 году политизолятора с последующей ссылкой на 2 года; в 1931 г. лишён права проживания в 12 пунктах сроком на 3 года; в 1933 г. к 3 годам политизолятора; в 1935 г. за участие в КРТД ссылка на 3 года; в 1936 году за КРТД сроком на 5 лет, в активной к-р подрывной деятельности. —	СЕРБСКОГО Соломона Наумовича — РАССТРЕЛЯТЬ. Оп. Уполн. 8 отдел УГБ УНКВД по ДС

ВЕРНО

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Дело № 229 УНКВД по "Дальстрою" по обвинению: 11. ЗАХАРЬЯН Евгении Тиграновны, 1901 г.р., ур. гор. Тифлиса. Троцкистка, с 1929 г. Осуждена: в 1929 году по ст. 58-10 к 3 годам ссылки; в 1932 г. за КРТД к 3 годам политизолятора; в 1933 г. к 3 годам ссылки; в 1936 г. за КРТД к 5 годам ИТЛ — в активной к-р подрывной и троцкистской деятельности. —	ЗАХАРЬЯН Евгению Тиграновну — РАССТРЕЛЯТЬ Оп. Уполн. 8 отдел УГБ УНКВД по ДС

ВЕРНО

ЖЕРТВЫ

Мои деды —
Тигран Асатурович Захарьян —
Жертва армянского геноцида
И Наум Соломонович Сербский —
Жертва еврейского погрома —
Не дожили до всенародной мясорубки,
В числе жертв которой
Их дети — мои родители,
Величаемые ныне
Жертвами политических репрессий.
Я — дитя этих жертв —
И мои дети и внуки —
Жертвы геноцида духовного...
Где тот провидец, который скажет,
Когда кончатся жертвы?..
Смогут ли дышать свободно
Ваши прапраправнуки,
Если они родятся?

О МЕДИЦИНЕ

Твой отец,
Мама, —
Внук скотовода,
Род которого теряется в Шемахе,
Окончил две академии:

Духовную в Эчмиадзине
И военно-медицинскую
В Санкт-Петербурге,
Но выбрал не церковную службу
И не военную карьеру,
А, выйдя в отставку, принял
Заботы практикующего врача,
Став доктором медицины
И основав свою клинику в Баку.
Он был первым в династии,
Чей общий стаж врачевания
Составляет более тысячи лет.
Врачами стали твои сёстры и брат.
Племянницы и невестка —
Мать твоих внуков.
Они хорошо лечили и лечат людей
И спасли тысячи жизней,
А вот уберечь от смерти тебя
Врачи не смогли —
Выше их сил защитить от расстрела.
Может быть, твоя внучка Катя —
Будущий врач,
Попытается излечить мир
От эпидемии зла,
Если откроет его вирус...

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Мама,
В спектакле "Свеча",
Поставленном по нашим беседам
В молодёжном театре-студии
"Откровение"
Олегом Черниговым,
Тебя — армянку — играет
Юная азербайджаночка
Севинг Мамедова,
Не знающая ни слова
На языке своих предков.
Первый её вопрос ко мне:
— Кто Вы по национальности?

Вот она — детская непосредственность.
И как объяснить ей
Да и самому себе,
Что все мы давно стали русскими?
А национальное самосознание,
Дружбу народов и
Интернациональную солидарность —
Всё это придумали
Взрослые учёные люди.

ТИФЛИС. 1921

Всегда с грустью смотрю
на эти фотографии.
Двадцатилетние мальчишки
и девчонки.
У вас уже прочные убеждения
И партийность
с дореволюционным стажем.
Вы совершили революцию.
Вы делаете историю.
Но даже музей истории
комсомола Грузии
Не смог назвать мне имена всех,
Кто запечатлён на снимках:
"В третьем ряду слева второй —
Б.Дзнеладзе.
Девятый — Х.Хацкевич.
Четырнадцатый — Т.Девдариани".
А в ряду всего 12 человек.
"Крайний справа в первом ряду —
Яша Окоев",
Рядом с ним, вся в чёрном, —
Моя мама,
Слева от неё в солдатской шинели —
Лиза Барская,
Передавшая маминым сёстрам
Эту фотокарточку.
Вторая слева во втором ряду —
Совсем юная Ашхен Налбандян —
Будущая мама Булата Окуджавы,

Который посвятит ей много
Пронзительно-искренних
сыновних строк.
Молодой человек из третьего ряда
Ласково положил руку на её голову.
Кто он? Я не спросил.
А на снимке она — единственная,
С кем довелось
разговаривать при жизни.
Ваня Пудиков, приславший письмо
С тёплыми воспоминаниями
О Жене Захарьян,
Назвал ещё несколько имён:
Аня Сукиасян, Анушаван Мискин,
Арфик Татевосян, Павел Азорашвили,
Гайк Григорян, Жора Аливердов,
Модястрян.
Где вы на этих фотографиях?

Одетые скромно,
Бесподобно красивые.

Спокойно-уверенный,
но не торжествующий
Взгляд победителей.
Только у мамы светло-печальный.
Фотограф неудачно выбрал
точку съёмки,
И на многие лица лёг крест.
Особенно резок он на лице у мамы...
Всех вас, молодых и здоровых,
Очень скоро ждёт расстрел
или ГУЛАГ.
Один Борис Дзнеладзе,
умерший от болезни
в двадцать третьем,
Избежал участи "врага народа"
И был объявлен героем комсомола.
"Его именем названы улица
И Дворец пионеров" (БЭС, том 8-й)...
Не удивлюсь, если услышу,
Что уже переименовали...

СЕРБСКОМУ ВИКТОРУ СОЛОМОНОВИЧУ
Красноярский край, город Норильск, ул. Мира,
дом № 7, кв. 90

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРОР
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

отдел
" 17 " IV 1963 г.

Сообщаю, что дело в отношении Вашего отца СЕРБСКОГО Соломона Наумовича и матери ЗАХАРЬЯН Евгении Тиграновны, по которому они привлекались к уголовной ответственности в 1933 г., проверено и оснований к его пересмотру не установлено. Поэтому Ваша просьба о реабилитации их по указанному делу Облпрокуратурой оставлена без удовлетворения.

ЗАМ. ПРОКУРОРА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
СТАРШИЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ

(И.ШКОРБАТОВ)

ПРОКУРАТУРА СССР

ПРОКУРАТУРА
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
" 19 " 10 1988 г.

665709, г. Братск, 9 Иркутской обл.,
ул. Приморская 49, кв. 79
Сербскому Виктору Соломоновичу

Уважаемый Виктор Соломонович!

Сообщаю, что 17.10.88 г. президиум Курского областного суда рассмотрел протест прокурора области на постановление от 9.01.33 г., которым Ваш отец Сербский Соломон Наумович и мать Захарьян Евгения Тиграновна были осуждены. Это постановление отменено как незаконное, а уголовное дело прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

Ваш отец Сербский Соломон Наумович и Ваша мать Захарьян Евгения Тиграновна реабилитированы.

Прокурор Курской области
государственный советник
юстиции 3 класса

А.В.Рощин

Виктор ЛУНИН

* * *

Ответы найдены.
Теперь
Осталось жить по их советам.
Так распахни скорее дверь,
И, наконец, напейся светом,
И воздух вольности вдохни,
И выйди из глухой темницы,
Где был ты словно в клетке птица.
Ну что ты замер? Не тяни!
Ну что ты медлишь?
Что ты ждёшь?
Чем дорожишь в холодном склепе?
Что бросить жалко — эту ложь,
И этот мрак, и эти цепи?
Иди! Ну что же ты стоишь?
Кому,
        за что
                собой ты платишь?
Но не идёшь ты,
И молчишь,
И только плачешь, плачешь, плачешь...

1981

Евгений ДУБИНСКИЙ

Писать стихи люблю в тиши.
А ты в затылок мне дыши
И трись щекой о щёку,
Иначе одиноко.

Галина ДРУБЧЕВСКАЯ

Из "АРМЯНСКОЙ ТЕТРАДИ"

Весь день давило с высоты,
Сквозь пелену дышало небо.
И почвы пыльные пласты,
Как чёрствые краюхи хлеба.

Сгустившаяся тишина
Готовит гул, и гром, и скрежет,
И молнии кинжал разрежет
Весь потемневший мир до дна.

Гаянэ АХВЕРДЯН

ДИАЛОГ

— О первых разлуках? — О юном стекле.
— О лёгком дыханье? — О вечном тепле.
— А если о ёлке? — И в храме... свечах...
— А если о празднике? — Света в очах...
— Так ты — о молчанье? — Нет, я ни о чём.
— О чём же, о чём же? — О нём же, о нём!
— Бенгальские палочки? — Круг золотой...
— И детские саночки? — Снег голубой...
— О чём же ты плачешь? — Он тает в глазах.
— Так это — не слёзы? — Нет, лица в слезах,
все детские лица, а, может, огни...
— Тебе это снится? — Не снятся они.
— О первых потерях? — Да, ветер надежд.
— Там хлопают двери? — Он горек и свеж.
— Я помню, я помню! — Как солнце и дождь!..
— Так что же ты ищешь? — Ты, может, найдёшь...

1981

Выставка выполненных в технике ксероксной графики инсталляций Баграта Аразяна "Касания" и Армена Игитханяна "Открытое письмо" состоялась в Музее современного искусства в Ереване и была повторена в Государственной библиотеке иностранной литературы в Москве.

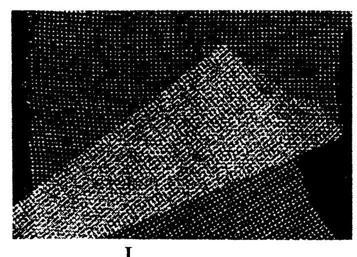
Предлагаемое эссе — не описание выставки, более чем заслуживающей подробного описания (оставляю разбор профессионалам), а попытка передачи чувств и ощущений от соприкосновения с нравящимся необычным искусством. Как важно: выставка уже давно разобрана, а воспоминания о ней, мысли, вызванные ею, ещё долго волнуют посетителей выставки и, конечно, меня, свидетельством чему эти впечатления поэта.

Михаил Вирозуб

Михаил ВИРОЗУБ

ВЫСТАВКА.
впечатления дилетанта

I

Вначале был Дюрер. Или только кажется, что именно он? Или камни Армении прихотливо разместились среди крючковатой азбуки Маштоца, а Дюрер был потом? Лицо — чьё оно? Точно ли это германское солнце и ветры иссушили его, распахали — не армянское ли это лицо? А то и хитроватый ребе выглядывает из-за спины старика. Имеет ли значение, как это сделано? Я не люблю потрошить куклу. Я верю на слово, если скажете, что внутри.

Художник летает по комнате и по-купечески разворачивает штуки тюля: это будет тюлевая колонна, белая и узкая, от пола до потолка, а рядом ещё, а зал круглый. И мы бродим вокруг колонн и по залу, свершая свой круг земной, от головы старика до городских стен по выщербленным камням, читая отрывки писем столетней давности, а гравюры шуршат от ветра, вызванного этим движением, и ноги шаркают по паркету, и колышется тюль. Да и гравюры ли это? Так — листки невиданного календаря.

стр. 103, 104, 105, 110, 112 — фрагменты графических листов проекта Баграта Аразяна «Касания»

Лицо старика. И ещё, и ещё, и ещё. Старики смотрят по-разному и живут особенной жизнью. Вот один, старше других, прощается и,

растворяется в глубинах листа бумаги. Наверное, он умер. Но другой — рядом — ему есть что открыть нам, остановившимся. И мы терпеливо ждём и, кажется, понимаем его. Камни стары. Солнце и ветер изборoздили и распахали их, как то лицо. Они похожи на дюреровского старика, им тоже есть что рассказать, если кому доведётся услышать. Шаркающие шаги останавливаются и перед ними, сложившими угрюмые храмы и башни. Не голова ли Красса, болтающаяся на пике, вон там, наверху?

Чёрное и белое — цвета мастера. Уметь пользоваться цветом и не пользоваться им — своего рода самоотречение, аскеза. И графика — аскеза. Величественная позиция: знать и иметь силы не пользоваться своим знанием. Гордыня — я могу! — и любопытство — а что получится? Здесь как при выборе дуэльного оружия: тонкий расчёт сначала, но всё равно неясный финал. "Художник... всегда создаёт своё произведение сознательно. Однако его красота или безобразие наполовину заключены в таинственном мире, лежащем вне пределов сознания художника" (*Акутагава*). Препарируя произведение, зритель вряд ли определит, где кончается одна часть и начинается другая, где гордыня творца переходит в уничижение пигмея. А не в этом ли задача постигающего: увидеть божественное в произведении, увидеть, где "силы человека исчерпаны" и "он может уповать лишь на волю небес".

Так, рассматривая графические листы, наполненные сплетением предметов, лиц, букв и зданий, хочется воссоздать первопричину соединения их, а не только передавать ощущения от возникающих семантических связей. Хочется, но... это сродни поиску первопричины всего сущего. Да и кто решится понять всё до конца? Я знаю: там свет, там темнота. Чтобы понять всё, надо вместить в себя страсть и унижение художника. Но разве можно пройти за ним по тем же ступеням? Впечатления не единственное

стр. 106, 107, 108 — фрагменты графических листов проекта Армена Игитханяна «Открытое письмо»

ли, чем мы довольствуемся? А давая оценку, не лучше ли спросить: почему всё сделано именно так? Вопрос язычника к небу: почему? Небеса безмолвствуют, а народ шумит.

Они кричат, кричат. Сквозь выкрики, окрики, вскрики трудно услышать тихие шаги: отзвуки похода времени мимо стран и народов, столь многое объединяющего, подобно звукам музыки, не знающей смешения языков. Было ли начало у этой пьесы, будет ли конец: видимо, было и, видимо, будет, как у того письма невесте с фронта германской войны. Оно должно было начаться словами "милая" или "дорогая" и закончиться витиеватым офицерским росчерком и пожеланиями долгих лет счастья. Но время сделало всё по образу и подобию своему, и нам остаётся начать с неизвестного места и закончить, не дочитав. Что скрыто: брусиловский прорыв и война с турками, женитьба на другой и возвращение первой любви, недолгая спокойная жизнь и расстрел в 37-м, как собирали в жестянку и прятали письма и фотографии, пока дотошный внук не вгляделся в знакомые лица и не понял, что он уже старше своего деда. Что удивляться, если мелькнёт на этом пути венецианский дож и станут слышней слова на армянском, русском, итальянском — кто разберёт? И вот тогда только буквы — эти бессмысленные закорючки и петли вновь создаваемого алфавита — раскроют то, что было в начале и будет в конце. Но и букв не всегда хватает.

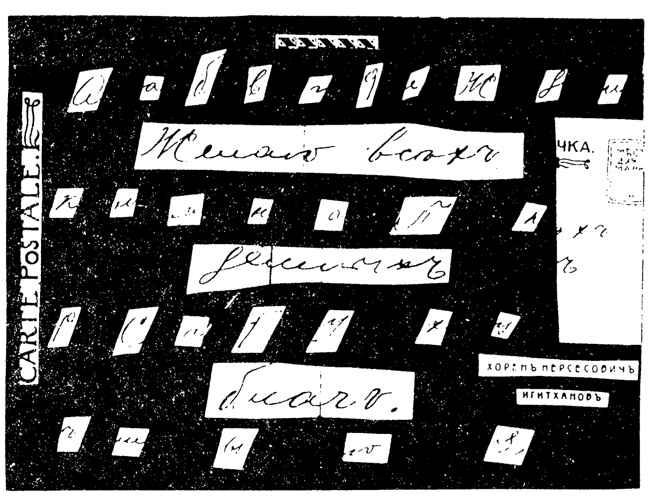
Можно попытаться записать новые слова, а, вглядываясь в фотографию, поверить, что прочитал их по губам, подобно глухонемому, и всё понял. Да, это именно те слова, только говорящего скрывают полотна тюля, патина времени. Кажется, отодвинь тюль, сотри налёт, и всё станет так ясно, но отодви-

CARTE POSTALE.

гаешь и видишь обратную сторону карточки 16-го года. И узнаёшь, что письмо не дошло, его вернули с границы — а, значит, и слов никаких сказано не было.

А человек обратит взгляд к небу и спросит: "Художник, что несёшь ты с собой в мир? Пусть ты мал и низок, но именно так я спрошу тебя! Знаешь ли ты, чего я не знаю, видишь ли ты, чего не видит никто другой?" И художник ответит: "Я слышу голоса, слышимые только мне, и вижу картины, видимые только мне, и рассказываю об этом вам. И пусть назовут это выдумками — я один знаю, что это правда. Ведь правда не умирает, хотя жизнь её несчастлива". Как настоящий пророк борется со своим временем, так и художник приносит в мир раздор, сомнения и беспокойство.

Поэтому в конечном итоге имеет значение только отклик в душе другого человека, вызываемый произведением искусства. Только он имеет что-то общее с замыслом и источником творчества.

А, может быть, лишь другой творец способен вместить в себя какую-то часть тех начал: звука, слова, цвета, и тогда рождаются другие произведения, в чём-то близкие рождённым ранее: картины по библейским сюжетам, а потом музыка по сюжетам этих картин, а потом

стихи на темы этой музыки. И бесконечен круговорот, и не выбраться из Мальстрима.

Жестяная коробка с письмами и фотографиями была зарыта надёжно. Никто толком не помнил, сколько пролежала она в земле, спасая людей от ненадёжного времени. Но страшные годы прошли, как проходят они всегда, и кто-то выживший, ещё помнивший о существовании жестянки, вынул её на свет Божий, и ожили письма и фотографии.

Но счастливым, держащим свои реликвии людям это лишь показалось: строчки писем и полузабытые дорогие лица исчезли на свету прямо у них на глазах.

Остаётся лишь то, что было всегда: земля, вода. И наши попытки внести в мир что-то своё чаще всего бывают такими беспомощными. Не то же ли и с искусством?

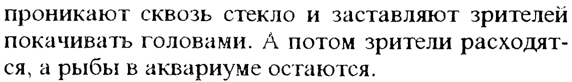
П

Я смотрю на гравюру и вспоминаю. Гравюра — это воспоминание: о досках и резцах, травленных металлических пластинах, больших грубых руках, чувствующих дерево и металл, как самую нежную плоть. Я помню низкие каменные своды гравёрной мастерской с запахом краски. Я жил там и тогда, слушал байки подмастерьев об их удачливом товарище Эйленшпигеле, а потом пил вино из глиняных кружек и шёл растирать краски. "Знание — это воспоминание" — процитировал Платон Сократа. И, если в этих словах заключена какая-то правда, гравюра и есть воплощение этой правды.

Помещая рядом на листе Еву и план городских улиц, не ряд ли воспоминаний выстраиваем мы, беспорядочных, светлых и тёмных, подчас не знакомых нам, но таких реальных, что они живут в памяти нашей наравне с пережитым?

Их всегда двое: художник и зритель. Выхваченный застывший кадр: ты — художник, он — зритель. Перемена декораций, другой кадр: художник — он, а зритель — ты. Поэтому, вглядываясь в чужое творение, зритель силится вспомнить что-то бывшее с ним, в нём когда-то прежде. Но сейчас он по ту сторону аквариума и, приближая лицо к стеклу, хочет разобраться в хитросплетениях заслоняющих действо водорослей, хочет стать участником далёкой войны редкостных рыб, о причинах которой у него остались смутные воспоминания. Эта война волнует, отголоски её

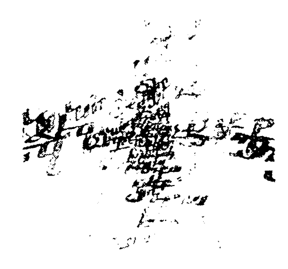

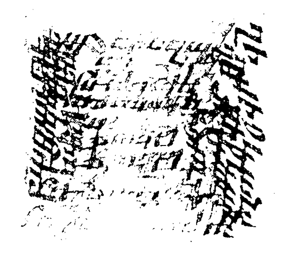
проникают сквозь стекло и заставляют зрителей покачивать головами. А потом зрители расходятся, а рыбы в аквариуме остаются.

В новой пьесе роли у всех другие.

А критики... — "Разбирая произведение, критик всего лишь пытается создать своё собственное",— подумал Акутагава. Не пренебречь ли этой величиной, как бесконечно малой?

Воспоминания по Платону, т.е. прожитая не нами жизнь — это тропа, ведущая нас в исхоженный мир с его опытом и подлостью, любовью, бессилием и поколениями, задаваемыми вопросами. И призрачная жизнь эта имеет те же права,

что и наша собственная с памятью о прожитом только нами. Как уживаются в душе две памяти? Зачем они? Затем лишь, чтобы человек не оказался один, голый, против всего мира? Чтобы хоть молекулой чувствовал он себя, но порождённой этим миром, вросшей в него и выросшей из него, вцепившейся в соседей. Не своя ли память — второе *я*, свой выстраданный опыт, отринуть который не позволяет лишь гордыня, раздваивает душу, ставит её в положение оппонента в самом себе: творца и зрителя, Джекиля и Хайда, учителя и ученика — и так до бесконечности, ибо бесконечно проживаемое нами количество жизней, ведь жизнь человека — жизнь мира.

Художник счастливей других. Какие-то проживаемые им судьбы он, лицедействуя, выплёскивает наружу. Только судьбы чужие проживает он въяве, и оттого счастье его так тяжело. Не здесь ли ответ на вопрос: *почему всё сделано именно так?* — он жил там и тогда.

Он жил всегда, и на нём вся старость мира, а юность — это рождение заново и тысячу раз до него повторенная ошибка, которой он по неведению не избежит вновь.

III

...И сказал Художник: теперь вы — мой народ, вы избрали меня, а я избрал вас, ибо открылось мне слово, бывшее всегда, но вне меня и вне вас. Это лишь отзвук, эхо, самая малость, но, кажется, именно эта малость важна, а я в силах её передать. И люди оторвались от привычного им, и Художник ощутил себя Моисеем. Эти слова, краски, звуки... Он творил, вслушиваясь, всматриваясь во что-то, боясь упустить новые, бесконечно важные детали. И было это скитанием, и народ предавал его и отчаивался, и пустыня была кругом. Но нужное слово находилось, и уходили они всё дальше, ведомые лишь привычкой к пути. Художник уже забывал, что привело к нему всех этих людей. Он мечтал остаться один и молил Бога об одиночестве. Но всё предопределил он сам и возвращался к своему народу, изрыгая проклятия, разбивая идолов.

Он умирал. Впереди мерцали костры чужой земли. Была ли именно она целью пути? Народ, уже входивший в обретённую страну, радовался и веселился, не ведая будущего. Художник глядел на вереницу людей, не понимая, что заставляло их все годы идти за ним, слушать его слова и видеть его глазами. Он понимал, что всё прошло для него, а бывшее — уже история, происшедшая между ним и каким-то Богом, и между ними двоими оставшаяся. И стоило ли быть сильнее Бога?

Есть одна игра: она длится тысячелетие, и многие прошли через искушение ею. Постижение, познание, отражение — вот бесчисленные названия её, а правила каждый устанавливает сам. В чём смысл? Какова цель? Например, вывернуть напоказ свою душу, познать женщин, посмеяться над соседом — задачка-хамелеон — ухвати-ка её! Или смысл — Вавилонская башня: каждый несёт свой кирпичик, и не узнать, есть ли у строительства план, и построен ли хотя бы фундамент.

Если допустить — на минуту, не более, — что искусство отражает жизнь, то, наверное, — только взгляни из какой-нибудь отдалённой точки — станут понятны наши и чужие поступки и помыслы. И абсурд окажется настолько близко от Гойи или безымянных творцов Египта, что эти творения станут неотличимыми; и волк будет жить вместе с ягнёнком...

Не назвать ли это целью игры? Эта картина существует или будет существовать. Но сколько скрыто от нас: то, почему Художник творит и не может не делать этого; что же в конце концов пытается он сказать, запечатлеть, выразить; добро или зло движет Художником? Что же делает он? Просто играет, и всегда его ход? "Я запутался во всей этой паутине, — подумал Художник, — но хватит, ко мне должны прийти с минуты на минуту! О женщина! О тебе одной все помыслы мои! Оглянись, оглянись, Суламифь!"

Как это выразить? Пером, кистью, словом, нотой? Полуоборот, склонённую голову и спокойный взгляд, что-то означающий жест... Чтобы хоть кто-нибудь поверил, это случилось со мной, я видел эту женщину и любил её. Я уже знаю — она уйдёт, и тень, задержавшаяся в комнате, быстро погаснет... Проклятое ремесло! Пытаться ухватить за фалды время, бормотать: река, замедли течение, дай войти в тебя дважды и трижды. Бессилие — вот основное чувство художника.

Но, может быть, именно Дюреру всё удалось? Он видел Еву, не оттого ли, что та его женщина была первой, и следующая тоже будет первой для него, и следующая... Он думал: вот моя Ева, а у другого своя. И в этом смысл библейского рассказа и смысл появления новой Евы на холсте, узнаваемой, изменившейся.

А другой увидел образ её между строк обтрепавшегося письма: Ева, Рахиль, женщина — именам несть числа... Здесь многоточие — неостановившаяся река, неоглянувшаяся Суламифь...

Давным-давно знал художник о той женщине всё, а теперь только становится важным: лицо и руки, или торс, или складки на одежде, или игра светотени. Что лучше расскажет её историю, что вернёт замкнутость тёмной средневековой комнаты, или ничто уже не вернёт её? Нет, всё здесь: и затхлая комната, и женщина в ней, и стоимённый образ между строк — но не доступные нашему глазу. Просто мы видим лишь то, что знаем (*М.Волошин*), а историю этой любви мы не знаем совсем.

Борис ОТАРОВ. Автопортрет.

Валерия ШУБИНА

ЗЕМНОЕ ПРОЧЕРЧИВАНИЕ

путь художника

Год назад я попала на выставку одного художника, картины которого меня тронули. Под впечатлением я что-то такое набросала, какие-то заметки. Они остались без движения, поскольку имя художника — Борис Отаров — не вмещало в себя того шума, который способствует быстрой публикации. Успех, как водится, запоздал: зал Дома художников был предоставлен посмертно. Но что такое успех?.. Ведь о человеке можно судить не только по тому, чего он достиг, но и по тому, от чего отказался. Второе, сокровенное, граничит с тайной, которая всегда ближе к истине. Однако и очевидность первого становится иллюзорной, если вспомнить Л.Толстого, незадолго до смерти он сказал: "Если я имел такую славу в жизни, стало быть, я наговорил много глупостей". Когда думаешь обо всём этом, успех и совершенство представляются разлучёнными — понятиями, стоящими в разных дверях. Жизнь художника уподобляется метанью от одной двери к другой. Жизнь, но не судьба.

1

Возможно, судьба — это прелесть земного прочерчивания, исполненного служения. Кто-то тащит её как крест, кто-то плывёт по течению. К общеизвестному: "Искусство делают волы" по-прежнему нечего добавить, если только: волы, но старой породы. Вот ещё неразменное имя — Борис Отаров. Была афиша, вытянутая, цветная, несколько залов... И две картины впечатались в память и продолжали жить за пределами галереи.

Одна — Микеланджело — в тёмных тонах, угаданных как имитация праха. Но постепенное вглядывание всё проявляет: черты, образ, свечение и попутно — давнюю мысль: гений, его феномен спровоцирован бездарностью среды, из которой он вышел.

Другая — Ерванд, портрет брата — ещё намёк на второсортность материи, приветившей дух, — портрет души, которая мечется в теле, как в клетке.

А то, что называется фактурой, напоминает каменистую землю, выжженную, иссохшую, растрескавшуюся. Сквозь неё как бы складывается на глазах лик человеческий. Но "фактура", "манера" и пр. — всё предметы культурного обволакивания, главное же — сходство явлено как дань хрестоматии.

2

Попытка создания своей магии, что ли. И как расплата — невостребованность обществом — этот орден Почётного легиона в том смысле, который подразумевает Иван Елагин:

И написано строго
Было мне на роду,
Что торжественно в ногу
Я ни с кем не пойду.

Однако гордое "не-в-ногу" никого ещё не уберегло от греха потакания. Гордо не в ногу можно шагать туда же, куда и все. Здесь просится многоточие... во имя определённости. "Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму её в рот..." — какой-нибудь Собакевич — зеркало, в котором вижу себя. А когда Собакевич говорит: "Ведь я знаю, что они на рынке покупают. Купит вон тот каналья повар, что выучился у француза, кота, обдерёт его, да и подаёт на стол вместо зайца", — то здесь и комментировать нечего. "Кота" вместо "зайца" подают сплошь и рядом, сам успех выводится из количества присутствующих и наличия буфета. Буфет задаёт тон, даже когда его нет. Буфетный — именно европейский уровень восприятия. А трепет души?.. Наверно, остаётся в недоговоренном. Если угодно, посещение выставок неотделимо от иронии и гротеска. При том, что "ахи" и "охи" — это как водится. Классический же случай таков: со стороны художника — подвижничество, попытка служить своему делу, мучение и борьба, со стороны, так сказать, просвещённых — трудно определить что, но всегда одно и то же — то, что возможно в глубоком обмороке. Потому без эпиграфа очерк о впечатлениях утопичен. Эпиграф пишется без кавычек:

так называемая гордость человечества — люди искусства (в числе их уважаемый художник Борис Отаров) не имеют, если хотите, к человечеству отношения. Общество узурпировало право присваивать имена и работы тех, кто отделился от него, либо был изгнан и попран.

Практика показывает, что художник существует, чтобы быть уничтоженным, а потом превратиться в миф.

3

Иногда в поверхность своей живописи Борис Отаров вовлекает кусочки стекла, пластика, ткани и тогда как бы начинает сниться самому себе — без прозрения собственного заложничества. Это своего рода дань публике, попытка понравиться. Но и тут он ухитряется симпатично пробовать, шевелиться. Об остальном же... Зачем? когда силы брошены на поверхность. Вопрос: "картина или профанация?" законен, если то, чего нет, — искусство не покрывается институтами вседозволенности — свои герои, свои лауреаты, свои академии чи-

нопочитания... Претензии к одному единственному художнику — это конечно, но только в том самом обмороке.

Однако впечатление, impression — момент не столь преходящий, чтобы им бросаться. И минуты жизни наполнились около тех двух картин. Невозможно найти к ним разгадку, поскольку доблестно отсутствует угождение вкусам. Обращение же к манере таит ересь авторитетности, стало быть, скука подкарауливает с дубиной, стало быть, "синтез личности и земли" в голове тут как тут. Конечно, собственная ограниченность... Уценяет фразы до реплик. Без обращения к злобе дня, случаю, мимолётному разговору как бы и нет дыхания. Смешнее всего, что выхолащивание всякого смысла отсюда и начинается. Тем не менее одно воспоминание давно ждёт своего часа.

Мне вспоминается 1 апреля 95-го, панихида по Владимиру Максимову, писателю, издателю журнала "Континент", когда он выходил за границей. Это было в церкви на Сретенке. Какой-то человек дал мне свечку и поднёс огонь, чтобы зажечь её. Свечка вспыхнула, воск начал капать на сумку, пальто. Моя рука почему-то дрожала. Пел хор. Священник говорил о крестном пути и вечной памяти, противопоставляя её памяти лукавой, земной. А я думала о том, что доблестью Максимова был собственный образ мыслей. И это в век тотального господства массового сознания, при цепной реакции новостей. Где его друзья и другие видели победу (расстрел Дома Советов 4 октября 93-го), он позволил себе увидеть кровь — зоркость, равная самоотречению. Наверно, она мешала ему быть таким же, как все. Наверно, и уважение к чужому труду мешало — то, чем издатели и прочий персонал школы служебного собаководства от литературы меньше всего обременяют себя, скорей откликаясь на принадлежность автора к клану, спекуляцию чертами биографии, чем на что-то другое. Священник сказал последнее слово, а звон колоколов настиг меня уже посредине Сретенки. Я шла, продолжая негласный спор с одним воспалённым персонажем. Предположим, это переводчик с древнегреческого.

Как-то наш уважаемый муж приказал освежить в памяти мифологию, дабы возненавидеть Антея, приверженного земле. "Время от времени Геракл должен убивать Антея!" — интеллект толкал почтенного на глубины, а человеческая природа — на мелководье. Наверно, всем суждено болтаться между Сциллой и Харибдой под флагом собственного молекулярного строения, но посвящённые в античность в особом положении со времён Человека в футляре. В отличие от прочих и грешных незыблемость — их послушание. А незыблемость... Пусть другие поют ей хвалу.

И всё-таки приверженцы силы будут разочарованы: Антей жив! Геракл не убил его, как это представлено древними. Хватило же у Геракла ума не взваливать на себя небесный свод: удел героев — авгиевы конюшни.

Это злачное место искусства мало кто обошёл. Собственно, об этом и речь: Геракл, Антей или ни тот, ни другой. Бог миловал — всё, что можно сказать в лучшем случае, но он редко бывает. Смутное время заносит в крайности. Трудно, почти невозможно обойти моду и как следствие — вывернутость всего наизнанку (она почему-то называется раскованностью.) Реакция на бывшую

долго запретность, что ли?.. Но запреты запретам рознь. Теперешняя "раскованность" заставляет вспомнить обычай, связанный с похоронами колдуна. В его могилу вбивали осиновый кол, а само место опахивали козой. Вас охраняют, а не утаивают от вас — вот идея запретности. И всё же кому-то удаётся остаться вне конъюнктуры. И тогда загадку творчества сменяет загадка благотворительности. Увы, неблагодарная тема. Козимо Медичи, Лоренцо Великолепный... Золотой фонд бескорыстия, приложимого к искусству. Кто из нынешних скажет подобно Альфонсу Великому, королю Неаполитанскому, обратившемуся к гуманистам: "Я буду делить с вами последний кусок хлеба?.." И всё-таки...

4

Некто Андрей Левков вложил тысячу-другую долларов ради того, чтобы вещи Б.Отарова увидели свет. Сам Андрей Левков в брусничном пиджаке, но без искры (в отличие от Чичикова), бессловесно возник среди публики, чтобы поклониться и всё. Здесь можно сказать: "Господи!" — и вспомнить Третьяково-Морозово-Щукиных, с ними бесчисленных — щи лаптями хлебали, но отстёгивали ассигнации, во спасение уповая, — а ещё лучше выставить самого Андрея Левкова и показывать по билетам. Такое явление всё равно что притча о блудном сыне: даже когда его нет, всё равно думаешь о нём. И наскребаешь ряд... Хотя враждуешь с персономанией: великое сродни анониму — такова вера, укреплённая явлением египетских пирамид. И всё-таки среди моих слёз по поводу Левкова и российских банкиров нет ни одной слезы умиления. Химический анализ показал. Почему? Потому что я увидела человека с деньгами и набором соображений, не имеющих отношения к искусству. И чувство наивное благодарности тает. Остаётся личный сюжетец имени Владимира Максимова.

— Вы от кого? — деятель независимости, публицистики и пристального взгляда задаёт вопрос крестной разносчице собственных рукописей.

— Я?.. От себя.

— Но мы же вам ничего не заказывали.

— А я по заказу не пишу.

Деятель смилостивился, взял рукопись и, как ни странно, напечатал. Последнее можно бы упустить. Однако тень реальных жизненных условий следует по пятам. Наверно, она сопутствовала и Борису Отарову. Искушала, манила, нашёптывала. Но прелесть земного прочерчивания!.. Знак Судьбы. Удел избранных. Быть может, всё, что она заключает, только микрон интеллектуальных усилий, вписанных в картину мироздания. Прочее — от лукавого.

Эдуард ХАЛД

АРМАГЕДДОН

рассказ

Смотрели прихожане, как старый священник читал молитву.

После благословения он дал коленопреклонённому кусочек просфоры, но она тестяной ниточкой прилипла к пальцам священника и не отлипала. Не отлипала и от губ коленопреклонённого...

И увидели добрые прихожане удивлённое и взволнованное лицо священника: дрожащими руками он передал коленопреклонённому бокал с драгоценными камнями, сверкающими в огне свечей, но погасли свечи, когда коленопреклонённый пригубил из него.

Увидели прихожане, как двое поднялись на алтарь, став справа и слева от священника. А тот робко передал крест и кадило. Потом подошёл к раскрытому Священному писанию, поцеловал его. Но исчезли буквы и строчки, опустели жёлтые страницы. Посмотрел пастырь на прихожан, словно моля о помощи. Но не было от них ни слов, ни помощи, ничего... Ибо затаили дыхание миряне, боясь шевельнуться: изумлённо взирали, как молча, не спеша, взошёл на алтарь тот, кто всё это вязкое время стоял на коленях. Все увидели его высокий рост, уверенную походку, решительные глаза.

Подойдя к священнику, он снял с него торжественный убор со сверкающим крестом — будто так и должно быть, будто именно так заканчивается воскресная служба. А двое, что встали по бокам от святого отца, возложили дрожащие его руки на пожелтевшие страницы священной книги, и прибили гвоздями.

Заструилась кровь на опустевшие страницы, и пока текла, — тот, что с самого начала стоял на коленях, к губам которого прилипла просфора, поднял обе руки вверх, прямо над головой священника, и из его рук, из пальцев посыпались сребренники, те, которые когда-то были взяты как цена крови...

Сыпалось серебро, звеня, покрыло книгу и руки, прибитые к ней, седую голову священника, падало, отскакивая на алтарь, весело катилось к ногам прихожан.

Обезумел народ, как бы очнувшись от страшного сна, рванулся из храма, отталкивая, сбивая с ног друг друга...

А тот, из чьих рук сыпался дождь монет, молча смотрел им вслед, но когда собор опустел и не осталось никого, кроме тех двух и старого священника, прошептал:

— МОЯ ЖАЛОСТЬ НЕ ЕСТЬ РАСПЯТИЕ И СЛЁЗЫ НАД УМИРАЮЩИМИ.

И вышел из собора на улицу. За ним двое, что пригвоздили руки священника к Книге.

Посмотрел на воздух — и воздух стал недвижим, посмотрел на свод небесный — и свод остановился, птицы небесные замерли на лету...

И стало так, что шёл народ по улице — но не двигался.

Застыли волны морей, воды рек и водопадов.

Застыли все ветры и звуки шума.

Посмотрел он на парк, где отдыхали люди под тенью деревьев, на сосуды, поставленные подле них: руки были подле сосудов, но не брали их, вкушающие пищу — не вкушали, подносящие ко рту — не подносили.

Увидел он опрокинутый кувшин, вино из которого никак не выливается.

Посмотрел на дальние луга, где пасли овец: увидел собаку, висевшую в воздухе, увидел овец и пастуха, который поднял руку, чтобы гнать их, да так и остался с поднятой рукой.

Посмотрел он на течение реки — и увидел, что разные твари припали к воде, но не пили её.

Застыло всё, что было в недрах земли, на суше и в морях. И всё, что в тот миг парило в небесах.

Посмотрел он на солнце — и увидел, что остановилось солнце посреди неба...

Стояло солнце посреди неба, и не спешило к западу весь день, и другой день...

Майк РЕЗНИК

КАК Я НАПИСАЛ НОВЫЙ ЗАВЕТ, ПОСПОСОБСТВОВАЛ ЭПОХЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ И БЛЕСТЯЩЕ ЗАГНАЛ МЯЧ В СЕМНАДЦАТУЮ ЛУНКУ НА ПЕББЛ-БИЧ

рассказ*

После того, как римляне распяли столько лжепророков, откуда я мог знать, что он окажется настоящим Мессией?

Я хочу сказать, не каждый день Мессия дозволяет приколотить себя к кресту. Мы все думали, что он придёт с мечом, выбросит всех римлян и сотрёт Иерусалим с лица Земли. А если уж на это его не хватит, я полагал, что он, по меньшей мере, поймает пару знатных римлян и выпорет их при всём честном народе.

Не то чтобы я был неверующий (как такое возможно, в двадцатом-то веке). Но, когда говоришь о помазаннике Божьем, представляешь себе крепкого парня, с решительными манерами, который может постоять за себя, вроде Сильвестра Сталлоне или Арнольда Шварценеггера? Вы меня понимаете?

Поэтому, увидев, как они ведут этого худого, волосатого оборванца на Голгофу, я решил поразвлечься вместе со всеми. Да, я выпил чуть больше вина, чем следовало, да, так и сыпал шутками, но над ними же смеялись, да, подержал чашу с маслом для одного из стражников (хотя, честно говоря, чашу я не помню), но разве это причина для того, чтобы выделить меня среди остальных?

Мы же стояли там все, завсегдатаи паба, а он смотрит с креста на меня и говорит: "Один из вас будет пребывать здесь, пока я не вернусь".

— Зачем ты говоришь это мне? — отвечаю я, подмигивая приятелям. — Где я обычно пребываю, так это в "Доме юных девственниц" на соседней улице.

Все смеются, даже римляне, а он так укоризненно смотрит на меня, а несколькими минутами спустя просит Бога простить нас, словно именно мы нарушили законы Храма. А потом умирает, и вроде бы представление заканчивается.

Да только я с того дня не старею, а когда Ханна, моя жена, пырнула меня ножом (я забыл про её день рождения, где-то шлялся неделю, а явившись домой, ещё и попросил денег), рана, к моему полному изумлению, зажила, едва она вытащила нож. Даже шрама не осталось.

Да уж, тут приходится взглянуть на этого волосатика на кресте иначе. Дошло до меня, что он действительно был Мессией, и теперь мне суждено бродить по Земле (хотя и в полном здравии), пока он не вернётся. А произойдёт это, как я понимаю, не скоро, ведь пока что римляне ведут речь о том, чтобы выбросить нас из Иерусалима, и дома дорожают как на дрожжах.

Что ж, поначалу его обещание представляется мне скорее благословением, а не проклятием, я ведь понимаю, что переживу эту змею, на которой меня угораздило жениться, и, возможно, найду себе жену получше. Но потом все мои друзья начали стареть и умирать. Они бы всё равно постарели и умерли, но в Иудее это происходит быстрее, чем везде. А Ханна добавила восемьдесят фунтов к фигуре, которая и раньше не отличалась стройностью. Здоровья же у неё не убывает, и у меня создаётся впечатление, что она проживёт не меньше моего. Тут уж поневоле напрашивается вывод, что это-таки проклятие.

И вот наступает день, когда Ханна празднует своё девяностолетие. Слава Богу, тогда не было тортов и свечей, а не то мы сожгли бы весь город. Тут я слышу, что Иерусалим захлестнула новая эпидемия: христианство. Только этого слуха достаточно для того, чтобы у благоверного еврея закипела кровь, но когда я узнал, что́ есть христианство, то понял: дела мои совсем плохи. Проклинает меня, значит, какой-то малый, обещая, что я буду жить вечно или до его второго пришествия, в зависимости от того, что случится раньше (судя по тому, как всё началось, он-таки вернётся), и хотя ни одно его обещание не выполняется, за исключением проклятья, наложенного на бедного, странствующего купца, который никому не причинил вреда, все вдруг начинают поклоняться ему.

Я, естественно, понимаю, что мне пора сматываться из Иудеи, но, однако, дожидаюсь, пока, наконец, Ханна не отправляется в мир иной, поперхнувшись незрелым инжиром, который кто-то случайно скормил ей, когда она лежала в кровати, жалуясь на расстроенную нервную систему. Я тотчас же присоединяюсь к каравану, идущему на север, оплачиваю проезд на корабле, плывущем в Афины, но судьба распорядилась так, что я прибыл туда на пять столетий позже Золотого века.

Я испытываю безмерное разочарование, но провожу в тех краях пару десятилетий, греясь на солнышке и наслаждаясь ласками греческих красавиц. Потом, однако, смекаю, что пора бы мне и в Рим, посмотреть, что творится в столице Мира.

А творится там христианство, чего я абсолютно не могу понять, ибо, насколько мне известно, ни один из тех, кого он проклял или благословил, не может этого подтвердить, а я для себя давно уже решил, не в моих интересах признаваться, что я высмеял его на кресте, и держу рот на замке.

Но, как бы то ни было, они постоянно устраивают шумные праздники, совсем как Супер-Боул*, но без двухнедельной рекламной компании в прессе, по ходу которых христиан бросают львам. Зрелища эти становятся всё более популярными у народа, хотя они скорее тянут на костюмированный бал, чем на спортивное состязание, поскольку христиане никогда не выигрывают и местные букмейкеры не могут принимать ставки.

Я задерживаюсь в Риме почти на два столетия, потому что меня избаловали водопровод и вымощенные дороги, но потом вижу надписи на стенах и понимаю, что мне предстоит пережить Римскую империю. А потому, решаю я, неплохо найти более спокойное местечко до того, как нагрянут гунны и мне придётся учить немецкий.

Так я становлюсь бродягой и выясняю, что мне нравится путешествовать, хотя человечество ещё не додумалось до пульмановских вагонов и гостиничных сетей, вроде "Холидей Инн". Я осматриваю всевозможные чудеса древнего мира, тогда ещё не такого уж и древнего, даже добираюсь до Китая (я им помог изобрести порох, но убрался, прежде чем там додумались до фитиля), охочусь в Индии на тигров, даже подумываю, а не взобраться ли на Эверест (от этой мысли я в конце концов отказался: названия у горы в то время не было, а какой прок похваляться, что ты покорил безымянную вершину где-то в Непале).

Закончив мою кругосветку, создав и пережив не одну семью, я возвращаюсь в Европу, чтобы увидеть, что весь континент погрузился в Тёмные века. Нет, солнце светило столь же ярко, что и прежде, но, едва начинаешь говорить с людьми, как становится ясно, что средний Айкью** понизился пунктов на сорок.

Какую же скуку навевали эти разговоры: все неграмотные, за исключением монахов, да ещё выясняется, что они не изобрели ни системы кондиционирования, ни установок для быстрого замораживания продуктов, и после того, как всё сказано о короле, погоде и типе удобрений, которые следует использовать на полях, разговор тухнет, как сгоревшая свеча. И всё-таки я понимаю, что вот он, мой шанс отомстить, даю священные обеты, присоединяюсь к ордену монахов, живу отшельником целых двадцать лет (разве что по субботам устраиваю себе разгрузочную ночь в городе, поскольку физически и сексуально я ещё о-го-го), получаю возможность перевести Библию и начинаю излагать на понятном людям языке, каким он был на самом деле. К примеру, тот случай со свиньями из Гадары, когда он велел бесам вселиться в свиней, и погнал их с холма в море. Нынче кто-то и удивится, а о чём тут, собст-

* Финал национального футбольного чемпионата

** По начальным буквам IQ (Intellectual Quality) — коэффициент интеллектуального развития.

венно, говорить, но надо бы помнить, что переводил я Библию для грязных фермеров, которые воспринимали учёность совсем иначе.

Или смоковница... Только сумасшедший может проклясть плодовое дерево за то, что оно не даёт смоквы не в сезон, не так ли? Но по какой-то причине все, кто читает об этом, полагают, что это пример его могущества, а не глупости. Так что вскоре мне это надоедает и я больше не прикасаюсь к святой книге.

А кроме того, я чувствую, что пора перебираться в другие края. Я начинаю замечать, что стоит мне прижиться в каком-то месте, как у меня появляется зуд в пятках и приходится двигаться дальше. Я понимаю, это, разумеется, проклятье, но если путешествие из Греции в Рим во времена расцвета Империи сопровождалось только положительными эмоциями, то в Тёмные века прогулки по Европе удовольствия не доставляют, поскольку двусложное слово становилось для большинства населения камнем преткновения, да и мыло ещё не вошло в обиход.

Короче, после посещения столиц Европы у меня возникает ощущение, будто я вновь вернулся в древнюю Иудею, и я решаю, что пора кончать с Тёмными векáми. Осенило меня аккурат в Италии, я делюсь своими мыслями с Микеланджело и Леонардо, мы как раз пили доброе вино и играли в карты, и они признают мою правоту, соглашаясь, что пришла пора Возрождения.

Потом выяснилось, что сдвинуть телегу с места — дело непростое, так что у них обоих слегка помутилось в голове. Микеланджело проводит несколько лет, лёжа на спине, весь заляпанный краской, а Леонардо начинает конструировать летательные аппараты. Однако труды их не пропали даром, в Италии начинает возрождаться цивилизация, хотя элегантная Лукреция Борджиа, которая неизменно танцует со мной на всех балах, щедро сдабривает этот процесс ядом. Но Майк и Лео не сдаются, жизнь становится всё интереснее, да вот у меня опять чешутся пятки, так что следующее столетие я провожу в блужданиях по Африке, где открываю водопады Вечного жида. И даже ставлю столб со щитом, надпись на котором призвана увековечить сиё открытие. Но видать, кто-то пускает столб и щит на дрова, потому что какое-то время спустя я узнаю, что это чудное местечко переименовано в водопады Виктории.

Так или иначе, но я брожу по миру, и жизнь становится всё более занимательной, поскольку начинается промышленная революция. На меня же всё больше давит чувство вины, не за то, что я давным-давно излишне вольно обошёлся с Мессией, но потому, что за всё это время не сделал ничего значительного, разве что позволил Леонардо нарисовать портрет моей подружки Лизы. Сами понимаете, восемнадцать веков бесцельного существования не могут не сказываться на психике.

И вот я останавливаюсь в маленьком английском городке, называющемся Сент-Эндрюс, где только что придумали новую игру, пер-

вым в мире прохожу все восемнадцать лунок и понимаю, что нашёл-таки цель в жизни. А цель эта — использовать дарованное мне бессмертие для того, чтобы сыграть в гольф на всех полях мира. Пока оно только одно, но я знаю, что скоро счёт пойдёт на тысячи.

В итоге, я становлюсь инвестором, покупаю коттедж в Калифорнии и дом во Флориде и, пока весь мир ждёт, когда же новая игра начнёт победоносное шествие по странам и континентам, сооружаю песчаные и травяные ловушки. А уж от ловушек — прямая дорога к клюшкам, потому что обычная, какой играли в Сент-Эндрюсе, годится далеко не на все случаи жизни. Сначала мне хватает трёх металлических клюшек, потом девяти, в планах у меня все двадцать шесть, но на девяти я останавливаюсь, дожидаясь, пока изобретут каталку, потому что тащить на себе по пятимильному полю для гольфа двадцать шесть металлических клюшек, не говоря уже о деревянных и короткой, — неблагодарное занятие.

К восьмидесятым годам двадцатого столетия я уже отыграл на всех шести континентах и теперь с нетерпением жду появления крытых полей в Антарктиде. Возможно, они появятся ещё лет через двести, но чего у меня в достатке, так это времени. А пока я просто продолжаю множить свои достижения. Всё-таки я ввёл в Библию тот эпизод со свиньями, и, возможно, благодаря моим уговорам, Леонардо перестал бредить летающими аппаратами и вновь встал к мольберту. Этот список следует дополнить блестящим ударом на семнадцатой лунке в Пеббл-Бич. Ну кто ещё может похвалиться такой точностью. Я же загнал мяч в лунку одним ударом, в дождь, с сорока пяти футов от подножия холма.

В общем, жизнь у меня не так уж плоха. Я по-прежнему обречён бродить по миру до скончания вечности, но нигде не сказано, что я не могу бродить в собственном реактивном самолёте, в компании Фифи и Фатимы. А если я не играю в гольф, то могу проводить время в клубе "Август", благо у меня пожизненная членская карточка, что в моём случае приобретает особое значение.

У меня как раз начинают зудеть пятки. Скорее всего, отправлюсь вскоре на новое поле для гольфа, что разбили у озера Найваша в Кении, оттуда в Бомбей, потом клуб "Джайпур-Кантри", а затем...

Я лишь надеюсь, что Второго пришествия не будет до того, как я смогу пройти пару раз все лунки на поле мемориального комплекса Чжоу Эньлая в Пекине. Говорят, там какая-то необыкновенная водяная лунка.

Вы понимаете, если уж выбирать из проклятий, то это, наверное, наилучшее.

перевод с английского Виктора Вебера

Яков КУМОК

ГАЙК И АНУШ*

Было довольно поздно, когда я вышел на улицу. Шофёр такси, по складам разобрав адрес, переписанный мной на бумажку, заключил: "Это в старом квартале, но сейчас по-другому называется!" Мы долго ехали; улицы становились всё уже. Несколько раз шофёр останавливал машину и о чём-то расспрашивал прохожих. Открылась расселина. Внизу шумел поток; крутые каменистые берега поросли орешником. Дома слева, казалось, вырублены в скале. В некоторых окнах уже горел свет. Под шинами хрустела галька. После нескольких поворотов, уводящих всё выше, машина остановилась возле железных ворот с узорами, вырезанными из жести.

Шофёр постучал, вернее, прогромыхал. В соседнем доме зашлась в визге собачонка. Наконец, отворилась железная калитка, в проёме стояла старушка. Вероятно, она ничего не поняла из того, о чём спрашивал таксист, и кликнула молодую. Я вылез из машины и подошёл к ним, когда жестикуляция у всех троих приняла угрожающий характер и разговор более напоминал гневный спор. Слово "Арша... Арша..." — но в каком-то мягком обрамлении, кружилось в воздухе, как волан, и я переводил глаза на собеседников, как когда-то следил за игрой в бадминтон на лужайке моих детей.

— Ну, хорошо, — согласился я. — Возможно, Аршакян. Пусть будет так. Столько лет прошло...

Все загалдели, и в воздух было брошено имя, до боли знакомое, но тоже смягчённое:

— А-йк...

— Гайк! — закричал я. — Точно! Гайк Галустович!

Молодая сбегала в дом и вывела старуху в выцветшем платке с серебряными нитями; по-видимому, она была слепа. Когда они подошли поближе, я понял, что ей должно быть за девяносто. В усохшем облике сохранились застылое достоинство и настороженность.

Начался разговор, который я для себя переводил так.

"Вот человек спрашивает Гайка", — сообщила ей молодая. "Зачем ему Гайк?" — "Зачем вам Гайк? — обратилась молодая ко мне. — Кто вы ему?" — "Друг". — "Он друг".

Старуха как будто выпрямилась и произнесла длинную тираду, в которой, кроме гневных нот и, по-видимому, проклятий, я ничего уловить не мог.

Перевод молодой был более чем короток.

— Она ничего не знает.

— А кто она ему? — поинтересовался в свою очередь я.

— Жена.

---

* Неопубликованная глава из романа "Мелимойе". — "Дружба народов", 1995, №№ 2,3.

— Вот так-так...

— Понимаете... дядя Гайк сильно обидел её. Давно было...

— Тем паче. Пора бы забыть обиду.

— Сын был на её стороне... он сына обидел. А тот на войну ушёл, и убили...

— Я знаю.

— Они помирились... стали жить вместе... и опять обидел.

— А ты ему кто?

— По-вашему как? Внучка от дяди. Я его уже не застала.

На другое утро, не дожидаясь встречи в редакции, я позвонил главному редактору домой.

— Аршакян Гайк Галустович, вот как его величать, — сказал я.

— Аршакян!.. Простите, что сразу не догадался. Я так и подумал, когда мы расстались... Но откуда вы-то его знаете? — изумился он. — На русский он не переводился. Это поэт другой эпохи...

— Мы подружились в Доме творчества.

— В самом деле? Он туго сходился с людьми.

— У меня сложилось иное впечатление.

— Я лично его не знал. Гайк Аршакян... Ходили легенды о его скандалах, выходках... Кончине.

— Интересно узнать, какие.

— Да нет, совсем не интересно. Я был тогда начинающим критиком. Считал, что судьба и творчество две разные ипостаси художника, между собой мало связанные. Критик должен изучать текст — и только. Заблуждение молодости.

— Почему его не переводили?

— Отчасти поэтому. Издатели стыдились худой славы, оставшейся о нём, вы понимаете? Но главным образом другое. Его стихи полны исступлённой любви к своей родине, но эта любовь, как бы сказать, локальна. Кроме того, думаю, он, как никто другой, труден для перевода. Любил неологизмы, просторечные выражения, стих грубоват и нарочито прозаичен... Постойте, — вспомнил главный. — Он рисовал картины. Маслом. Яркие. Цветы. Но такие своеобразные цветы... иногда, глядя на них, хочется зареветь и топать ногами от гнева...

— Можно посмотреть?

— Они хранятся в запасниках музея. Могу устроить просмотр. Конечно, дорогой мой! — вскрикнул он, воодушевляясь какой-то мыслью. — Это же наш Чюрлёнис! Но у литовцев нашлись исследователи, а у нас нет. Э!.. ленивый народ, готовы целый день пить кофе и играть в нарды! Не ценим своих выдающихся деятелей!

— Можно бы издать сборник, — подсказал я.

— Вай! Какой сборник! — всё более воодушевлялся мой собеседник. — С репродукциями! Цветными! Черно-белыми! Со стихами. Дать врезки из

воспоминаний современников. Но вот что...— озабоченно оборвал он себя. — Необходимо предисловие. Умное, спокойное предисловие. Объяснить его творческие поиски в русле общих поэтических тенденций того времени. Пресечь домыслы относительно некоторых биографических фактов... Но кто может написать такое предисловие?

— Вы и напишите.

— Вы думаете? Между прочим, — вспомнил он. — Ещё жив его брат.

— Что вы говорите? Сколько же ему?

— За девяносто. Ближе к ста. Он был старше Гайка. Живёт в горном селении. Как простой крестьянин. Про искусство слышать не хочет. А когда-то был замечательным актёром и режиссёром...

Горное селение это оказалось неблизко: минутах в сорока лёту на АН-2, где в салоне я наткнулся на стреноженную козу, и часе езды на машине. Шофёр ждал меня в аэропорту. Мы тронулись. Выжженные скалы окружали нас: на них, нависая над дорогой, громоздились ноздреватые валуны, рассечённые трещинами. Первобытный, безжизненный, аскетический вид; иногда в расщелинах проглядывали плоские котловины с выровненными участками зеленеющих полей.

Дорога серпантином спустилась в долину. Теперь её обступали сады и виноградники, которые я видел впервые. Лозы были свёрнуты в спираль и касались земли. Шофёр объяснил, что это технический сорт, предназначенный для выделки дешёвого вина. "Ах, вот из чего гонят бормотуху!" — засмеялся я. — "Что ты! Из гораздо худшего". Подъезжая к посёлку, он рассказал мне о храме чуть ли не третьего века, развалины которого виднелись посреди села, — в двадцатые годы здесь ещё молились, потом службу запретили. Археологи установили, что храм построен на месте языческого капища, история которого уходит в совсем уже тёмную старину. Древняя земля.

Я понятия не имел о Карабахе, и в страшном сне не могло присниться, что пройдёт несколько лет, и виноградники будут посечены, дома сожжены, склоны гор перерезаны траншеями. Шофёр нахваливал здешние выпасы; они за ближними хребтами и отсюда не видны. Отары и стада пригоняют издалека, а некоторые так даже везут своих телят и коз в легковых машинах или по воздуху. Больно молоко густое, вкусное и, уверяют, целебное, на разнотравье надаивают. Мы въехали в мирное селение.

Услышав фамилию человека, которого я разыскиваю, шофёр несколько раз понимающе и как бы сочувствуя моему горю, о котором из деликатности не хочет расспрашивать, покачал головой. Дом его оказался на краю деревни. Шофёр затормозил возле плетёного ветхого тына. Я хотел было попросить его постучаться к хозяину и спросить, может ли тот побеседовать с приезжим человеком, но, предупреждая меня, он произнёс:

— Прямо заходы и всё. Он всегда дома. Если нет, садыс, жди. Долго не уйдёт.

— Может быть, вы постоите? Я оплачу. Я не собираюсь надолго задерживаться. Мне всего один вопрос задать.

— Зачэм? Что, дэнги лишние? Он отправит. Тэпер у всех "жигули", любого попросит, ему никто не откажет. Может, ещё заночуешь, а?

Калиточка, сплетённая из ивовых прутьев, отвалилась внутрь, как только я к ней прикоснулся. Понурый пёс, дремавший под корявой орешиной, лениво поднялся; длинная шерсть на брюхе облеплена репьями. Тотчас на лай распахнулась дверь в доме и вышел хозяин. Бодро переступая кривоватыми, по-старчески согнутыми в коленях ногами, спустился по ступенькам крыльца и , бросив собаке несколько слов — не прикрикнул, а веско что-то сказал, после чего она молча улеглась на прежнее место, — направился ко мне и протянул руку. Видно было, что я прервал его завтрак, он дожёвывал на ходу.

Я не мог оторвать глаз от его бороды, белой, плотной, волнистой, с чёрными нитями. (Минувшей зимой я и сам вздумал отпустить бороду, пренебрегая насмешками домашних, но она, как выяснилось, пошла у меня клочьями и реденькая; пришлось сбрить.) И на голове его внушительная грива волос, в которой чёрных прядей ещё больше. На нём была стиранная маечка, в проёме которой кустились на груди седые букли, хлопчатобумажные брюки вправлены в кирзовые стоптанные сапоги.

— Из России? — не спрашивая, а как бы самому себе утвердительно отвечая, приветствовал он меня. — Присядьте.

Он усадил меня за длинный грубо сколоченный стол под виноградником; сам же, видимо, стесняясь в таком виде беседовать с приезжим, сходил в дом и вышел в длиннополом кафтане с поясом и большими карманами. В его облике появилось что-то степенное и благообразное. Он спустился в подпол и поднялся оттуда, неся трёхлитровую банку с вином и круг сыра.

— Вы бы не беспокоились, Вартан Галустович! — попросил я скорее из вежливости, нежели искренно, потому что в дороге проголодался.

— Зовите меня Владимир! — живо откликнулся он. — Так меня звали русские друзья. Я ведь много лет прожил в Москве и в Сибири, всякое перевидал, но сейчас вспоминается только хорошее. А что было плохое, так оно тоже послужило хорошему! Я рад поговорить по-русски, давно не приходилось.

Русский выговор его на удивление чистый.

— Это не мой дом, — пояснил он, заметив мой взгляд. Дом каменный, двухэтажный, большой; наружная лестница без перил вела на второй этаж. — Мне одному зачем такой? Я, когда переселился сюда, ещё не знал, что навсегда, думал, поживу сколько-нибудь... и купил маленькую саклю за поворотом, где родник и платан растёт. Заметили? Вы проезжали мимо. Красивое место, мне там нравилось. Но два года назад ко мне пристала вдова одна, здешняя. Поменяемся да поменяемся! У тебя вечно люди, некоторые живут неделями, стесняют тебя. А мои дети в городе, дом пустует. Я и согласился из-за людей.

На столе появились плоское блюдо с зеленью (разные травы, мне незнакомые), лаваш. Владимир Галустович уселся, наконец, напротив меня и повелительно-коротко указал ладонью: прошу, мол, отведать. Я чувствовал себя

совершенно просто с этим человеком; никогда прежде я не испытывал столь полного доверия к незнакомцу.

Еда была вкусной; я попивал домашнее винцо и отдыхал. Тишина вокруг была такая, какая может быть, наверное, только в горах.

— А почему люди едут к вам?

— Я тут вроде проповедника, — без всякого смущения ответил он, глядя на меня живыми чёрными глазами. — Кто-то нуждается в совете, кто-то в утешении. Женщины едут со своими бедами. А бывает, нужно кого и выбранить! Люди ведь испытывают необходимость, чтобы их побранили. Вот все ко мне и... Но ты-то не за этим пришёл!

Я рассказал ему всё, что случилось некогда со мной в Н.

— Это хорошо, — сказал он, помедлив. — Хорошо, что ты испытываешь чувство вины перед братом. Хорошо, что не посчитал за труд разыскать меня и приехать сюда. Благодарю тебя, добрый человек.

— И мне легче стало. Вроде как покаялся, — признался я.

— Мне надо навестить больного, — сказал он. — Я скоро вернусь, это неподалёку.

— Мне не хочется оставаться одному, — напросился я.

По улице навстречу нам девочка лет десяти гнала пегую коровёнку; та высоко поднимала передние копыта и отмахивалась рогами.

— Захотелось пожить на покое остаток лет. Пенсия у меня большая, мне ведь дали народного... Сбережения были. Но, честное слово, совсем не думал, что придётся заниматься этим, когда переехал сюда. Вы знакомы с историей Армении? В России любят Армению, но слабо её понимают. Это Арцах, — он коротко ладонью кверху провёл по вершинам гор. — Здесь издавна проживают два народа. Мы пришли сюда раньше, сохранились плиты на могилах предков. Им две тысячи лет. Советская власть всех давила и вражды не допускала. Теперь ей скоро конец. Империя распадается. У вас ещё опасно говорить об этом, — улыбнулся он, — но здесь можно. Есть армяне, которые призывают: давайте воспользуемся моментом и восстановим историческую справедливость. Арцах будет наш. Они думают, так будет лучше. Я опасаюсь беды.

— А почему выбрали это село?

— Оно пострадало во время резни... и потеряло много мужчин на последней войне.

— Так это то самое село?

Он моментально понял меня.

— Нет! То — там, — неопределённо махнул рукой. — Вы имеете в виду наше родное село? Я был увезён из него за несколько лет до тех страшных событий и отдан учиться в семинарию. Родители мечтали увидеть меня в рясе. В какой-то степени, — продолжал он серьёзно, — я исполняю их завет. — И вздохнул. — Всё меняется, мы сами, и жизнь кругом переменилась, но внутри нас время течёт по-иному, и перед своими дорогими родителями я по-прежнему мальчик.

Я чуть было не признался ему, что я себя перед ним чувствую мальчиком! "И это приносит мне странное облегчение", — подумал я.

— Неожиданно дядя забрал меня и увёз в Египет. Там уже был мой брат. Пришлось пойти работать. Сначала зазывалой в магазине, потом на фабрике... Появились другие заботы. Потом пришли другие увлечения...

— Так ты — поэт? — спросил он меня, когда мы возвращались по той же пустынной широкой и каменистой улице, посреди которой прорыл себе русло ручей.

И первый раз в жизни, не испытывая никакой неловкости, я сказал, что вообще-то я человек служилый, на зарплате, и только недавно оформил пенсию, да и то не дают уйти... Вот освобожусь и тогда целиком отдамся литературной работе.

Слушая меня, он удовлетворённо кивал головой.

— Это хорошо, — приговаривал он, — это хорошо. Пусть стихи пишутся сами по себе. Лучше не брать за них денег.

— Число поэтов бы тогда резко поубавилось, — шутливо пожаловался я.

— Тебе не жарко? — спросил он, когда мы снова уселись на скамье под виноградником. — Солнышко припекает. — Он стянул сапоги и снял кафтан. — Вот так-то приятнее...

— Сколько вам лет?

— Девяносто три. Не так много. Друзья уверяют, что я убавляю года. Что мне уже за сто. Это не так.

— По сцене не скучаете?

— Представьте себе, нет. В молодости мне посчастливилось посмотреть несколько великих спектаклей, и по свойственному старикам консерватизму убеждён, что нынешним режиссёрам не превзойти Вахтангова и Мейерхольда.

— А Шекспир? Любимый автор?

— О, я очень увлекался Шекспиром! Это был мой бог. Особенно волновала тема власти. Она у него предстаёт как сила — неодолимая, притягательная, разрушительная, пышная, роковая. И вместе с тем почему-то необходимая для здоровья общества. Всё это я и пытался передать. "Макбета" я осуществил в пятьдесят втором году в заполярном городе в немыслимых условиях! У меня там был лагерный театр. Вы даже не можете себе представить. И у меня была лучшая труппа из всех, какие я когда-либо имел. Это была невероятная постановка... но её не перед кем было играть! — Он рассмеялся. — В пятьдесят восьмом я повторил её в маленьком сибирском городке Нерове. Мне удалось сохранить костяк труппы, но некоторых первоклассных исполнителей со мной не было. Всё же это был такой спектакль, что театральные критики из Москвы приезжали специально посмотреть его.

Неслышно вошла неопрятно одетая молодая женщина с дымящимся казаном и двумя мисками в руках, неотмытых от земляной работы. Видно, копа-

лась в огороде, когда кликнула её мать. Не поздоровавшись, но не от вежливости, а как бы преизбыточного почтения к хозяину и его гостю, стала разливать похлёбку.

— У нас рано обедают, — сказал Владимир Галустович. — Я люблю готовить и в том доме с удовольствием стряпал. А здесь соседки не позволяют! Каждая по очереди поставляет мне от своего стола.

Да, Шекспир, Шекспир, — как бы заканчивая мысль, произнёс он. — Сколько огорчений с этим именем у меня связано, ссор с милыми сердцу людьми... После одной такой повеситься хотел, не улыбайтесь, — я и не думал улыбаться. — Исподволь стала закрадываться мысль, которая поначалу казалась крамольной, что он, гм... англичанин... слишком англичанин. Поймите меня правильно. Некоторые мотивы в его творчестве, например, прославленное так называемое карнавальное веселье... воспринимается моими соплеменниками чисто внешне. Либо, хуже того, производит отталкивающее впечатление. И так далее. Самым же большим разочарованием явилось для меня то, что эта великая драматургия как, пожалуй, никакая другая даёт почву для режиссёрских спекуляций и выявления режиссёрских амбиций. Почему? Загадка. Но это так.

Фасолевая похлёбка оказалась необыкновенно вкусной (впрочем, всё здесь шло мне в охотку); в миске обнаружил я подрумяненную баранью косточку, в которую было вцепился... увы, зубы, зубы... Пёс осторожно взял её у меня и унёс под дерево.

— Кое-кто сейчас уверяет, будто я разочаровался в искусстве. Нет. Просто глубже понимаю роль его в жизни людей. Прежде сильно преувеличивал. Бывают эпохи, когда искусство расцветает, а злоба и невежество в сердцах людей цветут ещё пышнее. Отчего? Люди нуждаются в духовной пище помимо той, какую способно дать искусство. Стоило прожить жизнь, чтобы додуматься до этой простой истины? — Вдруг он обратился ко мне светски-любезным тоном: — Я благодарен вам за то, что вы посетили меня. Мне здесь не с кем потолковать, и я был убеждён, что тема искусства уже не волнует меня. А какова ваша специальность? — прервал он себя.

Я назвал.

— Хорошо, — одобрил он. — Вижу, ты прожил, — он опять перешёл на "ты", — основательную, обдуманную жизнь, и тебе не в чем раскаиваться. Хотя ты думаешь иначе, и что-то тебя гложет.

Я чуть было не выложил ему про детей, антисемитизм, болезнь Клавы! А ведь я в то время (как теперь разумею) отличался особым видом скрытности: не от чужих, а от самого себя. Тут он произнёс фразу, которая в других устах показалась бы мне (тогда!) оскорбительной.

— Если хочешь ехать в Израиль, уезжай. Да, уезжай! — убеждённо добавил он. — Встретить старость и смерть в святой земле — это достойное завершение честной жизни. Я мечтал об этом. Как Руставели.

Я покраснел, чего не случалось со мной много лет. Может быть, десятилетий.

— Я не собираюсь уезжать!

— Судьба распорядилась мной по-другому. Это древняя земля, но она дышит. Под хребтами магма. Она волнует людей. Я даже у специалистов интересовался. Ты удивишься, как я. Кавказские горы молодые. Они ещё растут. Они болеют и резвятся, как дети. И люди это чувствуют, перенимают. Посмотри, в них много детского, горячего, жестокого. Дети жестоки. Но здесь всё перемешалось, наверное, неспроста. Мусульмане, христиане, тюрки, арийцы. Наверное, здесь Бог испытывает людей на доброту. И мне судьба быть с ними. Кавказцы не избегают высоких слов, как вы. Но здесь я их не употребляю. Вот только перед тобой, ты издалека.

Ко мне, бывает, приходят люди, — сказал он без всякой связи с предыдущим, — попавшие под следствие. В последнее время таких много. Им грозит срок, разлука с близкими... И я им говорю: не сопротивляйся. Сначала выслушаю, редко кому скажу: борись! Не сдавайся и бейся до конца. А большинству говорю: не сопротивляйся. Всё, что выпадет, испытай. Зависть из сердца выбрось, и вернёшься добрым человеком. Ты поддайся напору обстоятельств, но сохрани себя. Я сам так часто напрягался, негодовал... не нужно было...

— Брат приезжал ко мне в Заполярье в пятьдесят четвёртом или пятьдесят пятом... прожил у меня неделю... больше не виделись. Я вернулся на родину через несколько лет после его гибели. Всякого наслушался о нём и его последнем часе. Тебе расскажу чистую правду, и ты другой не ищи. Обещаешь мне, добрый человек? Я его всегда понимал и знаю, почему он так сделал. Слушай.

В соседнем дворе росла девочка, прекрасная , как весенний цветок в горной долине. На неё приходили любоваться, и родители отгоняли от забора любопытных. Но когда ей исполнилось двенадцать лет, она заболела. Местные врачи ничем не могли помочь. Отец повёз в Москву, там оперировали. Но, видно, что-то задели в позвоночнике, у девочки стали отсыхать ноги. Домой вернулась на костылях. И вот что стало с ней происходить: сверху расцветала всё прекраснее, а снизу уродливо засыхала.

У брата есть стихотворение. Как по-русски перевести: "Обезноженная Афродита"? Так примерно. Брата вообще глубоко волновал этот образ, он находил в нём глубокий символ, который связывал с бедами и страданиями своей родины... Сомневаюсь, что можно перевести это стихотворение, едва ли найдётся такой смельчак. Надо самому много боли принять за свою землю.

Когда Ануш сидела, набросив на ноги плед, она была прекрасней, чем юный месяц над горами. Но когда вставала, опираясь на костыли, ужас проникал в сердце. Даже родные не могли на это смотреть. Настал момент, когда она с трудом могла переставлять ступни. И тогда мой брат вошёл к ним во двор, поднялся на террасу, где она сидела, и упал к ней в ноги. И попросил её руки. Оказывается, он всегда любил её.

Какой поднялся переполох! Он ведь был старше её родителей! Кроме того, у него была жена, достойная, уважаемая женщина. Такого позора не видывали в наших краях, и даже старики не могли припомнить. Отец девушки на-

бросился на Гайка с кинжалом. Но Ануш сказала: "Оставьте его, отец!" А ему сказала: "Да!" И стала его женой.

Теперь слушай, добрый человек. Куда им было деваться? Если бы она ходила, они бы ушли. Стали жить тут, по соседству с его бывшим домом. Какие разговоры велись в квартале, какие слухи ходили, ты сам легко можешь представить. Но влюблённые ничего не замечали, ничего не слышали. Они были счастливы! Через год родилась девочка. Гайк мечтал, чтобы она была похожа на мать. Но у девочки были круглые впавшие глазёнки. А глаза матери были огромные, как у серны, под тонкой ниткой сросшихся бровей. Роды она перенесла успешно и поначалу сама кормила ребёнка. Но потом почувствовала слабость, пришлось ребёнка отнять от груди.

Она угасала, как свеча. Гайк не спал ночами, пеленал девочку, ухаживал за женой. Однажды утром она подозвала его к себе. "Я никогда не видела, как встаёт солнце, — сказала она. — Покажи мне". Он ушёл из дому и через несколько часов вернулся с приятелем на машине. Гайк вынес Ануш на руках и внёс в машину. Это последнее, что люди видели. Как рассказывал приятель, он повёз их в горы, и они ехали до того места, куда могла ехать машина. Там Гайк сказал: "Возвращайся!" — поднял Ануш на руки и понёс.

Приятель уверяет, что отпустил их погулять, а сам повернул в ближайшее селение за какими-то покупками. А когда вернулся, не нашёл их. Это не так. Он поклялся, что сохранит их тайну, и оказался благородным другом. Шум он поднял лишь на следующий день. Их искали, но не нашли.

Теперь встань, дорогой, и пройди в тот угол двора. Оттуда открывается вид на снежную вершину. Самую высокую в этих горах. Там остались Гайк и Ануш. Там они встретили рассвет. Местные жители говорили мне, что видели их силуэты. Каждое утро я встаю на то место, где ты стоишь, и жду, когда из-за вершины появится солнце. Иногда мне кажется, что я вижу их силуэты. Гайк стоит, расставив ноги, и прижимает к груди свою Ануш.

Ромен ГАРИ

СТАРАЯ-ПРЕСТАРАЯ ИСТОРИЯ

рассказ

Столица Боливии Ла-Пас расположена на высоте пяти тысяч метров над уровнем моря. Выше уж не заберёшься — нечем дышать. Там есть ламы, индейцы, иссушенные плато, вечные снега, мёртвые города. А в тропических долинах рыщут золотоискатели и охотники за огромными бабочками.

Шоненбаум грезил этим городом почти каждую ночь, пока два года томился в немецком концлагере в Торнберге. Потом пришли американцы и распахнули перед ним двери в мир, который он привык считать иным. Боливийской визы он добивался с невероятным упорством, на какое способны лишь истинные мечтатели. Шоненбаум был портным из Лодзи и продолжал старинную традицию, уже прославленную до него пятью поколениями польско-еврейских портных. Он перебрался в Ла-Пас и после нескольких лет истового труда сумел открыть собственное дело и даже достиг известного процветания под вывеской "Шоненбаум, парижский портной". Заказов становилось всё больше, и вскоре ему пришлось искать себе помощника. Задача оказалась не из простых: среди индейцев с андийских плато встречалось на удивление мало портных "парижского класса" — тонкости портняжного искусства не давались их задубевшим пальцам. Шоненбаум так долго обучал бы их основам кройки и шитья, что затея потеряла бы всякий смысл. Оставив тщетные попытки, он уже смирился со своим одиночеством и горой невыполненных заказов. И тут на помощь пришёл нежданный случай, в котором он усмотрел перст Судьбы, всегда к нему благоволившей, — ибо из трёхсот тысяч лодзинских единоверцев он оказался одним из немногих, кому посчастливилось уцелеть.

Жил Шоненбаум на гористой окраине города; каждое утро перед его окнами проходили караваны лам. Согласно распоряжению властей, озабоченных недостаточно современным видом столицы, ламы лишались права дефилировать по улицам Ла-Пас; тем не менее животные эти остаются единственным средством передвижения на горных тропах и тропинках, где о настоящих дорогах ещё и не помышляют. Так что вид лам, навьюченных ящиками и тюками, покидающих на рассвете пригород, запомнится многим поколениям туристов, надумавших посетить эту страну.

По утрам, направляясь в своё ателье, Шоненбаум встречался с такими караванами. Ламы ему очень нравились, он и сам не понимал отчего: может, оттого, что в Германии их не было?.. Караван состоял

обычно из двух-трёх десятков лам, способных переносить груз, в несколько раз превышающий их собственный вес. Иногда два, иногда три индейца перегоняли караваны к далёким андийским деревушкам.

Как-то ранним утром спускался Шоненбаум в город. Завидев караван, он, как всегда, приветливо улыбнулся, замедлил шаг и протянул руку погладить животное. В Германии ему не случалось гладить ни кошек, ни собак, которых там водится великое множество; к пению птиц он тоже никогда не прислушивался. Само собой разумеется, что лагерь смерти весьма недружелюбно настроил его к немцам. Шоненбаум гладил бок ламы, когда взгляд его остановился на индейце, шедшем рядом. Погонщик шлёпал босиком, зажав в руке посох, и поначалу Шоненбаум не обратил на него внимания. Его рассеянный взгляд готов был соскользнуть с незнакомого лица: ничего особенного, обыкновенное худое лицо, обтянутое жёлтой кожей, похожее на камень, высушенный ветром и как будто выточенный за многие века нищеты и убожества. Вдруг что-то шевельнулось в груди Шоненбаума — что-то смутно знакомое, давно забытое, но всё ещё пугающее. Сердце бешено застучало, но память не торопилась с подсказкой. Где он видел этот беззубый рот, понурый нос, эти большие и робкие карие глаза, взирающие на мир с мучительным упрёком: вопрошающе-укоризненно? Он уже повернулся к погонщику спиной, когда память разом обрушилась на него. Шоненбаум сдавленно вскрикнул и обернулся.

— Глюкман! — завопил он. — Что ты тут делаешь?

Инстинктивно он крикнул это на идише. Погонщик шарахнулся в сторону, будто его обожгло, и бросился бежать. Шоненбаум, подпрыгивая и дивясь собственной резвости, понёсся за ним. И лишь надменные ламы чинно и невозмутимо продолжали шагать дальше. Шоненбаум догнал погонщика на повороте, ухватил его за плечо и заставил остановиться. Ну конечно, это Глюкман — никаких сомнений: те же черты лица, то же страдание и немой вопрос в глазах. Разве можно его не узнать? Глюкман стоял, прижавшись спиной к красной скале, разинув рот с голыми дёснами.

— Да это же ты! — кричал Шоненбаум на идише. — Говорю тебе, это ты!

Глюкман отчаянно затряс головой.

— Не я это! — заорал он тоже на идише. — Меня зовут Педро, я тебя не знаю!

— А где же ты идиш выучил? — торжествующе продолжал кричать Шоненбаум. — В боливийском детском саду, что ли?

Глюкман ещё шире распахнул рот и в отчаянии устремил взгляд на лам, будто ища у них поддержки. Шоненбаум отпустил его.

— Чего ты боишься, несчастный? — спросил он. — Я же друг. Кого ты хочешь обмануть?

— Меня Педро зовут! — жалобно и безнадёжно взвизгнул Глюкман на идише.

— Совсем свихнулся, — жалостливо проговорил Шоненбаум. — Значит, тебя зовут Педро. А это что тогда? — Он схватил руку Педро и взглянул на его пальцы: ни одного ногтя. — Это что, индейцы тебе ногти повыдергали?

Глюкман совсем вжался в скалу. Губы его наконец сомкнулись, и по щекам покатились слёзы.

— Ты ведь меня не выдашь? — залепетал он.

— Выдашь? — повторил Шоненбаум. — Да кому же я тебя выдам? И зачем?

Вдруг жуткая догадка сдавила ему спазмом горло: на лбу выступил пот. Его охватил страх — тот самый панический страх, от которого вся земля так, кажется, и кишит ужасами. Шоненбаум взял себя в руки.

— Да всё кончилось! — крикнул он. — Уже пятнадцать лет как кончилось.

На худой и жилистой шее Глюкмана судорожно дёрнулся кадык, лукавая гримаса скользнула по губам и тут же исчезла.

— Они всегда так говорят! Не верю я в эти сказки.

Шоненбаум тяжело перевёл дух: они находились на высоте пяти тысяч метров. Впрочем, он понимал: не в высоте дело.

— Глюкман, — сказал он серьёзно, — ты всегда был дураком. Но всё же напрягись немного. Всё кончилось! Нет больше Гитлера, нет СС, нет газовых камер. У нас есть даже своя страна, Израиль. У нас своя армия, своё правительство, свои законы! Всё кончилось! Не от кого больше прятаться!

— Ха-ха-ха! — засмеялся Глюкман без намёка на веселье. — Со мной этот номер не пройдёт.

— Какой номер с тобой не пройдёт? — опять закричал Шоненбаум.

— Израиль, — заявил Глюкман. — Нет его.

— Как это нет? — рассердился Шоненбаум и даже ногой топнул. — Нет, есть! Ты что, газет не читаешь?

— Ха! — сказал Глюкман с видом убеждённого недоверия.

— Даже здесь, в Ла-Пас, есть израильский консул! Можно получить визу. Можно туда поехать!

— Не пройдёт! — упёрся Глюкман. — Это всё немецкие штучки.

У Шоненбаума даже мороз по коже. Больше всего его пугало выражение хитрой проницательности Глюкмана. "А вдруг он прав? — подумалось ему. — Немцы вполне способны на такое: явитесь в указанное место с документами, подтверждающими вашу еврейскую принадлежность, и вас бесплатно переправят в Израиль. Ты приходишь, послушно садишься в самолёт — и оказываешься в лагере смерти. Бог этом светились мой, — подумал Шоненбаум, — да что я такое насочи-

нял?" Он стёр со лба пот и попытался улыбнуться. Глюкман продолжал с прежним видом осведомлённого превосходства.

— Израиль — это хитрый ход, чтобы всех нас вместе соединить. Чтобы, значит, даже тех, кому спрятаться удалось. А потом всех в газовую камеру... Ловко придумано. Уж немцы-то это умеют. Они хотят нас туда согнать, всех до единого. А потом всех разом... Знаю я их.

— У нас есть своё собственное еврейское государство, — вкрадчиво, будто обращаясь к ребёнку, сказал Шоненбаум. — Есть президент, его зовут Давид Бен-Гурион. Армия есть. Мы входим в ООН. Всё кончилось, говорят тебе.

— Не пройдёт, — упрямо твердил Глюкман.

Шоненбаум обнял его за плечи.

— Пошли, — сказал он. — Жить будешь у меня. Сходим с тобой к доктору.

Шоненбауму понадобилось два дня, чтобы разобраться в путаных речах бедняги. После освобождения, которое он объяснил временным разногласием между антисемитами, Глюкман затаился в высокогорьях Анд, ожидая, что события вот-вот примут привычный ход и что, выдавая себя за погонщика со склонов Сьерры, он сумеет избежать гестапо. Всякий раз, как Шоненбаум принимался растолковывать ему, что нет больше никакого гестапо, что Гитлер мёртв, а Германия разделена, он только пожимал плечами: уж он-то, мол, знает, его на мякине не проведёшь. Когда же, отчаявшись его переубедить, Шоненбаум показал ему фотографии Израиля: школы, армию, бесстрашных и доверчивых юношей и девушек, — Глюкман в ответ только затянул заупокойную молитву и принялся оплакивать безвинных жертв, которых враги вынудили собраться вместе, как в варшавском гетто, чтобы легче было с ними расправиться.

Что Глюкман слаб рассудком, Шоненбаум знал давно; вернее, рассудок его оказался менее крепким, нежели тело, и не выдержал тех неописуемых пыток, которые выпали на его долю. В лагере он был излюбленной жертвой эсэсовца Шультце, садиста, прошедшего многоэтапный отбор и сумевшего показать, что он достоин оказанного ему высокого доверия. По неведомой причине Шультце избрал беднягу Глюкмана козлом отпущения, и никто из заключённых не верил, что Глюкман может выйти живым из его лап.

Как и Шоненбаум, Глюкман был портным. И хотя пальцы его уже утратили былую ловкость, он вскоре вновь обрёл достаточно сноровки, чтобы включиться в работу, и тогда "парижский портной" смог, наконец, приняться за заказы, которых с каждым днём всё прибавлялось. Глюкман никогда ни с кем не разговаривал и работал, забившись в дальний тёмный угол, сидя на полу за прилавком, скрывавшем его от посторонних глаз. Выходил он только ночью и отправлялся проведать лам; он долго и нежно гладил их по жёсткой шерсти, и глаза его при знанием какой-то страшной истины, абсолютным всепониманием, которое подкреплялось мелькавшей на его лице хитрой и надменной улыбкой. Дважды он пытался сбежать: в первый раз — когда Шоненбаум заметил как-то походя, что минула шестнадцатая годовщина крушения гитлеров-

ской Германии; второй раз — когда пьяный индеец принялся горланить под окном, что де "великий вождь сойдёт с гор и приберёт наконец всё к рукам".

Только полгода спустя после их встречи, во время войны Судного дня (1973), в Глюкмане что-то переменилось. Он вдруг обрёл уверенность в себе, почти безмятежность, будто освободился от чего-то. Он перестал прятаться от посетителей, а однажды утром, войдя в ателье, Шоненбаум услышал вовсе невероятное: Глюкман пел. Вернее, тихо мурлыкал себе под нос старый еврейский мотивчик, привезённый откуда-то с российских окраин. Глюкман зыркнул на своего друга, послюнявил нитку, вдел в иголку и продолжал гнусавить слащаво-заунывную мелодию. Для Шоненбаума забрезжил луч надежды: неужто кошмарные воспоминания отпустили, наконец, беднягу?

Обычно, поужинав, Глюкман сразу заваливался на матрац, который он бросил на пол в задней комнате. Спал он, впрочем, мало, всё больше просто лежал в своём углу, свернувшись калачиком, уставясь в стену невидящим взглядом, от которого самые безобидные предметы превращались в нечто ужасное, а каждый звук напоминал предсмертный крик. Но вот как-то вечером, уже закрыв ателье, Шоненбаум вернулся поискать забытый ключ и обнаружил, что друг его встал и воровато складывает в корзину остатки ужина. Портной отыскал ключ и вышел, но домой не пошёл, а остался ждать, притаившись в подворотне. Он видел, как Глюкман выскользнул из-за двери, зажав под мышкой корзину с едой, и скрылся в ночи. Вскоре выяснилось, что друг его уходит так каждый вечер, всякий раз с полной корзиной, а возвращается с пустой; и весь он при этом светится удовлетворением и лукавством, будто только что провернул выгодное дельце. Сначала портной хотел напрямик спросить у своего помощника, что означают эти ночные вылазки, но, подумав о его скрытной и пугливой натуре, решил не задавать вопросов. Как-то после работы он остался дежурить на улице и, дождавшись, когда из-за двери выглянет осторожная фигура, последовал за ней.

Глюкман шагал торопливо, жался к стенам, неожиданно возвращался, словно желая сбить с толку возможных преследователей. Все эти предосторожности только разжигали любопытство портного. Он перебегал из подворотни в подворотню, прячась всякий раз, когда его друг оглядывался. Вскоре стало совсем темно, и Шоненбаум едва не потерял Глюкмана из виду. Но все же каким-то чудом нагнал его, несмотря на тучность и неважнецкое сердце. Глюкман шмыгнул в один из дворов на улице Революции. Портной выждал немного и на цыпочках последовал за ним. Он оказался в караванном дворе большого рынка Эстунсьон, откуда каждое утро нагруженные товарами ламы отправляются в горы. Индейцы вповалку храпели на соломе, пропитанной запахом помёта. Над ящиками и тюками с товаром тянули свои длинные шеи ламы. Из двора был другой выход, напротив первого, за которым притаилась тесная тёмная улочка. Глюкман куда-то делся. Портной постоял с минуту, пожал плечами и собрался было уходить. Путая следы, Глюкман изрядно покружил по городу, и Шоненбауму до дома было теперь рукой подать.

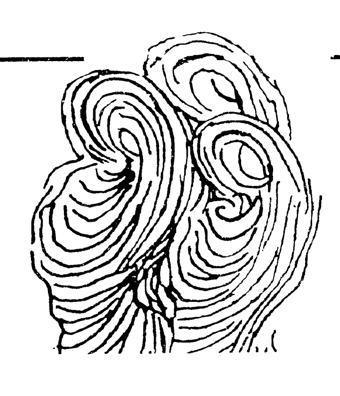
Только он вступил в узкую улочку, внимание его привлёк свет ацетиленовой лампы, пробивавшийся сквозь подвальное окно. Рассеянно глянув на освещенный проём, он увидел Глюкмана. Тот стоял у окна и выкладывал из корзины принесенную снедь, а человек, для которого он старался, сидел на табурете спиной к окну. Глюкман достал колбасу, бутылку пива, красный перец и хлеб. Человек, чьё лицо всё ещё было скрыто от портного, сказал что-то, и Глюкман, суетливо пошарив в корзине, положил на скатерть сигару. Портной с трудом оторвался от лица друга: оно было пугающим. Глюкман улыбался. Его широко раскрытые глаза, горящий неподвижный взгляд превращали торжествующую улыбку в оскал безумца. В этот момент человек повернул голову, и портной узнал Шультце. Ещё секунду Шоненбаум надеялся, что, может, он не разглядел или ему померещилось: уж что-что, а физиономию этого чудовища он никогда не забудет. Он припомнил, что после войны Шультце как сквозь землю провалился; кто говорил, будто он умер, кто утверждал, что он прячется в Южной Америке. И вот теперь он здесь, перед ним: коротко стриженный, жирная, чванливая морда и глумливая улыбка. Но не так страшно было, что это чудовище ещё живо, сколько то, что с ним был Глюкман. Какая невероятная нелепость заставила его быть рядом с тем, кто с наслаждением истязал его, кто в течение целого года, а то и больше, упорно вымещал на нём злобу? Какой потаённый механизм безумия вынуждал Глюкмана приходить сюда каждый вечер и кормить этого живодёра вместо того, чтобы убить его или выдать полиции? Шоненбауму показалось, что он тоже теряет рассудок: увиденное было столь ужасно, что никак не укладывалось в голове. Он попробовал крикнуть, позвать на помощь, всполошить полицию — но сумел только разинуть рот и всплеснуть руками: голос не слушался его, и портной остался стоять где стоял, выпучив глаза и наблюдая, как недобитая жертва откупоривает и наливает пиво в стакан своему палачу. Должно быть, он простоял так, забывшись, довольно долго; дикая сцена, свидетелем которой он невольно стал, лишила его чувства реальности. Шоненбаум очнулся, лишь когда рядом прозвучал приглушённый вскрик. В лунном свете он различил Глюкмана. Они смотрели друг на друга — один с недоумением и негодованием, другой с хитрой, почти жестокой улыбкой, победоносно сверкая безумными глазами. Неожиданно Шоненбаум услышал собственный голос и с трудом узнал его.

— Ведь он пытал тебя каждый божий день! Он тебя истязал! Рвал на части! И ты не выдал его полиции?.. Ты таскаешь ему еду?.. Как же так? Или это я из ума выжил?

Хитрая ухмылка резче обозначилась на губах Глюкмана, и словно из глубины веков прозвучал его голос, от которого у портного волосы на голове стали дыбом и сердце едва не остановилось:

— *ОН ОБЕЩАЛ, ЧТО В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ НЕ БУДЕТ ТАК ЗВЕРСТВОВАТЬ.*

перевод с французского Марии Аннинской

ЦИФРЫ. ДАТЫ. ИМЕНА.

ИСТОРИЯ АРМЯН. ДАТЫ.

1761	Индийский армянин Шахназар спроектировал и построил первую в истории артиллерии реактивную пушку, получившую название "Зам-Зам". Это с её описания начинается знаменитый роман Р.Киплинга "Ким": "Вопреки запрещению муниципальных властей, он сидел верхом на пушке Зам-Зам, стоявшей на кирпичной платформе против старого Аджаиб-Гхара, Дома Чудес, как туземцы называют Лахорский музей".
1780	Григор Халатян основал первую армянскую типографию в Лондоне.
1829, 30 января	В Тегеране убит российский посол Александр Грибоедов. Поводом для разгрома русской миссии послужило требование персов выдачи евнуха из шахского гарема — армянина Мирзы Якуба, и двух армянок, которым посол предоставил убежище в русской миссии.
1847	Первым армянином, избранным в парламент Англии, стал Александр-Рафаэль Карамян (ум. 1850). До избрания в парламент он был главным шерифом Лондона и фактическим главой Скотленд-Ярда.
1895, 28 декабря	Первый киносеанс в Париже. Вероятно, первым армянином, увидевшим кино, стал Рачия Ачарян (1876 — 1953), выдающийся филолог.

"...Только что изобрели кино. На улице Бульвар дез Италиен открылся кинотеатр. Обратился к управляющему и сообщил, что готов распространять объявления. Он дал мне пачку и предложил разносить среди прохожих. "Только будьте осторожны, — сказал он, — не давайте быстро идущим людям, также плохо одетым. Давайте тем, которые смогут прийти в кино". Был дождливый день. Вечер. Моросил дождь, а я, легко одетый, полуголодный, за два часа распространил бумажки и вернулся к управляющему. Он заплатил мне один франк и к тому же разрешил посмотреть кино. Впервые показывали кино, и я впервые его смотрел" (*Р.Ачарян. Из воспоминаний моей жизни*).

1945, 8 июня — Шарль де Голль вручил орден Почётного легиона заместителю командира авиаполка "Нормандия — Неман" гвардии полковнику Сергею Агавеляну (1913 — 1995).

1983, 24-27 июля — В Лозанне (Швейцария) проходил 2-й Армянский всемирный конгресс.

1985, 9 ноября — Выиграв со счётом 13:11 матч у Анатолия Карпова, Гарри Каспаров стал тринадцатым чемпионом мира по шахматам.

1992, август — Объявился претендент на армянскую корону — Роланд фон Багратуни Антонян-Болоз (46 лет, житель Будапешта). Прибыв в Ереван, он заявил: "Я всерьёз думаю, что раньше, чем в Армении, стану царём Нагорного Карабаха. И это единственный выход: объединение Карабаха с Северным Кавказом и приглашение меня в Степанакерт на престол. Я как раз в том возрасте, когда армянский царь Тигран Великий принял царство".

1994, январь — Ереванский авиаинженер Вячеслав Меркулов обнаружил первую поддельную армянскую банкноту — 10 драмов, к которым безвестный фальшивомонетчик искусно подклеил ноль и превратил в стодрамовую ассигнацию.

1995 — Первым иностранцем, изображённым на почтовой марке Армении, стал Франц Верфель (1890 — 1945)

— еврей, австрийский писатель, автор романа "Сорок дней Муса-Дага".

1995, 18 июня	В армянской библиотеке Бухареста состоялась презентация сборника стихов Зарэ Блбула (1891 — 1961) "Кубок песен". Книга издана на армянском языке в издательстве "Критерион".
1995, 26 октября	После шести с половиной лет простоя введена в эксплуатацию Армянская АЭС.
1995, 26 октября — 2 ноября	В Ереване проходил 16-й съезд Социал-демократической партии Гнчак.
1995, 7 ноября	Национальное собрание Армении приняло закон о новом административно-территориальном делении республики: из 48 сельских и городских районов будет образовано 10 *марзов* (областей), исторические названия которых также восстановлены. Ереван получил статус области.
1995, 6 декабря	Начиная с этого дня и в течение 75 дней два вечерних "световых часа" ереванцы получили бесплатно — за них внёс плату знаменитый французский певец Шарль Азнавур.
1996, 3 января	В Ереван прибыл министр иностранных дел Великобритании Малькольм Рифкинд. В ходе встреч г-на Рифкинда с президентом Левоном Тер-Петросяном и министром иностранных дел Ваганом Папазяном обсуждались возможности расширения межгосударственного сотрудничества. Вместе с тем за закрытыми дверями состоялся обмен мнениями по поводу перспектив мирного урегулирования карабахского конфликта.
1996, 5 января	Ереван посетил министр иностранных дел Грузии Ираклий Менагаришвили. Он встретился с президентом Левоном Тер-Петросяном, министром иностранных дел Ваганом Папазяном, католикосом Гарегином I Стороны продемонстрировали активное стремление к укреплению межгосударственных отношений.

1996, 9 января	Открытие нового моста через реку Аракс на армяно-иранской границе.
1996, 12 января	Проходя по Тверском бульвару (Москва), редактор вестника "НОЙ" увидел на стене д. 20 слова "АРМЯНЕ ПОДЛЫЕ". Спустя четыре дня такая же надпись появилась на здании газеты "Известия".
1996, январь	Банк Армении выпустил в обращение первую юбилейную монету из новой серии "Армянская государственность", на которой изображено здание Национального собрания республики. Монета номиналом 500 драм весит 155,5 грамма, изготовлена из серебра 999-й пробы в количестве 300 экземпляров.
1996, январь	На сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы Армении предоставлен статус особо приглашённого. Таким образом, Армения стала первым из государств Закавказья, преодолевшим начальный этап на пути к членству в Евросовете.
1996, февраль	Национальное собрание Армении одобрило прибавку к жалованию президента Армении — теперь ежемесячная зарплата Левона Тер-Петросяна составит 80 тысяч драмов (200 долларов).
1996, 17 февраля	В США создан Национальный армянский совет (НАС). Учредителем новой организации стала партия "Рамкавар-Азатакан". Цель НАС — организационно-пропагандистская деятельность в американских политических кругах и средствах массовой информации, направленная на обеспечение интересов Армении и Нагорно-Карабахской республики.
1996, 14 марта	В ходе визита в Ереван делегации Международного валютного фонда во главе с директором-распорядителем МВФ Мишелем Камдессю подписано соглашение между МВФ и правительством Армении о предоставлении республике кредита в размере 150 млн.долл. сроком на 3 года. Выделенные средства будут использованы для реализации совместной программы МВФ и правительства Армении по обеспечению стабильности национальной валюты и стимулированию экспорта.

1996, 2 апреля	Москвич Александр Меликянц подписался на вестник "НОЙ" до 2000 года. Такое доверие обязывает не только работать, но и жить. (*Ред.*)

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ. ДАТЫ.

1577	В Цфате основана еврейская типография — первая в Палестине и первая в Азии.
1796	Шмуэль Ехезкель Дивекар построил первую синагогу в Бомбее.
1940	Японские оккупационные власти в Пекине под давлением своих германских союзников ввели особую отметку в паспортах евреев. Однако Национальный совет евреев Восточной Азии (пред. Авраам Кауфман) добился отмены позорного знака в том же году.
1982, январь	В Израиле диагностирован первый больной СПИДом.
1985, 12 — 19 апреля	Первый еврей в космосе — американский астронавт Джеффри Хоффман совершил полёт на космическом корабле "Дискавери" в составе экипажа из семи астронавтов. Джеффри Хоффман участвовал также в полёте на "Колумбии" (2 — 10 декабря 1990) и "Атлантисе" (31 июля — 8 августа 1992).
1985, 9 ноября	Гарри Каспаров, выиграв со счётом 13:11 матч у Анатолия Карпова, стал тринадцатым чемпионом мира по шахматам.
1993, 12 октября	В составе американского космического корабля — астронавт Дэвид Волф (род. в Индианополисе в 1956 г., в 1969 г. состоялась его бар-мицва в синагоге). Врач и инженер-электронщик, Дэвид Волф проводил в полёте медицинские и технологические эксперименты, в том числе связанные с выходом в открытый космос. Д.Волф — не первый и, надеемся, не последний астронавт-еврей.

1994,
26 сентября

"26 сентября начались работы по воссозданию русской святыни — храма Христа Спасителя на прежнем месте у Москвы-реки, близ Кремля. Мы въехали на стройплощадку. (...) Стоя на бровке бассейна, начальник управления-146 АО "Мосстройиндустрия" В.Хачатрян и главный механик фирмы И.Гойфман рассказали нам об объёмах работ первого цикла строительства" *(Виктор Беликов — "Известия", 27 сентября 1994).*
Нет, такое не придумаешь!

1994,
13 октября

Захват хамасовцами израильского сержанта Нахшона Ваксмана и его убийство в ходе неудачной операции по освобождению заложника, во время которой погибли три палестинских террориста и капитан израильской армии Нир Пораз.

1995,
1 апреля

В Одессе, на Ланжероновском спуске установлен один из самых необычных памятников — герою еврейских анекдотов Рабиновичу.
"Наш дорогой друг Резо (Габриадзе), прекрасный проницательный грузин, с редким пониманием отразил душу дружественного народа, создав образ поистине маленького личика еврейской национальности с большой буквы. Бронзовый Рабинович ростом со швейную машинку "Зингер" сидит, накинув на плечи ветхую шаль, уткнув лицо в одесское небо. В глазу у него торчит лупа часовщика. На ящике перед ним — чемодан, у ног — кошка. Высота вместе с гранитным цоколем примерно метр с кепкой" *(Алла Боссарт. — "Московские новости", 4 апреля 1995).*

1995,
июль

Самый опустошительный лесной пожар в Израиле (прибл. в 20 км к западу от Иерусалима) уничтожал два миллиона деревьев.

1995,
октябрь

Израиль и Катар подписали в иорданской столице соглашение о поставках катарского природного газа на общую сумму 2 млрд. долл. Катар стал первым государством Персидского залива, заключившим соглашение с Израилем.

1995, 24 октября	Конгресс США одобрил решение перенести американское посольство в Израиле из Тель-Авива в Иерусалим.
1995, 26 октября	Электрический насос, стимулирующий кровоснабжение сердца, впервые имплантирован человеку в Оксфорде (Англия). Этот человек — известный английский кинопродюсер Абель Гудман.
1995, ноябрь	"Охотник за нацистами" Симон Визенталь (р. 1909) стал почётным гражданином Вены.
1995, 1 — 5 декабря	Первый в истории визит российского министра обороны в Израиль. Главный итог визита генерала Павла Грачёва — "Меморандум о взаимопонимании по вопросам военного сотрудничества".
1995, 19 декабря	В Израиль из Чечни прибыла на постоянное жительство Циппора Матаева (р. 1885) — старейшая эмигрантка за всю историю Израиля.
1995, 21 декабря	Израильские войска покинули Вифлеем — шестой город на Западном берегу р. Иордан, власть в котором перешла в руки палестинцев. Ранее Израиль вывел своих солдат из Иерихона, Дженина, Тулкарма, Наблуса и Калькилии.
1995, 26 декабря	В иерусалимской больнице "Шаарей-Цедек" впервые в мире проведена операция с использованием принципиально нового приспособления для укрепления коронарных сосудов. Уникальная гибкая пружина из нержавеющей стали, созданная сотрудниками тель-авивской компании "Мединол", легко вводится в кровеносный сосуд, не повреждая сосудистых стенок. Руководители компании "Мединол" д-р Коби Нир и д-р Иегудит Рихтер назвали своё изобретение Нир — в честь капитана Нира Пораза, погибшего в октябре 1994 г. при попытке освободить сержанта Нахшона Ваксмана. НИР также расшифровывается как "*new intra-vascular rigid*" stent — "*новая внутрисосудистая гибкая*" пружина.

1996, 5 января	Взрывчаткой, заложенной в радиотелефон, убит Иехия Аяш (29 лет, кличка "Инженер") — один из лидеров ХАМАС, организатор нескольких террористических актов против израильтян. Израильские спецслужбы считали Й.Аяша "преступником номер один".
1996, 10 января	В Москве прошёл первый, объединительный съезд Российского еврейского конгресса. Президентом РЕК избран Владимир Гусинский, возглавляющий финансово-промышленную группу "Мост".
1996, 27 января	Германия впервые отметила национальный День памяти жертв нацизма. Эта дата была выбрана в связи с тем, что 27 января 1945 года советские войска освободили Освенцим.
1996, 28 января	В Нью-Йорке умер Иосиф Бродский (р. 1940) — поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1987).
1996, 28 января	Марш протеста 10 тыс. чернокожих евреев из Эфиопии в Зап. Иерусалиме. Поводом для возмущения послужило распоряжение чиновников от медицины, которое по сути запрещает национальному банку крови принимать кровь доноров-фалашей, — "с целью борьбы с распространением СПИДа". Премьер-министр Шимон Перес извинился перед эфиопскими евреями. На встрече с демонстрантами супруга президента Израиля Реума Вейцман сказала: "Проблема является чисто медицинской, но метод её решения был расистским. Нам, евреям, должно быть стыдно за это".
1996, январь	Руководителем национальной службы безопасности "Шин Бет" назначен пятидесятилетний адмирал Ами Аялон. Впервые за всю историю Израиля, где имя шефа контрразведки держалось в строжайшей тайне, граждан познакомили с её новым руководителем.
1996, февраль	По решению Тартуского окружного суда (от 12 октября 1995) эстонские власти уничтожили 579 экз. "Протоколов сионских мудрецов" (вышла в 1993, тираж 1100 экз., издатели Рейн Пихлар и Тоомас Ратт). Антисемитская книга уничтожена по требованию Еврейской общины Эстонии, подавшей на издателей в

суд, обвинив их в разжигании национальной розни.

1996, 21 февраля — Жужи Полгар (Венгрия), досрочно выиграв матч у китаянки Се Цзюнь со счётом 8,5:4,5, стала восьмой чемпионкой мира по шахматам.

1996, 10 марта — Ярославский областной суд впервые в России осудил боевиков нацистской группировки: Игоря Пирожка, Виктора Баранова, Сергея Марченкова, Дмитрия Володина. В программе этой фашистской организации, легально действовавшей в Москве, важнейшим пунктом программы значилось "окончательное решение еврейского вопроса радикальными методами".

1996, 13 марта — В египетском городе Шарм-аш-Шейхе прошёл "саммит миротворцев" — встреча глав крупнейших мировых держав и стран Ближнего Востока. Конференция, собравшая представителей более 30 государств, обсудила пути спасения регионального мирного процесса и проблемы борьбы с терроризмом.

По окончании саммита президент США Билл Клинтон прилетел в Израиль, где встретился с президентом Эзером Вейцманом и принял участие в заседании кабинета министров (случай неслыханный в истории израильского правительства), заявив, что Вашингтон выделит 100 млн. долл. для обеспечения израильско-американской программы по борьбе с терроризмом.

1996, март — По инициативе одесского мэра Эдуарда Гурвица улица красного командира Ионы Якира (у которого, по словам Гурвица, руки по локоть в крови) стала носить имя израильского премьер-министра Ицхака Рабина.

1996, 24 марта — Руководителем "Моссад" назначен Данни Ятом (51 год). Новый глава израильской спецслужбы 33 года отдал службе в армии. В 70-е годы Данни Ятом был в составе элитного подразделения "Саэрет Маткаль". В 1972 году он вместе с нынешним министром иностранных дел Эхудом Бараком и лидером оппозиции Биньямином Нетаньяху участвовал в штурме самолёта бельгийской авиакомпании, захваченном в тель-авивском аэропорту. По информации Reuter, до назначения советником премьер-министра г-н Ятом возглавлял центральный военный округ.

1996, 28 марта — Тель-Авивский окружной суд под председательством Эдмонда Леви приговорил Игаля Амира к пожизненному заключению (за убийство Ицхака Рабина) и ещё шести годам (за ранение Йорама Рубина, телохранителя премьер-министра).

Моисей ЧЁРНЫЙ

ДВЕ ТРАГИЧЕСКИЕ ДАТЫ

О геноциде армянского и Катастрофе еврейского народов

Совпадение в этом году двух трагических для еврейского и армянского народов дат, а по большому счёту — трагических для всего человечества, заставляет нас ещё раз задуматься о корнях, причинах и последствиях этих немыслимых по своему масштабу и характеру горестных событий.

К сожалению, вновь и вновь приходится констатировать ставший общим местом факт: главный урок истории заключается в том, что уроков из неё не извлекают.

Каковы всё-таки соотношение и взаимосвязь между этими событиями?

Разумеется, было бы ошибкой игнорировать различия между этими трагедиями, отделёнными друг от друга почти тридцатью годами. Они и в масштабе пространства (в одном случае это территория одной Армении, а в другом — почти вся Европа), и в количестве жертв (1,5 миллиона и 6 миллионов), и в самой методике и технике массового уничтожения людей. И всё же более важными представляются общие черты этих невиданных преступлений против человечества и человечности.

Сам термин "геноцид" впервые применил польский еврей, юрист Рафаэль Лемкин в книге "Европа под властью оси Берлин — Рим" (изданной на английском языке в 1944 году), для обозначения политики и практики поголовного истребления еврейского народа германскими нацистами*.

---

* В своей автобиографии Р.Лемкин писал, что когда он начал работу над конвенцией "О предупреждении преступления геноцида и наказания за него" (единогласно одобрена Генеральной ассамблеей ООН 9 декабря 1948), он имел в виду прежде всего геноцид армян. — *Ред.*

Хотелось бы обратить внимание на некую преемственность, связывающую эти два преступления. И здесь было бы уместно вспомнить известное высказывание Гитлера. Призывая немецкие войска в Польше не проявлять милосердие к старикам, женщинам и детям, он, как бы в поддержку такой позиции, бросил риторический вопрос: "Кто сегодня вспоминает об истреблении армян?"

Для Гитлера, таким образом, существовал прецедент, который он использовал по своему усмотрению.

В этом высказывании есть и другой важный подтекст. Во-первых, по мнению Гитлера и Сталина (высказывания Сталина на этот счёт известны), трагедия, когда она затрагивает не единицы, не десятки, а сотни тысяч и миллионы, перестаёт быть таковой, превращаясь в сухую статистику.

Во-вторых, на Гитлера, видимо, произвёл впечатление тот факт, что большинство (если не все) участников и организаторов геноцида армян остались безнаказанными. Что же касается общих моментов в двух величайших трагедиях 20-го века, то при всём различии истории армянского и еврейского народов просто поражает, как много похожего в генезисе этих двух событий. Оба они не явились абсолютной неожиданностью, что называется, громом среди ясного неба, а были подготовлены всем предшествующим ходом истории, в особенности антисемитской и антиармянской политикой в странах Европы и в Османской империи. Интересно, что общее проявлялось не только в главном, но и в деталях.

Вначале речь шла об ограничении в правах. Вплоть до конца 19-го века немусульмане в Турции были лишены права занимать административные и правительственные должности, служить в армии, иметь оружие и жениться на мусульманках.

Упомянутые выше ограничения существовали в России для евреев. Разумеется, здесь имели место свои особенности — например, черта оседлости, процентная норма и т.д.

Антисемитизм, особенно в Европе, приобрёл качественно новый, особо опасный для евреев характер после знаменитого *дела Дрейфуса* во Франции и *дела Бейлиса* в России. Развитие событий показало, что ни прогресс в науке, технике и культуре, ни ассимиляция, ни отказ от еврейства, ни принятие христианства евреев не спасут. Свобода выбора у евреев было отнята. Времена, когда принявший христианство еврей, как это было в Польше в 18-м веке, чуть ли не автоматически становился дворянином, безвозвратно ушли в прошлое.

Очень показателен в этом отношении тот малоизвестный факт, что в России уже в первом десятилетии 20-го века в соответствии с новыми правилами в офицерские учебные заведения перестали принимать даже крещёных евреев и лиц смешанного происхождения. Вспомним, что к моменту прихода Гитлера к власти в Германии из полумиллиона евреев 240 тысяч были христианами, однако это отнюдь не спасло их.

Но наиболее серьёзным предвестником будущих трагедий армянского и еврейского народов были массовая резня армян в 1894 — 1896 годах, в которой погибли 200 тысяч человек, и еврейские погромы 80-х годов 19-го века в России. Результатом явилась еврейская и армянская иммиграция в США и страны Западной Европы. В относительно "спокойных" 90-х годах 19-го века антисемитская политика правящих кругов России нашла яркое выражение в массовом, сопровождающемся насилиями и жестокостями выселении евреев из Москвы. Сделано это было по указанию московского генерал-губернатора, дяди царя — великого князя Сергея Александровича, о гибели которого от руки эсера Каляева столь часто скорбит теперь 1-я программа российского телевидения.

Уроки двух геноцидов 20-го столетия заключаются в том, что наибольшую опасность для национальных меньшинств представляют периоды экономических потрясений и особенно период войн. Именно в такие периоды у правящих кругов усиливаются поиски козла отпущения. Разумеется, удобнее всего было найти его среди наиболее беззащитных.

Армяне и евреи как раз входят в эту категорию.

Просто поражает, насколько похожи друг на друга обвинения турецкими властями армян в нелояльности и русскими властями евреев в помощи немецким войскам во время Первой мировой войны. В одном случае это вылилось в геноцид армян, в другом — в еврейские погромы в пограничных местечках и массовое переселение евреев из пограничных районов на восток страны.

Турецкое правительство, отрицая на словах проведение геноцида, говорило лишь о необходимости депортации армян. Почти 30 лет спустя нацистское руководство прикрывало целенаправленное и планомерное уничтожение евреев в лагерях смерти тем же термином "депортация".

Общей чертой двух величайших преступлений 20-го столетия было сдержанное отношение, чтобы не сказать попустительство, со стороны демократических стран. А ведь они могли многое изменить и многих спасти...

В 1938 году по инициативе президента США Рузвельта в г. Эвиане (Швейцария) была созвана международная конференция, посвященная проблемам помощи беженцам и эмигрантам, особенно евреям из Германии. Однако позиция большинства её участников была явно негативной по отношению к решению проблемы беженцев.

И что же? Гитлер немедленно сделал для себя вывод, что ни великие державы, ни другие демократические страны по-настоящему за евреев не вступятся и не помогут им. В годы Второй мировой войны массовое истребление евреев в лагерях смерти замалчивалось, либо преуменьшалось в Англии, США и в Советском Союзе.

Не лучше обстояло дело с позицией великих держав по отношению к геноциду армян в 1915 — 1916 годах. Когда германский посол в

Стамбуле Вольф-Меттерних сообщил о резне армян в Берлин, он был отозван. Турецкое правительство отрицало факт геноцида, а иностранцам представляло дело так, что армян просто депортировали. Спустя десятилетия антисемиты всех мастей, включая и носителей научных степеней, также отрицают Катастрофу европейского еврейства, называя её злонамеренной выдумкой врагов Германии и христианского мира.

Профессор Франк Стоун отмечал, что, хотя немцы пользовались в Оттоманской империи большим влиянием, вмешаться они не смогли (или не хотели. — М.Ч.). Французы для спасения армян не пошевелили и пальцем. Англичане приняли армянских добровольцев в свою армию, но не сделали ничего для прекращения геноцида. Что касается американского правительства, то в 1915 году оно не предприняло ничего существенного для прекращения бойни, хотя в Вашингтоне о ней знали. Правде, позднее американское правительство оказало финансовую помощь армянским беженцам, прибывшим в США, страны Ближнего Востока и Европу. Вооружённые силы США, Франции и Англии сумели вывезти и спасти несколько тысяч армян из Турции.

* * *

Прошли уже десятки лет со времён этих величайших трагедий. Ещё не зарубцевались и не скоро зарубцуются раны в душах людей, чьи родные и близкие погибли страшной смертью от османского штыка, от турецкого топора, от смертоносного газа в Освенциме, в печах крематория Треблинки и Майданека, в Минском и Вильнюсском гетто, в Бабьем Яре и Киеве.

Но "зубы дракона", посеянные двумя мировыми войнами и двумя геноцидами, дают кровавые всходы и сегодня.

"Алеф" (Тель-Авив), № 605,
26 октября — 2 ноября 1995

ИЗРАИЛЬТЯНЕ И ПАЛЕСТИНЦЫ: ХРОНИКА ТЕРРОРА

1920, март. Арабы напали на Тель-Хай. При обороне поселения погибли Иосиф Трумпельдор и ещё семь защитников. В Яффо толпа арабов убила 17 евреев.

1929, 28 марта. В Цфате арабы убили 18 евреев, более 20 ранили.

<u>1929, 24 августа.</u> Арабы Хеврона вырезали всю еврейскую общину города, 67 человек — женщин, детей, мужчин.

<u>1938, 21 апреля.</u> Три члена еврейской организации (Шломо Бен-Иосеф, Шалом Зарубин и Аврахам Шейн) обстреляли автобус с арабами по дороге на Рош-Пина — Цфат. Все трое были арестованы британцами. Несмотря на то, что обстрел не повлёк человеческих жертв, Ш.Бен-Иосеф был приговорён к смертной казни (повешен 29 июня 1938), смертный приговор А.Шейну отменён в связи с его несовершеннолетием, Ш.Зарубина приговорили к тюремному заключению.

<u>1940, ноябрь.</u> Евреи-беженцы, прибывшие на трёх судах из Румынии, интернированы англичанами в Хайфе. Чтобы помешать отправке нелегальных эмигрантов на о. Маврикий, агенты подпольной еврейской организации Хагана устроили взрыв на французском корабле "Патрия", надеясь лишь повредить его, но судно затонуло, что привело к гибели 267 пассажиров из 1770.

<u>1946, 22 июля.</u> В знак протеста против запрета британскими властями эмиграции евреев в Палестину еврейская подпольная организация Эцель взорвала в Иерусалиме отель "Царь Давид", где размещались британские военные власти. При взрыве погибли 90 человек.

<u>1948, 9 апреля.</u> Нападение еврейских террористов на арабскую деревню Дейр-Ясин, что привело к гибели многих мирных жителей.

<u>1948, 17 сентября.</u> Еврейские террористы убили в Иерусалиме шведского политика, посредника ООН графа Фольке Бернадотта.

<u>1968, 23 июля.</u> Боевики народного фронта освобождения Палестина угнали в Алжир израильский самолёт Боинг-707. Это был первый в истории захват самолёта террористами.

<u>1968, 9 октября.</u> В дни праздника Суккот молодой араб из Хеврона бросил гранату в толпу евреев, молившихся в пещере Махпела, где, согласно Библии, похоронены Авраам, Исаак, Иаков и жёны их — Сарра, Ревекка и Лия. Погибли 7 человек, 40 ранены.

<u>1970, сентябрь</u>. Боевики народного фронта освобождения Палестины угоняют 4 самолёта на линиях Европа — страны Ближнего Востока. Террористы добились освобождения заключённых, отбывавших наказание за акты насилия в Швейцарии, ФРГ, Израиле, Великобритании.

<u>1972, 30 мая</u>. Три боевика "Японской красной армии", действующей от лица НФОП, в аэропорту Лод в Тель-Авиве открыли огонь по людям, находившимся в зале ожидания. В результате 27 человек погибли (среди них двадцать паломников, приехавших из Пуэрто-Рико на Пасху в Святую землю), 85 ранены. Двое из нападавших погибли в перестрелке, а

третий, Козо Окатомо, 17 июля того же года был приговорён израильским военным судом к пожизненному тюремному заключению.

1974, 11 апреля. Три члена ООП, двое из Сирии и один из Ирака, вошли в городок на ливанской границе в Галилее Кирьят-Шмона до восхода солнца и укрылись в пустом здании школы. На рассвете они начали стрелять из окон. С появлением израильских солдат они сумели ускользнуть из школы, перейти улицу, вбежать в один из домов, ворваться в квартиру, убить хозяйку, сорокалетнюю Эстер Коэн, её семнадцатилетнего сына Давида и четырнадцатилетнюю дочь Шулу. Затем начали врываться в другие квартиры, убивать людей, которые собирались завтракать. В некоторые квартиры швыряли гранаты. Это длилось около десяти минут. Террористы вошли в соседний дом. Пока их обнаружили и ликвидировали израильские солдаты, они успели убить шестерых детей в возрасте от двух с половиной до одиннадцати лет и восьмерых взрослых. Шестнадцать человек было ранено. Двое солдат убито.

1974, 15 мая. Террористы из демократического (?!) фронта освобождения Палестины совершили нападение в городке Маалот, находящемся недалеко от ливанской границы. Они пробрались сюда в три часа ночи, когда весь городок был погружён в сон. Постучали в дверь одной из квартир, и один из террористов крикнул на иврите: "Полиция! Обнаружены террористы!" Когда им открыли двери, убили на месте хозяина — Йосефа Коэна, его жену Фортуну и четырёхлетнего сына. В пятилетнюю дочь тоже стреляли, но она осталась жива. Из квартиры Коэна двинулись через шоссе, снова к зданию школы. Там в это время находились приехавшие на экскурсию школьники из Цфата. Террористы, размахивая автоматами, собрали детей и учителей в школьном зале. По пути несколько детей и учителей сумели выпрыгнуть в окно. Остальных террористы держали четырнадцать часов. Когда солдаты ворвались в школу, террористы открыли огонь по детям. Двадцать детей было убито на месте, другие умерли позже от ран. Всего было ранено 84 человека.

1975, 5 мая. Восемь палестинцев, высадившихся на пляже Тель-Авива, обстреляли толпу, а затем укрылись с захваченными заложниками в отеле "Савой". На следующий день израильские силы безопасности штурмуют здание гостиницы. Итог операции: 18 погибших, в том числе 7 палестинцев.

1976. Гиль Фукс, Дани Айзенман и Михаль Гилель застрелили таксиста-палестинца, мстя за убийство арабами еврея-таксиста в Иерусалиме. Все трое приговорены к пожизненному заключению.

1978, 11 марта. Одиннадцать палестинцев, перебравшихся морем из Ливана, высаживаются в 30 км от Хайфы и расстреливают два автобуса. С сотней захваченных пассажиров они едут в Тель-Авив. Окружённые израильскими силами безопасности, террористы взрывают один автобус: 39 человек погибли, 8 ранены. 9 террористов были убиты. Ответствен-

ность за террористический акт взяла на себя организация "Фатх", возглавляемая Ясиром Арафатом.

1980, 2 мая. Четверо палестинцев открыли огонь из автоматического оружия по молящимся у входа в иешиву "Бейт-Хадасса" в Хевроне. 6 евреев погибли, 15 ранены.

1982. Ален Годман проник с оружием на Храмовую гору и открыл огонь по молящимся арабам, убив два человека и десятки ранив. Приговорён к пожизненному заключению.

1983, 18 апреля. Бейрут. Взрыв начинённого взрывчаткой автомобиля перед посольством США. 63 человека погибли, в том числе 17 американских граждан.

1983, 23 октября. В Бейруте прогремели два взрыва в казармах, где размещались французский и американский контингенты многонациональных сил. Потери французов — 58 человек, у американских морских пехотинцев — 241. Взрывы организовала палестинская организация "Исламский джихад".

1983, ноябрь. Шиит-смертник на машине, начинённой взрывчаткой, врезался в казарму израильской армии в Тире. Погибли 67 человек, из них 32 — ливанцы-военнопленные.

1983, декабрь. Взрыв автобуса № 18 в Иерусалиме палестинскими террористами: погибли 4 человека, 46 ранены.

1984. Давид Бен-Шимоль поразил наплечной ракетой "Лау" автобус с рабочими-палестинцами: 1 убит, 10 ранено. Убийца приговорён к пожизненному заключению, заменённому потом на 22-летний срок.

1990, апрель. Ами Попер застрелил 7 палестинцев на перекрёстке Врадим, недалеко от Ришон Ле-Циона. На суде Попер утверждал, что в детстве его изнасиловали арабы. Приговорён к семи пожизненным заключениям. Потом наказание ему было снижено до 31 года.

1985, 23 ноября. Три палестинских террориста угоняют в Ла-Валетту (Мальта) "Боинг-707" египетской авиакомпании с 97 пассажирами, направлявшийся из Афин в Каир. В воздухе нападавшие убили двух пассажиров. Во время штурма самолёта египетским спецназом погиб 61 человек.

1990, 8 октября. С Храмовой горы в Иерусалиме арабы забросали камнями молившихся у Стены плача, — чудом никто не пострадал. В столкновении с израильскими силами безопасности было убито 19 арабов. Сразу же после события была создана следственная комиссия, которая осудила силы безопасности за то, что те не были готовы к подобной

провокации и потому были вынуждены открыть огонь, что повлекло за собой неоправданные жертвы.

1991. Поселенец из Кирьят-Арбы застрелил арабскую женщину из Хеврона, ехавшую на машине. Приговорён к пожизненному заключению.

1993, 8 июля. В Иудейских горах палестинские террористы застрелили художника Мардехая Липкина (р. 1954 г., до 1991 г. жил в Москве).

1994, 25 февраля. В святом для иудеев и мусульман месте — у Пещеры патриархов в Хевроне — еврейский фанатик, 35-летний Барух Гольдштейн, расстрелял 39 арабов и около 100 ранил, прежде чем был убит. С осуждением убийцы выступили президент Израиля, кнессет, министры, раввины. Премьер-министр Ицхак Рабин сказал о Гольдштейне: "Один выродок обгадил Израиль, евреев, иудаизм".

1994, 6 апреля. Палестинский фанатик Раэд Закарнех взорвал заминированный автомобиль на автобусной остановке в г. Афула на севере Израиля. От взрыва 8 человек погибли, 52 ранены. По словам очевидцев, жертвы превратились в живые факелы, у многих взрывной волной вырвало глаза.

1994, 13 апреля. Боевик ХАМАС Аммер Салех Амарна взорвал бомбу в автобусе. От взрыва в Хадере погибли 5 израильтян, 30 ранены.

1994, 19 октября. Палестинец-камикадзе взорвал бомбу в рейсовом автобусе в Тель-Авиве, в результате чего погибли 22 человека, 48 ранены.

1995, 22 января. В результате двух взрывов, совершённых двумя палестинцами, членами "Исламского джихада", недалеко от Нетании, 21 человек погиб.

1995, 2 апреля. У еврейского поселения Кфар-Даром в автобус с поселенцами и солдатами врезался начинённый взрывчаткой автомобиль. Чуть позже такая же трагедия разыгралась близ Нецарим — машина со смертельной начинкой врезалась в израильский конвой. Итог: 6 израильтян погибли, около 40 ранены. Оба террористических акта совершили палестинцы-самоубийцы.

1995, 24 июля. Террорист из ХАМАС Лабиб-Анвар Сариз Аззан взорвал рейсовый автобус в Рамат-Гане: 6 человек погибли, 30 ранены.

1995, 21 августа. Террорист-палестинец Сукьян-Салем Араби Сабит взорвал в Иерусалиме два автобуса на бульваре Эшкол, возле школы "Рене Кассен". 5 израильтян погибли, около 100 ранены.

1995, 4 ноября. Студент Бар-Иланского университета Игаль Амир застрелил премьер-министра Израиля Ицхака Рабина. Евреи редко уби-

вают евреев. Куда реже, чем арабы. Достаточно вспомнить, что ХАМАС только за четыре года (1972 — 1988) убил 477 арабов, подозреваемых в сотрудничестве с израильтянами. И всё равно это не утешение. Нет утешения, когда убивают человека.

1996, 25 февраля. "Кровавое воскресенье" в Иерусалиме. Палестинец-террорист взорвал 10 кг тратила, обложенных гвоздями, в автобусе № 18, остановившемся у светофора на перекрёстке улиц Яффо и Сарей-Исраэль. 27 человек погибли, более 80 ранены. В тот же день от взрыва в Ашкелоне погибли 2 израильтянина, 31 ранен.

1996, 3 марта. Террорист из ХАМАС, студент университета Ислам Мухаммед Абдо, взорвал себя в переполненном автобусе (снова № 18) на перекрёстке улиц Яффо и Шломцион а-Малка в Иерусалиме; погибли 18 человек, более 10 ранены. По радио выступил президент страны Эзер Вейцман, он заявил: "Необходимо приостановить контакты с палестинской администрацией, касающиеся следующего этапа мирных соглашений. Необходимо отозвать израильскую делегацию, ведущую переговоры с Сирией. Надо, в конце концов, остановиться и задуматься".

1996, 4 марта. Мощный взрыв в Тель-Авиве, недалеко от Дизенгоф-центра унёс 18 жизней, 110 человек ранены. Палестинец Салах Абдель Рахим (24) взорвал себя вместе с 15 кг взрывчатки. Это тринадцатый теракт хамасовцев-самоубийц, осуществлённый в Израиле за последние два года.

1996, 5 марта. В ночь на вторник в Южном Ливане в столкновении с террористами из проиранской группировки "Хезболлах" погибли 4 и ранены 9 израильских солдат, патрулировавших "зону безопасности".
Итак, террористы развязали настоящую войну против Израиля: пять взрывов за девять дней, сотни жертв. Многие израильтяне вышли на улицы, крича: "Мы хотим войны!". Надо напомнить, что за полвека войн с арабами погибли 18 211 израильтян.

1996, 9 апреля. Боевики проиранской группировки "Хезболлах", действующие в Южном Ливане, нанесли ракетный удар по территории Северного Израиля. Исламские экстремисты произвели три залпа ракетами типа "Катюш" по Кирьят-Шимоне и Нагарии в Северной Галилее. В ответ израильская армия начала операцию "Гроздья гнева" — с участием авиации, артиллерии и флота. "Операция прекратится лишь при выполнении двух условий: либо руководство "Хезболлах" прекратит антиизраильскую деятельность, либо группировке будет нанесён такой урон, что она больше не сможет беспокоить израильтян", — заявила Ализа Шенар, посол Израиля в России.

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ ИЦХАКА РАБИНА,
произнесённая на митинге на площади Царей Израиля 4 ноября 1995 г.

Добрый вечер!

Я хочу сказать, что волнуюсь так же, как и вы. Я хочу поблагодарить каждого из вас — всех, кто пришёл сюда, чтобы выразить свой протест против насилия и поддержать мирный процесс.

Правительство, которое я возглавляю, вместе с мои другом Шимоном Пересом, приняло решение дать шанс миру; миру, который разрешит большинство проблем Государства Израиль. 27 лет я служил в армии и воевал. Долгие годы у мира не было никаких шансов. Я верю, что сейчас вероятность установления у нас мира очень велика...

Я всегда был уверен в том, что большинство народа хочет мира и готово пойти на риск ради этого. Ваше присутствие здесь и поддержка тех, кто не сумел прийти сегодня на митинг, доказывают это. Народ хочет мира и протестует против насилия. Любое насилие разрушительно для израильской демократии. Необходимо осудить и искоренить насилие. Его не должно быть в Государстве Израиль.

Я горд тем, что на сегодняшнем митинге присутствуют представители арабских стран, с которыми мы живём в мире, — Египта, Иордании, Марокко.

За три года работы нашего правительства народ Израиля доказал, что можно достичь мира. Народ Израиля доказал, что мир открывает новые перспективы для экономического и общественного развития, что мир существует не только в молитвах, что еврейский народ стремится к миру.

У мира есть враги, и они пытаются помешать ему. Но мы нашли партнёров среди палестинцев. Нашим партнёром стала ООП, бывшая нашим врагом, которая прекратила террор. Без партнёров по мирному урегулированию невозможно достичь мира. Мы стремимся положить конец долгому и запутанному израильско-арабскому конфликту. Мы дерзнули предпринять попытку, которая связана с трудностями и с болью. Но путь к миру предпочтительнее пути к войне. Я говорю вам это как военный, как министр обороны, как человек, который видел боль семей погибших солдат ЦАХАЛа. Ради них, ради наших детей и внуков мы попытаемся добиться всеобъемлющего мира. Я верю, что мы сумеем прийти к миру и с Сирией.

Этот митинг должен показать всей общественности Израиля, всему еврейскому народу и всему миру, что народ Израиля хочет мира и поддерживает мир.

Большое вам спасибо.

МИГРАЦИЯ СТАНОВИТСЯ НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ ЖИЗНИ АРМЕНИИ

За последние 5 лет республику покинули 18% жителей

По заказу Фонда развития ООН (UNFPA) экспертная группа Института экономических исследований Министерства экономики РА провела фундаментальное исследование внешней миграции населения Армении. О результатах исследования члены группы рассказали в интервью агентству "Ноян Тапан".

За последние 5 лет Армению покинули 677 тыс. постоянных её жителей. Около 290 тыс. из них являются жителями Еревана. Ещё хуже дела обстоят в зоне, пострадавшей от землетрясения 1988 года, — Гюмри (бывший Ленинакан), Ванадзор (бывший Кировакан) и прилегающие к ним сельские местности покинули 25%, или каждый четвёртый житель. По словам руководителя группы, проводившей исследование, профессора Сурена Карапетяна, в общем объёме миграции было выделено два разных потока. Это так называемая семейная миграция (45%) и индивидуальная или трудовая миграция (55% мигрантов). Первые вряд ли вернутся в Армению. Вероятность же возвращения вторых весьма высока. Так что, считает Карапетян, большая часть мигрантов республики ещё не потеряна.

Интересен также территориальный, географический аспект проблемы. В дальнее зарубежье отправились менее 15% всех покинувших страну. Их возврат весьма проблематичен. Другое дело — Россия. Две трети мигрантов, покинувших Армению за последние 5 лет, нашли более-менее постоянное пристанище именно здесь. А это 450 тыс. человек (кстати, эти данные почти совпали с цифрами Федеральной миграционной службы РФ — 435 тыс. человек). Отсюда возврат не только возможен, но и ожидается. Как отмечается в исследовании, за прошедшие 5 лет максимум миграционного оттока — 240 тыс. человек — приходится на 1993 год; минимум — 85 тыс. человек — на прошлый, 1995 год. При этом именно с 1993 года наряду с сокращением масштабов эмиграции начала просматриваться тенденция к росту иммиграции, т.е. усилилась возвратность процесса.

Что касается мотивов миграции, то больше трети опрошенных в качестве основной причины назвали отсутствие работы. Около 20% ссылались на мизерные доходы и низкий уровень жизни в республике. Вопреки ожиданиям жалобы на ненормальные социально-бытовые условия (свет, отопление, транспорт) поступили только от 8% мигрантов. Зато немало оказалось тех, кто уехал из Армении в связи со сложной геополитической обстановкой — около 15%. В том числе и молодёжь, уклоняющаяся от службы в рядах национальной армии.

Если говорить об особенностях миграции представителей различных социальных групп, то интенсивность оттока специалистов в области физики, филологии и некоторых других естественных и гуманитарных наук превышает 30%, т.е. мигрирует каждый третий. В среде юристов, экономистов, врачей этот показатель ниже 10%. Проводя исследование, члены группы столкнулись ещё с одним фактором поляризации армянского общества, затрагивающим тему доходов и расходов. Интенсивность миграции среди бедных и богатых относительно слаба и примерно одинакова (порядка 11%). Зато в средних слоях, которые в идеале должны составить "костяк" общества, он подскакивает до 36%.

По мнению членов исследовательской группы, ещё долгие годы миграция населения Армении останется частью социальной жизни республики. Дело в том, что в сельских районах, где прошла приватизация, население начинает расслаиваться и, по оценкам экспертов, ближайшие 5-7 лет из села будут "вытолкнуты" не менее 300 тыс. человек, которых города республики при всём желании принять не смогут. Это приведёт к усилению социальной напряжённости и одновременно даст новый импульс к нарастанию масштабов внешней миграции.

Выход из ситуации учёные видят в разработке специальной программы миграционных процессов в Армении, которая должна быть одобрена и принята правительством РА.

Гамлет Матевосян

"Сегодня", 21 февраля 1996

В АРМЕНИИ ВСЁ МЕНЬШЕ ГАЗЕТ

По данным Ереванского пресс-клуба, на 1 января 1996 года в Армении было зарегистрировано 440 видов средств массовой информации. В том числе 294 газеты, 59 журналов, 53 телепрограммы, 16 радиопрограмм и 18 информационных агентств. Однако около 300 из зарегистрированных Министерством юстиции СМИ уже успели лишиться своих лицензий. В настоящее время регулярно функционируют лишь 10% зарегистрированных СМИ. Причём общий тираж всех ежедневных газет, выходящих в республике, не превышает 30 тыс. экземпляров.

Гамлет Матевосян

"Сегодня", 13 марта 1996

ЗАКАВКАЗСКИЙ АРСЕНАЛ

Все три закавказские республики — Армения, Азербайджан, Грузия — свои вооружённые силы создавали в условиях ситуации чрезвычайной, войны. Все три национальные армии вооружались в основном за счёт дислоцированных в Закавказье бывших советских подразделений. Наиболее боеспособной военные эксперты считают армянскую армию.

АРМЕНИЯ. Общая численность армии — 51800 военнослужащих. Вооружение: 98 танков Т-72 и 30 танков Т-55, 164 боевые машины пехоты, 56 бронетранспортёров и 75 бронетягачей, 225 артиллерийских систем, 38 самоходных артеллирийских установок, 47 реактивных систем залпового огня "Град". А вот миномётов, так необходимых в горных боевых условиях, всего 19. Для противотанковой борьбы имеются 105 пушек, а также 45 современных противотанковых управляемых ракетных комплексов. Сравнительно сильна противовоздушная оборона: до 100 зенитно-ракетных комплексов. У республики, на территории которой не был дислоцирован ни один боевой самолёт советских ВВС, ныне их больше, чем у Грузии: 5 штурмовиков СУ-26, 1 истребитель МИГ-25 и 1 реактивный учебно-боевой L-29 ("Дельфин"). Вертолётов — 28, из которых 12 — ударных МИ-24.

Помимо армии сформировано четыре батальона войск МВД (тысяча человек). На вооружении — 34 БМП и 30 БТРов.

АЗЕРБАЙДЖАН. В армии — 73300 человек. На вооружении: 325 танков Т-72 и Т-55, боевых машин пехоты — 344, а также 78 боевых машин десанта и 33 разведывательных, 329 бронетранспортёров и бронетягачей. Достаточно мощная артиллерия — 343 единицы: гаубицы, самоходки, 63 реактивные установки "Град" и 52 миномёта. Зенитно-ракетных комплексов класса "земля — воздух" более 60. Военно-воздушные силы — самые мощные в Закавказье. Личный состав — 11200 человек. В четырёх эскадрильях 35 истребителей МИГ, 7 фронтовых бомбардировщиков СУ-24, 2 истребителя-бомбардировщика СУ-17, 2 штурмовика СУ-25 и 52 учебно-боевых L-29. Также 18 ударных вертолётов МИ-24, 15 военно-транспортных и до 100 зенитно-ракетных комплексов.

Внутренние войска насчитывают до 2 тысяч военнослужащих, военно-морские силы — столько же. ВМС имеют до 30 военных кораблей малого класса.

ГРУЗИЯ. По мнению западных военных экспертов, грузинская армия насчитывает до 20 тысяч военнослужащих. В действительности же их 25300 человек. Зарубежные эксперты ошибаются и в количестве танков, называя цифру 40. Танков на несколько десятков больше. Запад не учёл переданного Россией ко Дню независимости Грузии танкового батальона. Число боевых машин пехоты и бронетранспортёров определено в 51 единицу. Эти данные тоже несколько занижены. Артиллерия — 60 пушек и реактивных установок "Град". В составе ВВС — 1 тысяча человек, в арсенале — 2 штурмовых самолёта СУ-25 и 1 военно-транспортный вертолёт МИ-8. На вооружении противовоздушной обороны — 75 зенитно-ракетных комплексов.

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ БАЗЫ.

В АРМЕНИИ — одна. Военнослужащих — 5 тысяч, 80 танков, 190 БТРов и 100 артиллерийских систем. В Ереване находится эскадрилья истребителей МИГ-23.

В АЗЕРБАЙДЖАНЕ российских баз нет.

А вот на территории ГРУЗИИ их четыре: в Вазиани, Ахалкалаки, Батуми и Гудауте. Всего до 22 тысяч военнослужащих. На вооружении — до 200 танков, 570 бронемашин, 220 установок "Град" и миномётов. А в Ново-Алексеевске и Вазиани около 30 военно-транспортных самолётов и вертолёт. На гудаутском аэродроме Бомбора — штурмовые самолёты СУ-25.

НЕПРИЗНАННЫЕ РЕСПУБЛИКИ.

В Нагорном Карабахе — 20 — 25-тысячная армия. 50 танков, до 100 бронемашин и 100 артиллерийских установок.

В Абхазии под ружьём — 5 тысяч человек. Танков более 50, свыше 80 БМП, до 80 артиллерийских установок.

В Южной Осетии состав вооружённых группировок достигает 2 тысяч человек. Более 30 танков, до 30 бронемашин.

"Общая газета", 29 февраля — 6 марта 1996

СКОЛЬКО ДЕНЕГ У ЕВРЕЕВ?

Суммарный размер мирового еврейского финансового капитала оценивается сегодня в 235 млрд. долл. Еврейский финансовый капитал без учёта капитала израильских граждан составляет порядка 165 млрд. долл.

Эти данные взяты из первого в своём роде отчёта, составленного руководителем Сионистского совета Израиля Арье Хасом, который занят сейчас созданием бюро по мобилизации еврейских инвестиций.

Еврейский финансовый капитал США составляет 125 млрд. долл. (учитывая около полумиллиона израильтян, проживающих в Америке). На втором месте по этому показателю находятся евреи Франции с 12 млрд. долл., за ними — евреи Британии — 7,2 млрд. долл.

Средний уровень доходов на человека в еврейском мире по расчётам составляет 18 тыс. долл. в год. Эта цифра выведена с учётом уровня жизни евреев стран СНГ и Южной Америки, средние доходы которых оцениваются в 3500 долл. в год. Без учёта этих двух групп, суммарная численность которых составляет около 2 млн. человек, подушные доходы евреев превышают 20 тыс. долл. в год. Подобный уровень доходов характерен для евреев развитых государств, включая Израиль, общее количество которых — 11 млн. человек. В развитых государствах без учёта Израиля сегодня проживают 6,5 млн. евреев.

Общая сумма инвестиций и пожертвований евреев мира как в странах их проживания, так и за пределами этих стран оценивается в 35 млрд. долл. в год. Причём инвестиции и пожертвования в Израиле составляют всего 3,5 млрд. долл.

Источниками более 50% общей суммы вложений в экономику являются израильское правительство и израильские бизнесмены. А вот общая сумма, собранная для Израиля Сохнутом, составляет 400 млн. долл.

"Эпоха", 17 октября 1995

САМИ О СЕБЕ

Я вырос в русском городе. Мой родной язык русский. Я русский писатель. Сейчас , как все русские, защищаю мою родину. Но наци мне напомнили и другое: мою мать звали Ханой. Я — еврей. Я говорю это с гордостью.

Илья ЭРЕНБУРГ (1891 — 1967) — писатель

Мы все предстанем перед судом Божьим, и всем придётся отчитываться за свою жизнь. Один скажет: "Я был портным". Другой скажет: "Я был врачом". Третий: "Я был ювелиром". А я смогу сказать: "Я не забыл Тебя, Господи..."

Симон ВИЗЕНТАЛЬ (р.1909) — "охотник за нацистами".

Я русский еврейского происхождения. Я никогда не исповедывал еврейской религии, не сознавал себя евреем. Но великий польский поэт Юлиан Тувим, который был поляком еврейского происхождения, очень хорошо сказал: "Есть родство по крови, но не той крови, которая течёт в жилах, а той, которая вытекла из жил многих жертв...".

Лев КОПЕЛЕВ (род. 1912) — писатель, литературовед, переводчик.

Ты должен всегда чувствовать себя армянином, даже когда играешь в футбол.

Георг СЕВАН (р. 1914) — армянин из Иерусалима.

Все люди — евреи, только не все об этом знают.

Бернард МАЛАМУД (1914-1986) — американский писатель.

Мы — армяне. Это означает, что мы воины, которые никогда не сдаются.

Керк КЕРКОРЯН (р. 1918) — американский миллиардер.

В тот момент я понял, что быть армянином, жить по-армянски — означает быть помешанным. Не чудаком в обычном смысле этого слова, человеком с вывертами и, возможно, милыми странностями, и отнюдь не клиническим сумасшедшим. Именно помешенным: помешательство — очень глубокое понятие, обозначающее какое-то искажение или излом в глубоких, как морская пучина, недрах человеческой души.

Майкл АРЛЕН-младший (р. 1925) — американский писатель

Я еврей потому, что люблю мамин суп с клёцками из мацы.
Я еврей потому, что мои отцы, матери, дядья и бабки говорили на идиш
в Витебске, Львове и Каменец-Подольске.
Еврей потому, что в 13, читая Достоевского, я за ресторанным столиком
в Нижнем Ист-Сайде написал стихи, образцовый парижский
интеллектуал.
Еврей потому, что от яростных сионистов кровь во мне закипает, прогрессивное
возмущение.
Еврей потому, что буддист, мой гнев — прозрачный горячий воздух, я пожимаю
плечами.
Еврей потому, что не терплю нетерпимых монотеистов — иудеев, католиков,
мусульман.

Аллен ГИНЗБЕРГ (р. 1936) — американский поэт.

Как-то раз я (т.е. Сергей Довлатов. — *Ред.*) спросил Бахчаняна:
— Ты армянин?
— Армянин.
— На сто процентов?
— Даже на сто пятьдесят.
— Как это?
— Даже мачеха у нас была армянка...

Вагрич БАХЧАНЯН (р. 1938) — художник, поэт.

Я — еврей. Стопроцентный. Нельзя быть более евреем, чем я. Папа, мама, нет никакого сомнения. Без каких бы то ни было примесей. Но я думаю, что я еврей не только поэтому.

Иосиф БРОДСКИЙ (1940-1996) — поэт.

Я родился в эвакуации, в Уфе. С 1945 года жил в Ленинграде, считаю себя ленинградцем. Три года жил в Таллине, работал в эстонской партийной газете. Потом меня оттуда выдворили: не было эстонской прописки. Вообще-то мать у меня армянка, отец еврей. Когда я родился, они решили, что жизнь моя будет более безоблачной, если я стану армянином, и я был записан в метрике как армянин. А затем, когда пришло время уезжать, выяснилось, что для этого необходимо быть евреем. Став евреем в августе 1978 года, я получил формальную возможность уехать.

Я знаю, что это кому-то покажется страшным позором, но у меня никогда не было ощущения, что я принадлежу к какой-то национальности. Я не говорю по-армянски. С другой стороны, по-еврейски я тоже не говорю, в еврейской среде не чувствую себя своим. И до последнего времени на беды армян смотрел как на беды в жизни любого другого народа — индийского, китайского... Но вот недавно на одной литературной конференции познакомился с Грантом Матевосяном. Он на меня совсем не похож — он настоящий армянин, с ума сходит от того, что делается у него на родине. Он такой застенчивый, искренний, добрый, абсолютно ангелоподобный человек, что, подружившись с ним, я стал смотреть как бы его глазами. Когда я читаю об армянских событиях, я представляю себе, что сейчас испытывает Матевосян. Вот так, через любовь к нему, у меня появились какие-то армянские чувства.

Сергей ДОВЛАТОВ (1941-1990) — писатель

Эдуард Маркаров вырос в еврейско-армянской семье, вобрав в себя лучшие спортивные качества своего отца Артёма, игравшего в командах мастеров до 40-летнего возраста, и доброту очаровательной матери Берты, которой восхищалась вся 8-я Завокзальная улица.

М.Пейсаченко. Маркаровы, Андриасяны и другие бакинские ереванцы. — "Вести", 6 марта 1996. Просим читателей извинить, что отступили от правил, ведь герои этой рубрики сами высказываются о себе, но, согласитесь, душевно сказано. — *Ред.*

Эдуард МАРКАРОВ (р. 1942) — футболист, нападающий команд "Нефтчи" (Баку), "Арарат" (Ереван), сборной СССР.

Я всегда чувствовал себя армянином. Моё армянское происхождение всегда обязывало превзойти себя!

Бруно БОЯДЖЯН (р. 1958) — лучший ватерполист Франции (1994), семикратный чемпион страны по водному поло.

Анатолий КАРДАШ (АБ МИШЕ)

ИМЕНА

(отрывок из книги)

От редакции: Торговый дом "Зодиак Стампс" в израильском городе Тель-Авиве в Еврейском государстве (поверить трудно) Израиль предложил для продажи на аукционе несколько очень интересных и ходких экспонатов. Среди них — мыло на еврейском жиру. На упаковке дано точное описание объекта: "R.J.F." — REINES JUDEN FETT" — чистый еврейский жир. Так обозначен экспонат и в прейскуранте еврейского торгового дома. Мыло из еврейского жира, чисто. Без примесей.

Предложил этот экспонат к продаже израильский продюсер Моше Яхалом. Экспонат достался ему от покойного папаши, узника концлагеря, хранившего этот предмет дома всю свою жизнь. А теперь папа умер. И сын решил реализовать наследство, получить за мыло из чистого еврейского жира хорошие деньги и свалить за границу. У мальчика неприятности — его в своё время обвинили в изнасиловании, репутация подмочена, слава Б-гу, наследство подоспело.

Ни Моше Яхалом, ни хозяин торгового дома "Зодиак Стампс" не понимают, из-за чего разразился скандал. Есть спрос, есть предложение — Катастрофа всё ещё в цене. Не в первый раз данный торговый дом продаёт мыло еврейское обыкновенное. Продавали и раньше, и покупатели были. Стоит где-то в витрине буфета это украшение. Показывают его гостям, цокают языками. В страшном сне такое не приснится, а в реальной жизни, оказывается, происходит.

"Яд ва-Шем" — "Память и имя". Зал Имён — на иврите "Гехайль ха-шемот".

По всем законам, и человеческим, и Божеским, умершему положена могила. А у тех миллионов — кладбищ нет. Они стали дымом, пеплом, травой, облаками, волосами в матрацах, золотом в чьих-то банках... Ими, их пеплом, засыпали болота; ими, мукой из их костей, клеили короба; ими, золотом их зубов, оплачивали счета; мылом из их тел отстирывали исподнее; жиром их смазывали шестерёнки моторов — всё использовано рачительно, никаких остатков-останков, ничего не осталось, ни-че-го-шень-ки...

А дальше как?

Освенцим или Майданек, которые сейчас сохраняются памятниками, — кто уверен в их целости спустя годы, спустя десять лет? Что же до расстрельных прорв на бывших советских пространствах, сколько сегодня ни стараться, сколько ни вздымать памятные камни — со временем места эти скорее всего затопчут, а то и заплюют.

Пишут в "Яд ва-Шем" о гетто в хуторе Забара Николаевской области (Украина): "Сейчас на могилах пасётся скот". А вот справка из сельсовета (тоже Украина, Хмельницкая область): "...вбивали жителів еврейськоі национальности... Потім трупи... відвозили кудись... Ті жителі,

що могли всё це знати, повмирали..." Правду пишет "голова сільради": уходят люди, и память никнет...

Дивно всё это предугадалось в 1946 году. Не то что "Яд ва-Шема", самого Израиля ещё не было, но уже придумали основатели: не только мемориал погибшему народу, не только память об истреблённых городах и общинах — но ещё и место каждому убитому отдельно. И решили собирать имена. На специальных Листах — свидетельских показаниях, "даф эд" на иврите. Сведённые воедино, они образуют кладбище, где — не дай Бог! — навечно упокоятся тени всех замученных, расстрелянных, удушенных, испепелённых...

...Тёмные стены, приглушённый свет, длинный ряд отсеков-ниш, где на полках, впритык одна к одной стоят чёрные папки. Белые наклейки на их корешках, как поминальные свечи.

Внутри папок — Листы с именами. Здесь собирают имена всех европейских и советских евреев, погибших и пропавших без вести во Вторую мировую войну на оккупированных территориях, на фронтах и в эвакуации, — всех, кто исчез в результате гитлеровского геноцида с середины 30-х годов и по 1945 год.

...Здесь — по самому холодному, без эмоций, счёту — те шесть миллионов жизней, которыми оплачено создание Государства Израиль.

...Еврей и сионист, патриот и солдат всех израильских войн живёт в 20 минутах ходьбы от "Яд ва-Шем" и ни разу там не был. "Очень тяжело", — говорит.

Израильский литературовед в как бы интеллектуальном журнале сердится: "Сколько можно писать о Катастрофе? Неужели нет темы, сегодня более важной?!"

"Я не уверена, что это кому-нибудь нужно: помнить. С этим трудно жить. А молодым надо радоваться и делать жизнь", — это героиня мировой войны, участница еврейского подполья и смертельных игр с нацистами, профессиональный историк — исследовательница еврейских горестей и подвигов.

"Побереги сердце, и своё, и чужое, — вторит ей моя давняя приятельница. — Может, я кощунствую, но мёртвым не поможешь, а живым — лучше бы не знать, лучше бы забыть..."

Но брат её шлёт в Зал Имён пачку Листов и звонит вдогонку, волнуется: дошло ли? в компьютер внесли? будут поминать?..

...Даниил Р., собирающий в Киеве Листы для "Яд ва-Шем", пишет: "Считаю эту работу долгом еврея..." И просит: "Напишите каждому: Ваш Лист нами получен. Это будет (...) моментом великой истины и благодати, чувством исполненного ДОЛГА!"

"Мне было пять лет, когда погиб мой отец, но я его очень хорошо помню и очень его любила. ...так горько, что нет могилы этого любимого человека. Я счастлива, что находясь в Иерусалиме, могу поставить ему такой памятник" (Л.Д., москвичка).

Украина, Донецк: "Я узнала про Вас, про глубоко человечную историческую миссию — увековечить всех несчастных, безвинно погибших евреев в той ужасной войне". Следует подробный рассказ об отце: он отстрадал войну в эвакуации, надорвался на военном производстве, но

умер в 1946 году, "не уложился в сроки", отведённые жертвам геноцида (1945 год, когда рухнул гитлеризм). Теперь у 83-летней дочери слёзная забота: "Я прошу и молю во имя всего святого сделать такое исключение, увековечить в "Яд ва-Шем" светлую и праведную жизнь безвременно погибшего моего отца... Бог воздаст Вам за этот человечный и благородный поступок.

Я прошу извинить меня за не совсем чёткий почерк, ведь я очень плохо вижу, наполовину слепая, и пальцы рук плохо держат ручку, но я стараюсь писать понятно. Никому бы не доверила писать это письмо, даже родной дочери... только Вам, Высоким Судьям, могла его доверить. На Вас вся надежда. С глубоким уважением и благодарностью. Лея Ч.".

Из Калуги (Россия) — при четырёх Листах — страничка, внизу которой, возле подписи, фотография: милая блондинка, шляпка, свитер, на плечи платок накинут с точной небрежностью — всё было бы не более чем приятно взгляду, но большие глаза бьют с портретика в упор, и над ними во всю страницу выведено старательно и крупно: "Дорогие друзья! Бесконечно благодарна Вам за возможность отправить на Святую Землю имена трагически погибших моих родителей и братьев. Все эти годы моему сердцу не было покоя, где могу склонить голову, зажечь свечу. Сегодня прощаюсь с ними, отправляя в последний путь.

На столе лежат четыре листа,
горят четыре свечи, а прошу
Бога благословить Вас за Ваше
Святое дело.
Прошу, позвольте мне их сопровождать
хотя бы таким способом.
С сердечной благодарностью Мария Х.".

Другой Лист — даже не Лист, потому что в нём нет ни имени, ни фамилии, а написано на их месте: "Прошу вспомнить всех замученных немцами в Монастырище, всех, более 10 тысяч человек, детей кидали живыми, их никто не вспомнит в родном городе... Просим вспомнить!!!" — криком кричит Вера Д. (Украина).

Криком же — рисунок: в Листах из Канады на большую семью, пропавшую в концлагере Берген-Бельзен, везде на месте фотографий истекает чёрными каплями слёз скорбный лик, свитый из ивритских букв, — слово "Изкор" — "Помни!".

Люди изощряются для тех, в небытии... Кто-то рисует, кто-то на Листе с портретиком девочки из Голландии сбоку приписывает: "Посмотрите, какая красавица!", кто-то считает себя обязанным хоронить даже не родных своих, не друзей, а земляков или вовсе незнакомых, целые изничтоженные общины, и пишет, пишет, пишет десятки, а то и сотни Листов...

Ветеран войны Давид З. из Ашдода шлёт 340 Листов на убитых из его родного местечка Климовичи (Белоруссия) и просит ещё бланки: у него столько однополчан-евреев не погребено!.. Михаил Макашовский, иерусалимец из белорусского городка Столовичи, в мае 1942 года сбе-

жал из-под расстрела, а 228 евреев остались грудой трупов, и он окунается в ту тьму и выуживает из неё имена, имена, имена...

На старости лет, "на заслуженном отдыхе" заняли себя пенсионеры. Альберт М. (Минск) написал сотню Листов на евреев — белорусских партизан и подпольщиков. Мирьям С. из Чуднова (Украина) прислала 344 Листа... Долг долбит души уцелевших евреев.

А чей долг гасит Калибаба Дмитрий Афанасьевич, учитель из города Мена Черниговской области?.. Он копал местный архив, выспрашивал подробности у десятков людей, привлёк в помощники друзей-евреев, родителей своих учеников — итогом стали 227 Листов на погибших евреев г. Мена, присланные Калибабой в "Яд ва-Шем", да ещё около сотни Листов от его сотрудников. В ответ на просьбу написать о себе Д.Калибаба сообщил: украинец, пенсионер, участник Второй мировой... Старательно перечислил фамилии, имена и отчества своих еврейских помощников. В конце письма — о семье: "Жена русская, три дочери, пять внуков, правнучка. Мой покойный отец Афанасий дружил со многими евреями-земляками, немного разговаривал по-еврейски". Вот и Украина с такой, кажется, рекордной юдофобией!

А что за долг у брянского мальчугана, настолько ещё малого, что он вместо своей фамилии ставит малоразборчивое "Д" с закорючкой?.. На кого Листы от брянского Д.? На дедушку, на бабушку и на "учителя моего дедушки". Он и дедушку-то с бабушкой не знал-не видал, учителя дедушки — тем более, а вот: похоронил в самом Иерусалиме. Даст Бог, отложится это дело в пацане, отзовётся...

Как и в той девчоночке, что прислала Лист на прапрадедушку, "сапожника" из "Жанкое", который "был в гетто, выдали и расстреляли ф." ("Жанкое" — крымский город Джанкой, "ф." — очевидно, фашисты).

...Софья С. из России принесла Листы на трёх мальчиков. Три Бориса, соседи-одногодки из дома номер 2 по Большому Головину переулку, Москва. Все трое погибли на войне. Одного студента-медика убили в плену, прежде наиздевавшись. "Я знаю всё, я видела фото, пионеры-следопыты нашли". Предлагаю ей: "Опишите на отдельном листке. Будет храниться вечно". Она садится к столу и пишет долго, трудно, подробно: "его подвешивали вниз головой, вынимали язык". Руки — ходуном, слёзы пятнают бумагу.

Спрашиваю сотрудника: "Наверно, я не прав? Жестокость — вот так заставлять вспоминать ужасы, и страдать, и плакать..." — "А может быть, она избавилась? Всю жизнь носила в себе и — разрядилась наконец".

Он умудрён многолетним служением Залу Имён. Это к нему приходят люди, просят: "Отыщите Лист на Эстерку, её убили в сорок втором в Треблинке", и он прокручивает в мониторе микрофильм с кадрами Листов, а посетители вонзают взгляд в блёклое изображение, захлёбываются азартом горького поиска.

Холёная компания из американского благополучия: черноглазый молодящийся ковбой в полуобнимку с голубоволосой женой, их двадцатилетние сын и дочь, вальяжная бабушка... И все глаза — в экран, в зелёно-тоскливое небытие, где мелькают гонимые машиной Листы, Листы,

Листы. Несётся бесконечная лента, цепенеют на ней глаза и ждут — не вынырнет ли оттуда тот самый, о ком до сих пор пишет бабушка: "племянничка мой"... Пятьдесят лет минуло, а "племянничек" — всё то же славное пухленькое дитя, и всё он падает в яму, падает... Время застыло.

Бежит лента на экране, бесконечная лента Мёбиуса — она летит из жизни в смерть и обратно, мы все на ней, и не понять — на здешней ли, на той ли стороне...

Бухарский еврей: "Нельзя ли узнать про отца? Он на фронте без вести пропал..." — "Нет, здесь только те сведения, которые вы нам пишите". — "Я для бабушки. Она говорит: "Он живой. Я с ним каждую ночь говорю во сне". Бабушке, выясняется, 94 года. Полвека она разговаривает с мёртвым сыном...

Один сотрудник: "Здесь не кладбище. Я не умею назвать, что здесь. Но для меня они все живые. Я когда новый Лист вношу — человека как будто оживляю. Теперь вот компьютеры завели, вносят туда имена — я этого терпеть не могу: мы, значит, их опять в концлагерь..."

Верно. Вижу: старик из Бельгии сдаёт Листы дрожащими руками и как бы нехотя отдаёт и тянет обратно, словно трудно расстаться, словно живые они, тёплые...

Но прав и другой сотрудник: "Для кого-то Зал — политика, для кого-то — статистика, для третьего — памятник, для четвёртого — архив. А для меня только — кладбище. Место вечного покоя тех, кого распылили, разбросали по лесам, по ямам..."

Стоит перед этим сотрудником приезжий из Донбасса. Мужик справный, лет за 60, но джинсовый костюм на месте. Голова римлянина: рубленое лицо, седая каска коротких волос. Говорит сперва уверенно, напористо, но вдруг затрясся в руке листок с восемью фамилиями: "Они все живьём брошены в шурф. Шахта 4 бис... Понимаете? Живые в шахту. Все..." Сотрудник переводит разговор: Листы надо заполнить отдельно на каждого, вот здесь адрес, разборчиво и т.д. Человек стихает, уже почти спокойно чеканит: "Есть ещё два брата, на фронте убиты. На них тоже писать?" — "Конечно, пишите". Опять вздрагивает лицо: "А... Разве это поможет?" И сотрудник говорит тихо: "Поможет нам. А может быть, и им — кто знает?"

Все правы.

Посетитель (лет 50, седой, спокойный): "Вы не можете найти Лист на Еву М.? Ей было девятнадцать, умерла в Освенциме в 44-м..." Поискали — нет Листа на Еву М. Посетитель огорчился: "Должен быть Лист, непременно. Ведь это я сам — Ева, то моя предыдущая инкарнация, а теперешний я родился в 1945 году". Похоже, клинический случай.

Второй посетитель: "Вы здесь на службе у Вечности".

Т: "Между мной и Богом только Зал Имён в "Яд ва-Шем".

Четвёртый подходит к одной из светящихся в середине Зала стоек с образцами Листов, кладёт на неё копию Листа, полученную здесь, и читает кадиш...

...Склонённая голова с тонзурой, чёрная ряса и белый шнур пояса, серебристый свет креста на груди — эффектно гляделась фигура

священника на коленях перед нишами хранилища Листов. Посетители, группами и поодиночке, толклись поодаль, а вокруг священника было пусто и тихо, здесь сосредоточилась молитва, скорбь и — хотелось бы надеяться — раскаяние. Последнее, может быть, даже важнее еврейского поклона мёртвым: евреям-то недолго между собой согласиться, что их не надо убивать, а как убедить в этом христиан? Или мусульман?

Посетитель: "Стена Плача — она здесь, в Зале Имён".

Что тогда Листы? Записки на Стене, послания Всевышнему?

Вообще, что они такое — эти белые бланки с графами и строчками, спускающимися к чёрной полосе внизу — траурной ленте, на которой строгие квадраты букв застыли обещанием пророка Исайи (Йешайягу) сохранить память и имя ("Яд ва-Шем") погибших.

Посредине страницы — место для фотографии. Чаще всего оно пустует, но иногда оттуда светятся пронзительные глаза или выглядывают весёлые детские мордочки или старческие морщины...

Что же это — "Лист свидетельских показаний"? Душа мёртвого? Памятник ему? Надгробие? Венок? Анкета?.. Каждому видится своё сообразно его разумению, и всё — верно: Лист — и душа, и памятник, и символ, и документ...

Торопливый пожиратель туристских впечатлений, влекомый к тому же душевно глухим, а чаще невежественным экскурсоводом, говорит о Зале Имён: "Картотека" (случается, с небрежной отмашкой)... Но и он, если оставить отмашку на его совести, — тоже прав. Зал — ещё и картотека. Более того, архив, собрание бесценных сведений о том, что произошло с евреями, с людьми вообще, с миром.

Лист — простейшая анкета. Фамилия и имя погибшего, имена его родителей и супруги (супруга), даты и места — рождения и смерти, профессия, обстоятельства гибели. Больше ничего. И часто не все графы заполнены, спустя полстолетия много не вспомнишь. Но и неполные, собравшись в миллионы, Листы отвечают на вопросы. Например, сколько убито евреев по полу, возрасту или профессиям в, скажем, крохотном бессарабском городке Единцы.

А каков был состав исчезнувших еврейских семей? 5, 10,15 человек? Анна Б. из Мигдаль ха-Эмек прислала Листы на погибшую в Бабьем Яре семью: 24 человека. Читатель не успеет ахнуть-охнуть, как узнает о Листах Розы Г. (Пенза, Россия) на 48 её родственников. Куда уж больше?! Но пришла из США бандероль: Мара В. шлёт Листы и известие о семье в 84 человека из Риги и Даугавпилса. Из них 81 погиб, трое выжили. Живут: один — в Риге, один — в Израиле, один — в Америке. (Когда это рассказываешь туристским группам, то цифре 81 откликается горестное "Ах!", цифре 3 — облегчающий вздох; говорю: "Опять распылились, всё по-еврейски", и посетители веселятся, особенно "русские" евреи из США, ещё пуще — из Германии; добавляю: "Прошлое ничему не учит", — а этого уже не слышат или не хотят слышать.)

Можно поинтересоваться и проблемами покрупнее.

Кто-то хочет узнать, что значит "поголовное истребление"? Приглядитесь к Листам: здесь профессии от раввина и банкира до грузчика и домохозяйки; здесь Нирл-Михл Азерников 106 лет из русского Невеля и

Лерман из Ушачей (Белоруссия), о котором написано: "не успел мальчик получить имя, замёрз насмерть в гетто через 2 часа после рождения". Здесь и полукровки, и выкресты, и те ассимилированные, кто перекроил себя из Срулей в Олеги, из Абрамовичей в Аркадьевичи, из Хайкиных в Трубецкие, чтобы уже Олегами Трубецкими прошагать в Бабий Яр.

Кто мог, бежал тогда от немцев. Пешком ли, на лошадях, автомашиной — кому как выпало, лишь бы подальше от смерти. Самые везучие оказывались в поездах. Для интересующихся подробностями эвакуации — сообщение Герша Ф.: "При эвакуации в Среднюю Азию в пути следования дедушка заболел (подозрение на дизентерию), поэтому его поместили в изолятор (товарный вагон-теплушка). Погрузили нас ночью (мы оказались в первом вагоне). Поезд шёл быстро с очень короткими остановками. Поэтому утром мы смогли добраться до вагона-изолятора несколькими перебежками на остановках. Когда мы добежали, наконец, до вагона-изолятора, то дедушки там не оказалось. По утверждению не то фельдшера, не то санитара, его высадили мёртвым на станции Кизил Арват. Хотя больные, в том числе дочь моего дедушки — Щупак Анна, которая тоже была в тяжёлом состоянии в этом же вагоне, утверждали, что когда его высаживали, он стонал. Высадили его (вернее выбросили) возле водокачки, просто положили туда... Через несколько дней (...) проехал человек в Кизил Арват, но никаких следов дедушки ни среди живых, ни мёртвых найти не удалось".

А фронт? Советские, к примеру, евреи, выпестованные общенародным антисемитизмом, твёрдо знали: евреи — не воевали... Но на Листах советских евреев-мужчин призывного возраста в графе "обстоятельства гибели": "фронт", "фронт", "фронт" — почти сплошь. А непризывного возраста? "Убит в ополчении" написано в Листах 73-летнего Иосифа Тува (гор. Очаков) и 15-летнего Додика Белинского (гор. Одесса).

Здесь же и ответ на другой вопрос, местный, израильский: как умирали те, кто остался без этих боеспособных евреев? Многие твердят: "как овцы на бойне", "позорно"... Миллионы молодых солдат в немецком плену умирали без бунта почти до самого конца войны — их не винят: и верно, что взять с изнурённого доходяги? А безоружным немощным еврейским дедушкам и мамам — предъявляется счёт.

Известно: искать справедливость — дело неверное. Да и враньё это: "еврейская покорность". Из Листов:

Арнольд Маргулес, инженер-железнодорожник, "расстрелян гестапо города Тернополя за отказ служить оккупантам";

кировоградский аптекарь Эммануил Аннопольский "до самого прихода фашистов обеспечивал госпиталя лекарствами, а затем поджёг склад медикаментов. Расстрелян полицаем";

Ицю Бенкера в Рыбницке, Молдавия, "убили топором, когда отказался перекреститься";

Ида Кантолинская, 45 лет, врач-педиатр из Харькова, работала уборщицей в немецком учреждении, за содействие арестованным "повешена немцами на балконе с табличкой "Партизан";

Яков Прошовер (на фотографии лысый круглолицый весельчак) в варшавском гетто многократно спасал чужие жизни, в том числе семью автора Листа Р.В. (Швейцария);

Абрам Копин, 67 лет, Минск, "во время погрома отказался садиться в машину и был расстрелян на пороге своего дома";

Вера (Двейра) Косман (Татарск Смоленской области) на фотографии, видимо, моложе себя убитой. Здесь она девушка лет двадцати, с пышными волосами... А убили её в 28 лет, уже матерью, и вот как это описано её братом на обороте Листа:

"Сестра работала почтовым работником (телефон, телеграф) и по долгу службы не могла оставить работу и бежать вместе с родителями и односельчанами, которые её усиленно звали на подводу.

Спохватилась, когда кругом были немцы и бежать было некуда.

Она осталась с 3-летним мальчиком и попросила русскую семью взять его к себе (мальчик беленький и ничем не выдавал национальность). Мальчика взяли, но через 2 месяца вернули и от дальнейшей помощи отказались. Вместе с мальчиком блуждала по лесу, а на улице холодная осень и вернулась к себе в дом. Полицай, русский, её поймал и вместе с мальчиком расстрелял.

Отец мужа был сельский кузнец, по воскресеньям полный дом крестьян, а в тяжёлую годину отторгли все".

...Кто и с каких пор счёл склонённую голову еврейской национальной позой?

Мендель Казачков, пенсионер 73 лет в Невеле (Псковская область), "оборонялся от фашистов с топором в руке, был сожжён живьём".

О Грише Каплане: "Пионер-подпольщик. Схвачен гитлеровцами и замучен в Минской тюрьме в 1943 г." Грише было 12 лет.

Эле-Хаим Либенштейн, 72-летний извозчик из Витебска, "убит офицером СС в гетто при отказе плясать босиком на снегу и за то, что плюнул в лицо офицеру".

А внук его Иосиф, 21 года, воевал и убит в бою под Кельцами, Польша, в 1944 году.

Тут поворот к евреям-солдатам. До сих пор не исчислено, сколько их, о ком можно сказать словами — почти стихами — "погиб на фронте, немцами убитый", или в графе "место жительства" написать "война", или в графе "профессия" — "участник Великой Отечественной войны", а то и "бухгалтер-солдат".

В 1941 году в Монастырище Винницкой области немцы расстреляли стариков Шапиро — Маню и Дувида. Пятерым их сыновьям не защитить было мать с отцом — они в те дни умирали на фронте, один за другим: Аврум, Мойша, Зузя, Меер, Зейлик...

Как выражались остряки, "аналогичный случай был в Одессе": семидесятилетние Тумер и Янкель Воловеры пошли в гетто с дочерью и внучкой, перед тем проводив на фронт четырёх сыновей.

Примеров подобных — пруд пруди.

В стране, где выкошено больше трети убитых европейских евреев, в СССР, "окончательное решение еврейского вопроса" глобальным замахом своим не позволяло пускать дело на самотёк. И нацисты расстарались, наладили механику массовых казней: то и дело видишь в Листах, как членов одной семьи убивали разновременно и порознь: сперва, где-нибудь поодаль от гетто, — мужчин, а спустя месяц-другой — детей и женщин, вовсе беззащитных. Листы раскрывают и прочие организационно-технические достижения немцев вроде душегубок или "маршей смерти", когда гонимые тысячами трупов устилали дороги, или "трудовых" лагерей, где евреев убивали работой. А концлагерная промышленность смерти? Суммарная теоретическая "производительность" газовых камер Освенцима составляла 60 тысяч человек в сутки — их создатели могли гордиться полётом германской инженерной мысли.

Но что ж мы всё о "немцах" да о "немцах"? Для справки и для примера: на оккупированных территориях СССР уничтожением евреев непосредственно занимались 4 расстрельные команды — "эйнзатцгруппы" — общей численностью около 3000 убийц и "полиция порядка", насчитывавшая 14622 немца и 126321 местного жителя-добровольца (немецкие данные, приведённые доктором И.Арадом, бывшим директором "Яд ва-Шем"). Здесь не учтены соучастники убийств, такие, как солдаты немецкой армии и многочисленные энтузиасты из местного населения. Но картина и без того достаточно показательна: на одного официально зафиксированного немецкого убийцу приходится более семи убийц доморощенных, своих: добрые соседи, задушевные приятели, сослуживцы... Бессарабия, село Цамбала, мельник Эрлихман Мойше-Велвл — "его предал и расстрелял лучший друг, начальник полиции, летом 1941 года".

Фельдшер Гудя (Ида) Торпусман (Житомирщина, Украина) пошла на фронт, попала в окружение, выбралась, "пробралась к себе домой в надежде спрятаться... Захватившие её дом люди выдали её украинским полицаям. Полицаи водили её по улицам города Коростеня и пилили её на части... Особенно отличался бывший дворник Народа".

Рива Штейнгарт в Хмельнике (Украина) пряталась до февраля 1944 года. Перед самым освобождением её "расстреляли, потому что выдал немцам соученик".

Минская область Белоруссии, деревня Драчково, 17-летний партизан Иосиф Абрукин "погиб при выполнении боевого задания. Предан и опознан своим учителем школы".

В Ананьеве Одесской области (Украина) истреблены 2000 евреев. Яков Г., родственник погибших 13-летнего Нюси и 4-летнего Бори Посицельских, пишет: "Расстреливали их в овраге... Особой лютостью отличался некий Тарасевич, который до войны работал директором ананьевского детского дома".

Чтобы не потерять начисто веру в человечество, можно утешиться воспоминанием о другом директоре другого детского дома — Януше Корчаке. А можно здесь же, не выходя из Зала Имён, узнать о Лазаре Маршеве, 1928 года рождения, которого всю войну прятал украинский полицай в Сумской области. И на той же Украине, в Джурине (Винницкая

область) все оккупационные годы проработал в колхозе не выданный никем из односельчан Шимон Вайнрух — судьбе пришлось дождаться освобождения Джурина, призвать Шимона в советскую армию и уже на фронте убить его в 1944 году.

В Клинцах Мария Стародубцева с мужем спасли трёхлетнюю Дину К. (она сама сейчас свидетельствует из Твери) и не выдали её даже под пытками в гестапо; на станции Чертково Ростовской области врач — немец Юзефе "в своей больнице спас много военнопленных, в том числе несколько евреев-красноармейцев".

"Литвяк Анна, русская женщина, она работала домработницей в доме Литвяка Абрама. Его жена умерла после 2 родов, а Анна стала им матерью, и он женился на ней до войны. Во время войны, живя в оккупированном немцами Майкопе, она рисковала жизнью, пряча двух еврейских детей. Потом кто-то донёс немцам, и её обязали сдать их в гетто. Она пошла в гетто вместе с детьми, вся её русская родня стояла у входа в гетто: "Аня, Аня, не ходи, что ты делаешь?" — и умоляли её не идти в гетто на смерть. Она же сказала им, что то её дети, она их вырастила и считает своими и, если нужно, умрёт с ними". Анну Литвяк расстреляли вместе с детьми.

Есть ещё подобные истории, и тьма в Листах и свет, но правда в том, что спасено евреев единицы-сотни-тысячи, а убито — миллионы.

Да как убито! Немцы, хоть и хватало у них изуверов, чаще всё-таки аккуратно исполняли предписанную обязанность: стреляли, вешали, пытали — как правило, по приказу, без личной инициативы. А "свои", местные, — вот у них-то с алкоголем в голове, с винтовкой в руке — о, как разыгрывалась народная смекалка! Тут грешно сказать "зверство" — человек куда жутче... "Обстоятельства гибели" от рук соотечественников, записанных в Листах, не для нормальных человеческих нервов, но мёртвые требуют хоть чуть-чуть, хоть долей малой показать их муку, а ты, чувствительный читатель, пропусти следующие цитаты из Листов:

"возили в телеге голую полную старуху, глумились. Расстреляна во рву" (Украина);

"согнали евреев на баржу и подожгли её" (Белоруссия);

"убит об пол полицаем на глазах родителей" (ребёнок двух месяцев, Украина);

"сожжена в стогу вместе с дочерью беременной и зятем" (Бессарабия);

"после расстрела его детей, парализованный, был выброшен соседями из дома и умер с голода" (Борис Ш., 76 лет, Украина);

"замурован живым в стену" (Эстония);

"повесили в квартире за ноги вниз головой" (Украина);

"живым зарыт в яму" (мальчик пятилетний, Румыния);

"сварили в котле конфетной фабрики, где Соломон работал мастером" (Украина);

"замучен паром в бане" (Украина);

"забита в ящик с братом Шурой и брошены в реку Орлик" (дети 6 и 4 лет, Россия);

"брошены в известковую печь" (Молдавия);

"по дороге на расстрел рожала, и сосед-полицай толкал и говорил, что место найдётся тебе и ребёнку" (Украина).

Можно напечатать и того чернее. Оказывается, ухнуть в расстрельную яму или изойти дымом в концлагерное небо — ещё не самое страшное...

..."Три дня дышала земля" (Украина). И всё ясно, и ограничиться бы этим, чего душу травить деталями, в конце концов задача Зала — сбор имён, остальное — только приложение, комментарий, попутное...

Но женщина подписывает Лист: "Я, Броня К., стоявшая в расстреле рядом с матерью, отцом, сестрой и двумя своими мальчиками-сыновьями". И нельзя не попросить Броню К.: "Напишите, что было. Как и кто убит, как и кто спасал..."

Не одну Броню К. просит Зал Имён. Он взывает ко всем, пережившим войну.

"Вы в долгу перед мёртвыми, вы в грехе перед юными... Молодые мало что знают о Катастрофе. В 44-45 годах, воротясь из эвакуации, с фронтов на свои родины, изуродованные оккупацией, с выкорчеванными семьями — у каждого еврея 50-60-90 процентов родни исчезло! — вы яростно вызнавали подробности, вы погоревали, погоревали и — замолчали. На 50 лет. Жизнь тормошила, скорбь мешала... Многим и советская власть помогала молчать: "лагерь" и "гетто" были словами неприличными, "еврей" — почти нецензурным.

Пришла пора, старики... Расскажите, что знаете, расскажите детям и внукам, чтобы они, и дети их, и правнуки спустя годы могли узнать, как погибли те, кто дал им жизнь...

Не думайте, что за нас расскажут другие, что "и так всё известно". Да, известно, что в Румбуле расстреливали, но каждого отдельно поволокли на то побоище, каждого убивали по-своему. Поэтому не ограничивайтесь строкой, отведённой в Листе под "обстоятельства", напишите отдельно и приложите к Листу. Не откладывайте. Время уходит, через 10-15 лет и просить будет некого".

(С Броней К. что вышло? Договорились о магнитофонной записи подробностей, назначили встречу, а она возьми да и умри...)

Люди пишут. И передают свои записи в Зал. На вечное хранение.

В Зале не требуют предъявлять паспорт, здесь не отдел кадров, не инспекция и не сыск, здесь и фотография на Листе не обязательна, а прилагается только по воле автора Листа. Но что бы в Зал ни прислали — всё сохраняется.

Шлют документы — и подлинники, и копии — шлют драгоценные бумаги, опасаясь их потерять в передрягах быта: наградные листы, похоронки, письма с фронта... Пробитые пулями фотографии из нагрудного кармана, в пятнах крови... Однажды прибыла медаль "За оборону Сталинграда", в другой раз — пакетик, в нём земля с места массовой казни. Вещи уходят в музей "Яд ва-Шем", а всё остальное, бумажное, хранится вместе с Листами.

Так и собрался архив — тысячи, сотни тысяч сюжетов, судеб...

"Жил Александр Герцович, еврейский музыкант..."

Жил Аврум-Мойше К. в городе Коростень (Житомирская область, Украина). "Профессия, — пишет его брат, — музыкант, шапочник". Шил шапки, жил с шапок и поигрывал на скрипочке..."Скончался в бою с фашистами от полученного тяжёлого ранения 25 октября 1943 года под Ленинградом", — сообщает сухо и строго брат. Авруму-Мойше было 49 лет.

Брат его Ихескель в Киеве слесарил и тоже музицировал. Тридцати одного года погиб при обороне Киева.

Жил ещё в Ровно брат Ицхак-Лейб. И тоже на скрипке... Ему в 1941-м было 59 лет — возраст непризывной, вот и не был убит в бою. "6 ноября 1941 года фашисты и полицаи приказали лечь на землю и зверски прикладами забили насмерть". В тот же канун праздника Октябрьской революции расстреляли и жену Ицхака-Лейба, Рахель. И она музыкант.

Одарённые эти евреи родом из местечка Ушомер Житомирской области. Там у них был ещё дядя Барух. На фото он в чёрной кипе, длиннобородый, глаза зоркие... Барух никуда из Ушомер не уезжал, в октябре 1941 года его, 62-летнего, немцы здесь же и расстреляли...

Очень музыкальная семья. Пишущий Листы киевский брат Михаил К. — он, интересно, тоже музыкант? Или не выносит звука скрипки?

Нинель Б. из Беэр-Шевы шлёт Листы. Тётка Нинели Соня Ялкут (Глусск, Белоруссия): "При обнаружении партизанского отряда, где находилась семья, немцы убили 4 её детей, она потеряла рассудок, после чего её расстреляли". В Листах на каждого из четырёх детей: "...убит/а на глазах матери".

В той же пачке Листов дед Рувим Левин (Старые Дороги, Белоруссия): "сожжён заживо вместе с женой, детьми и внуками в собственном доме". Следуют Листы на 11 сожжённых. Были ещё дети у Рувима: Хана — "расстреляна на городской площади Слуцка как партизанка"; Стыся — "заколота в постели". Разнообразно погибала семья Нинели Б. Заполняла она Листы чётким почерком, твёрдой рукой — привыкла, видно, жить с этими смертными подробностями.

А в Донецке Этя Г. свои Листы писала коряво, неграмотно, с сантиментами не по делу ("немцы издевались как хотели вывезли по сей день не знаю где покоятся его косточки") — и это мешает при чтении, пока последний из Листов не грохнет по сердцу записью о Геннадии Г., сброшенном в шахту: "грудной младенец" и сверху добавлено резким росчерком перьевой ручки: "мой". А внизу Листа, подтверждая и добивая, подписано: "мама".

Детские сюжеты... "Яшенька в поезде просил пить (Яшеньке Д. 4 года, эвакуация. — *А.К.*). Мама его сошла взять воды, а когда пришла, ребёнок бил себя кулачками по голове от страха, что мамы нет, и он скончался".

Бухгалтер Моисей Б. (75 лет), жена его Малка (54 года), сын Зиновий (16). Когда они родили Зиновия, отцу было 59, Малке — 38 лет. И ещё раз повезло: 29 сентября 1941 года в Бабьем Яре — все вместе! Может, удалось даже обняться перед расстрелом...

Володе Б. стукнул годик, когда они с мамой (на неё Листа нет — возможно, осталась жива) вырвались из Белостока, добежали до Курска

— уже почти спаслись, а тут бомбёжка, и ребёнок погиб. Папу Володи, Леона Б., тем временем убил фронт. Несчастная семья, несчастная мама Дина Б...

Но где мера горя? Бог, он ведь всесилен. И Он посылает Лист на Ривочку Х. (не стану просить у мягкосердечного читателя прощения за этот абзац, просто предлагаю его пропустить или считать клеветой на человека). Итак, Ривочка Х., 16 лет, школьница. Деревня Чеповичи Житомирской области, Украина. Девочку многократно насиловали на глазах матери, которую заставляли отливать дочку водой. Что матери оставалось, кроме как сойти с ума? И уже в счастливом состоянии безумия быть расстрелянной вместе с измордованной дочерью.

Мама Ривы, одна ли ты в этом мраке? Здесь безумие повальное. Жертвы, палачи, цивилизация, культура, ад, Бог, солнце — всё всмятку, враздрызг, в тартарары...

Зал — чёрная дыра во времени и пространстве. И высверками оттуда — клочья судеб, имена, даты, кровь, бред, чеповичский кошмар Ривочки Х...

Перевести бы нам, читатель, дыхание, очнуться бы... Вынырнуть из тьмы Зала наружу, под звенящую голубизну неба, в сияние полдня, к разноплемённым туристам на выходе из музея "Яд ва-Шем" и наблюдать на их лицах растерянность, оторопь, отчаяние, скорбь, злость... Толстая негритянка роняет "Террибль!" ("ужас"). Но мы отвлечёмся от её дрожащих губ, мы подивимся колыханию безмерных африканских форм в белом великолепии одежд — и Бог даст, разрядится нагруженная душа наша. Тем более, что рядом утешительный гомон несмышлёных детей, а неподалёку, совсем уводя от темы, целуются влюбленные подростки. Что это: безмозглость или торжествующая жизнь? — так и остаётся вопросом.

Зато Зал — бесспорен.

Он гнёт своё и подбрасывает идиллическую такую картину: на странице из тетради в клеточку рисована детской рукой девчушка в платьице с весёлыми рукавчиками-"фонариками", при ней воздушный шарик, рядом цветы, дерево, дом в два окна, а над крышей объяснено: "Школа", и тут же текст по-французски: "Милый Жак, я получила книги... Я много думаю о тебе... Я с тобой всем сердцем... Клод". Кто такой Жак? Что стоит за словами записки? Уже не узнать. Но приложен рисунок к Листу на Клод М. из Ниццы, и было ей, оказывается, 6 лет, когда её 5 июня 1944 года отправили в Освенцим. И улыбается с фотографии на Листе та самая пышноволосая девчушка с теми же "фонариками".

Фотографии, фотографии...

Мощный лоб, жёсткость носа, причёска "на пробор", чёрные узкие глаза, мрачно бьющие... Так выглядит на фотографии человек лет 30-35, но в Листе его значится год рождения 1926, а к Листу подколота записка Фаины Л. (Кентвуд, США): "Мой двоюродный брат Феликс Астоновицкий во время блокады Ленинграда закончил лётное училище и будучи несовершеннолетним мальчиком пошёл добровольно на фронт мстить за погибшего отца и умершего от голода брата. Он погиб 25 апреля 1945 года под Берлином".

Фаина Л. добавляет, что Феликс был у мамы единственным сыном. До победы, до жизни ему, отвоевавшему два-три года, не хватило всего двенадцати дней.

19 марта 1945 года в Курляндии (Прибалтика) погиб В.Кагановский. На фото — крепкий парень в валенках и лётном комбинезоне, в папахе набекрень... Подбородок с ямочкой, горящие глаза, одна рука на поясе, другая в бок уперта, залихватски... Кагановский был в семье Вениамином — так следует из Листа, — а воевал Василём, что, верно, облегчало ему ратную службу, а может, просто было данью большевистской стихии, столь заманчивой для советского еврея, особенно такого боевого, такого "свойского" в лётной школе, оконченной в 1940 году, такого уже не местечкового, не галутного, такого сильного...

К Листу приложена истрёпанная, ветхая, многократно сложенная и по сгибам потёртая страничка — фронтовое письмо однополчан Василия Кагановского его брату: "... Вася не вернулся с боевого задания. Он погиб смертью храбрых. Машина была подбита вражеским снарядом зенитной артиллерии и, не дотянув до своей территории, сел у немцев, где и был убит. Это был замечательный друг, хороший товарищ, одним из лучших в полку считали его лётчики и командование... (...) у стен Сталинграда воевал вместе с нами, участвовал в беспримерной в истории битве за Днепр и сражался у стен города русской славы Севастополя. Он участвовал в освобождении Советской Прибалтики, где и отдал свою молодую и прекрасную жизнь. Это был товарищ, полный огня и энергии, горел кипучей ненавистью к врагу. Правительство наградило его орденом "Красной Звезды", командование выносило благодарности. Мы, его боевые друзья, никогда его не забудем, и мы будем мстить за него беспощадно и жестоко до тех пор, пока хоть один немец будут в живых. Вот всё... С приветом к Вам. Колесников. Баталин".

Ещё фотография групповая: семья Драпкиных из города Сенно Витебской области (Белоруссия). Мама Эська — деревенская красавица: светлокудрявая, широколицая, гладкощёкая, высокий лоб умницы. Однако, должно быть, целовалась со своим Шмуйлом и плодились исправно: Перла (1926 год), Лиля (1928), Фрума (1930), а в 1932-м — Эстер.

Глаза у всех — одни. Огромные еврейские глаза, полные мысли и печали, — у самой Эськи, у Перлы с её хвостиками причёски и пионерским галстуком на шее, у Лили, самой красивой, в мать, у Фрумы в весёлой матроске и с праздничным бантом в волосах, у маленькой Эстер — ей на снимке лет семь: сидит под рукой матери, в бедненьком платьице, руки скрещены на груди, голова коротко стрижена, иконный взгляд богородицы... Одинаковые у всех глаза. Одинаковая у всех запись в Листах: "закопаны живыми 31 декабря 1941 года".

Канун Нового года... Евреев как-то увлекательнее убивать в праздник. Издавна повелось: что Пасха добрым христианам без еврейского погрома? Теперь традиция доразвилась. В Листах днями массовых убийств обозначены христианский Новый год, и еврейский Пурим, и большевистский день Красной армии, и украинский день Петлюры — всё годилось стать для евреев датой смерти, для убийц — гулянкой.

На оккупированной немцами территории, такой тогда огромной, сколько прокатилось подобных встреч Нового года? Эськины — пример из Белоруссии, пример с Украины описан Миндл Г. (Реховот, Израиль). Она повествует о том, что произошло в городе Проскурове (нынешний, многозначительно заметим, город Хмельницкий) 1 января 1942 года: "... за городом над большой горой выкопали траншею а под горой внизу выкопали 3 ямы привезли всех людей конечно евреи, поставили их в этой траншее и в них сзади стреляли и они бедные многие падали в эти ямы, а многие из них были только ранены их засыпали землёй, и ещё долго люди боролись, земля обнималась пока не задохнулись".

"Земля обнималась"? Может быть, "обминалась"? Или описка не случайная? Обнималась с мёртвыми?

Здесь, в Листах, на крайнем натяге нервов — стилистика образцово выразительна. В графе "профессия" — слово "еврей". "Малыш" (о ребёнке). "Пенсионер был слепой", "мать пятерых детей", "по хозяйству жила бедно", "парикмахер пулемётчик". А вот микроэпос: "Лея была хромая и старенькая, жила с сыновьями Шмуэлем и Ноахом".

Родство или отношение к погибшему описывается не только стандартными "брат", "племянник", "знакомый", "однополчанин", но и "соседка-красавица", "я земляк-пациент" (погибшая — врач), "моя родная мама", "мой учитель", "друг-любимый" и просто: "я любил её".

"Место жительства во время войны" может быть указано торжественно: "поля сражения на войне", подробно: "начало войны под Одессой, затем армия и исчез" или предельно кратко: "в могиле".

Сквозь буквы то корявые, дрожащие, то чёткие, машинописные, сквозь тексты, то ясные, то невнятные, — проступают и автор записи, и умерший, и глубинная суть ситуации.

Самый показательный материал, конечно же, в пункте "место и обстоятельства гибели": "Уральск от горя" (об умершей в эвакуации); "увели в Старый Константинов и там ПОГУБИЛИ" (именно так, крупно); "сброшены в яму, где хранятся 220 стариков и детей евреев"; "убит врагом пал за Родину"; "вийшла из гетто, найшлы и замучену"; "погиб удушением немцами людей в подвальном помещении"; "утопили в Днестре как инвалида без ноги"; "пропал на фронте"; "детский погром"...

Давид З. из Ашдода в стихотворном размере: "кидали убитых и полуживых на школьном дворе".

О смерти семилетней Белы Я. сказано: "на этапе в концлагерь, где-то в Одесской области, гнали вместе с матерью, мать выжила" — в две строки полная повесть. А под портретом пятнадцатилетней красоточки "обстоятельство" — одно слово: "Гитлер!!!" — и на трёх восклицательных знаках трижды срывается, ковырнув бумагу, перо.

Гвардии лейтенант Хацкель Б. сгорел в танке при взятии Кёнигсберга 29 января 1945 года. Его сестра Элька прислала последнее письмо двадцатилетнего брата: один из миллионов знаменитых "фронтовых треугольников" (тетрадный лист, сложенный по диагонали в треугольное подобие конверта, "запечатывающегося" подвёрнутой нижней частью листа). Письмо написано за 16 дней до гибели, 13 января, число 13

вверху письма обведено фигурной рамочкой — выделено со значением. Каким?..

"Боевой гвардейский привет! Дорогие мои! Сегодня для меня большая радость. Получил сразу 8 писем и все от вас. Только читать их пришлось в дороге. Вот сейчас пишу вам ответ в обстановке, как в июне. Помните? Кругом всё "дышит", шум, но всё же приятное ощущение. Конечно, у нас, а не у него... Как хорошо, что четвёртый раз мне приходится участвовать в таком благородном деле. Постараюсь выполнить ваш наказ и в недалёком будущем вернуться с победой. А победа недалека. Она уже виднеется в дымке рассеивающегося тумана (утро туманное). Так, дорогие, дело обстоит у меня и вообще у нас. Подробности узнаете раньше, чем я пишу. Но запомните этот день.

Ну, дорогие, писал бы и больше, но некогда... "Катя" зовёт. Через пару дней напишу подробно. Только прошу не волноваться. Будьте стойки и выдержаны.

Привет родным и знакомым. Оставайтесь счастливыми и здоровыми.

Целую крепко-крепко

ваш сын и брат"...

... и размашисто, крупно, весело швырнул Хацкель на страницу свою подпись. Победа, видно, в эту секунду подмигнула ему, обнадёжила. Но встряло в письмо пророческое словцо родным: "оставайтесь".

Зал — театр теней. Тени страдальцев, героев, подонков... И тех, кто пишет Листы, и тех, кто за их словами. Витает и тень Исаака Бабеля, даром что он не дожил до войны.

В его новелле "Отец" (из "Одесских рассказов") полунищая Баська тщетно ждёт зажиточного Соломончика Каплуна. Бабелевская коллизия счастливо разрешилась: имя — Бася, фамилия — Каплун. Правда, здешняя Бася не из Одессы, а из села Ингулец Днепропетровской области, и ей всего 12 лет. Зато прочее — впрямую по Бабелю: и погромное изуверство и словесное кружево. "Убита топором полицаями при требовании драгоценностей", — пишет сестра Баси, а на обороте Листа добавляет справку:

"Судьба колонии с. Ингулец...

До войны повидимо с верху было указание всем эвакуироваться бывший председатель по фамилии Потураев заехал к нам... мы все находились на подводах на легковой машине и заявил всем... что убивают только коммунистов одна женщина с колонии сказала как в библии сказано "Если бьют по одной щеке подставляй другую" и все выгрузились. Мы ждали самых старейших ихнее слово для всех они вышли и благословили в путь, а мы старые нам разницы нет где умереть и наш караван двинулся в путь.

Впоследствии в нашей местной газете описала бывшая сирота с приютного дома их всех эвакуировали на Урал что это село было зажиточное и багатое они любили и приходили на праздники слушать песни и танцы.

Погибло примерно одна тысяча еврев".

Вернёмся на фронт, к Листу на Изю Островского, там приложена "похоронка" — извещение о смерти, обычное: "верный присяге, проявил геройство и мужество... умер от ран..."

Аналогичную "похоронку" получили родные Арона Ю., но за ней совсем другая история. "Он был врач и погиб 22-х лет, от пули советского офицера, которому показалось, что врач-еврей уделяет больше внимания раненым евреям, чем другим. Нам об этом написал его ординарец", — сообщает дочь Арона Ю., о рождении которой отец там, на фронте, не успел узнать.

Еврейская смерть — разнообразна. "Боевые друзья", случалось, вторили врагам. Меир и Эстер-Хана К. (соответственно 22 года и 20 лет) бежали из гетто в Опатове (Польша), где погибла вся их семья, около 30 человек. Они нашли в лесу польских партизан (Армия Крайова) и воевали вместе с ними, а осенью 1942 года теми же партизанами — убиты.

Слишком просто высмотреть здесь "польский" антисемитизм или, в других случаях, "украинский", "немецкий"...

П. (украинец): "В каждом человеке сидят гены зла. Я как биолог говорю".

"Я, Г.Галина... хочу рассказать... о гибели моих родных в г. Умани Киевской области... в июне-июле 1941 года.

... в городе было безвластие. Красная армия ушла, а немцы ещё не пришли. Был только маленький немецкий развед-отряд с лейтенантом во главе.

Украинские учителя пошли по всем домам собирать евреев. Их повели за город, за дендропарк "Софиевка" и приказали рыть яму. Потом их затолкали в эту яму живыми и засыпали землёй. Люди рассказывали, что несколько дней земля колыхалась и была в этом месте пропитана кровью. Руководили злодейством украинские учителя, а немецкий офицер стоял в стороне и наблюдал.

...одна девочка (11-14 лет) выбралась из этой страшной могилы, и её, всю окровавленную, спасла украинская семья".

Эк, как виляет украинская тема! Зал Имён крутит сюжеты.

Геня К. жила в Чехословакии, которую немцы пожрали в 1938 году. Лист на Геню К. сопровождают две бумаги. Первая — открытка, высланная 25 октября 1938 года из Праги в Москву:

"Дорогие, милые Маша и Дора! Вы не отвечаете вот уже второй год. Это уж не интересно, а просто для вас дёшево, а для меня сердито. До сих пор я выдерживала маму, заботилась о ней. Исаак уже 1,5 года как без работы в Америке. Я вам писала об этом, но вам как видно удобнее не реагировать на это. Я бы этого от вас не ожидала. Теперь так: мы бежали из Судетов... и оставили всё: мебель, вещи, своё дело, всё, всё. Подумайте двое маленьких детей и маму везла полуживую как раз после припадка была. Здесь мы все 5 в одной маленькой комнатушке и абсолютно без средств...

Прошу вам бросьте ваше интересное молчание и будьте людьми. Я была на русском консульстве и мне сказали, что через банк могли бы мне для мамы посылать. Если вы на этот раз не ответите, то, при-

знаюсь, отказываюсь всё понимать. Жду вашего скорого ответа. Ваша Геня.

Обратитесь в Наркомфин Иностранный Отдел и постарайтесь получить разрешение посылать мне деньги. Я начала хлопоты о въезде в СССР. Напишите".

Вторая записка от автора Листа, племянницы Гени К.: "Это последнее письмо моей тёти Гени. Обращается моя тётя к своим сёстрам Маше и Доре, жившим в Москве, с просьбой о помощи. Однако в 1938 году в Москве уже не было ни Доры, ни Маши. Моя мама Мария находилась в это время в Карагандинском лагере в Казахстане как член семьи изменника родины. (Отец мой был расстрелян в 1936 году как враг народа). Сестра Дора находилась в это время в Кокчетаве в Казахстане, куда был сослан её муж. Письмо попало к нам через годы от соседей, сохранивших его".

Как могла тётя Геня К. там, в европейской Праге, понять, почему родственники из Союза — молчат?! "Не отвечаете уже второй год"... Может, за те письма и загремели в лагерь и ссылку Маша и Дора.

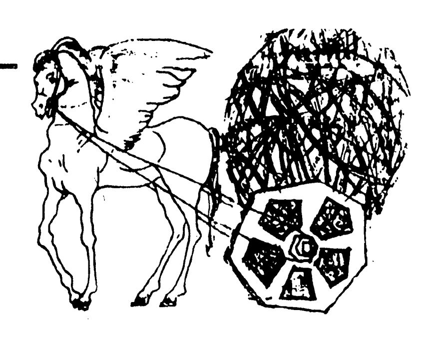
Чёрные ниши, чёрные ряды папок... Полы Зала выстланы тканью, глушащей шаги. Тишина, немота... Тупик...

Перед сумрачным строем ниш шеренгой почётного караула замерли шесть светильников. По числу убитых миллионов. Тонкие столбики, равно отстоящие друг от друга, точно отмеряют ритм, словно метроном отмеривает бесконечный ход времени. Столбики свиты из металлических прутьев, схваченных сваркой, прутья извиваются снизу вверх, где распускаются разверстыми кистями множество рук — стебель, несущий на себе пышное соцветие. Руки, раскрытые ладони — старинный символ благословения и защиты.

Может быть, в этом и была главная идея скульптора Перли Пельциг. Но внутри соцветия затаилась небольшая лампочка, и свет, пробиваясь оттуда сквозь сплетения ладоней и пальцев, кладёт их чёрными тенями на потолок. Это — между нишами, где клубятся призраки убитых, и местом для посетителей, это — между живыми и мёртвыми, и руки то ли тянутся из могил сюда, в жизнь, то ли мы протягиваем их ушедшим... Связь людей, связь времён — она всё- таки не рвётся..

Пришёл в Зал человек, он полвека уже иерусалимец. В 1939-м бежал из Варшавы, семья (большая была семья) осталась там в гетто и погибла. Он пришёл в Зал спросить, не написал ли кто-нибудь Листы на его семью, и, если удастся, узнать, как и где они умерли... И.С., отжужжав на экране своей машинки ленту с фотографиями Листов, высмотрел старику Лист на его отца, подписанный братом, живущим в Соединённых Штатах Америки. Через пятьдесят лет чёртиком из волшебной шкатулки, птицей Феникс из пепла — восстал братик Мотеле. Через мёртвого отца соединились братья...

"Окна", 6-12 апреля, 13-16 апреля 1995 г.

Эльза ЛАСКЕР-ШЮЛЕР (1876-1945)

Из цикла "Еврейские баллады"

ПРИМИРЕНИЕ

Моей матери

Большая звезда скатилась мне на колени.
Этой ночью мы не уснём.

Произнесём молитвы,
Где каждое слово арфе подобно.

Ночь — пора примирения.
Так обильно излился на нас Господь.

Наши две души словно дети,
Что спят в усталости сладкой.

В поцелуе сливаются губы —
Отчего ты дрожишь?

Нераздельны наши сердца,
Кровью твоей мои щёки алы.

Ночь — пора примирения.
Мы бессмертны, пока обнимаем друг друга.

Большая звезда упала мне на колени.

МОЙ НАРОД

Искрошена скала,
Что мне дала исток,
И где внимал моим молитвам Бог...
Покинув путь прямой,
Я одинокой речкой потекла
Вдаль, через камни горя,
К морю.

Меня отбросил прочь
Крови моей ток,
Броженье горькое крови.
Но эхом отзываюсь вновь и вновь,
Когда
Истошно,
глядя на Восток
Скалы истлевшей остов —
Мой народ
Взывает к Богу.

АВЕЛЬ

Обличье Каина Господу неугодно.
Авеля лик — словно сад золотой,
Глаза его — соловьи.

Светлую песню поют
Струны Авелевой души.
Каина тело — к гробницам города путь.

Он восстанет на брата и брата убьёт.
Авель, Авель, кровью твоей обагрится небо.

Где же Каин, я крикну ему:
Зачем ты убил сладкогласых птиц,
Что жили у брата во взоре?

АВРААМ И ИСААК

Явился Авраам в долину Ханаана,
Построил дом себе из дерева и глины
И с Богом говорил он невозбранно.

Сходили ангелы не раз под кров гостеприимный,
И был им рад хозяин несказанно,
Благоволением Всевышнего хранимый.

Раз гости поутру услышали спросонок,
Как блеял под оливами ягнёнок:
То Авраамов сын играл во всесожженье.

И вот Господь воззвал: ты слышишь, Авраам?!
Он внял и воспарил душою к небесам.
В знак беззаветного служенья

Воздвиг он жертвенник в горах, и там
Готов заклать был сына Исаака.
Господь любил его, однако.

АГАРЬ И ИЗМАИЛ

Играли в раковины дети Авраама,
Челны из перламутра по волнам пускали,
И робко Исаак клонился к Измаилу.

Два чёрных лебедя им пели песнь печали,
Их пёстрый мир наполнив тёмными тонами:
Изгнанница Агарь в пустыню сына уводила.

Смешались слёзы их и по щекам сбегали,
И их сердца, журча священными ключами,
Своим биеньем страусиный бег опережали.

А солнце яростным огнём пылало над песками.
И отрок и Агарь на мех пустой упали,
Грызя песок горячий негритянскими зубами.

ФАРАОН И ИОСИФ

Доктору Бенну

Фараон не желает цветущих жён,
Что благоухают садами Амона.

Голова царя на моей груди,
Источающей запах пшеницы.

Весь из золота фараон.
Переливчаты очи его,
Как текучие волны Нила.

А сердце его угнездилось в моей крови.
Десять волков пришли к моему водопою.

Фараон не может забыть
О братьях моих,
Что ввергли меня в колодец.

Во сне его руки подобны столпам
И грозны!

Но шелест нежного сердца его
Во мне отдаётся.

Потому и слагают мои уста
Сладчайшие песни
В колосьях моих рассветов.

ДАВИД И ИОНАФАН

В Писании наши с тобой имена
Переплелись венком.

Детские наши игры
Поныне в звёздах живут.

Я Давид,
Ты мой товарищ милый.

О как стали алы
Белые агнцы наших сердец!

Как побеги псалмов любви
Под праздничным небом.

Но во взоре твоём прощанье —
С поцелуем прощальным ты тихо уходишь.

Как же сердце твоё обойдётся
Без моего,

Ночь твоей свадьбы
Без моих песен?

ЭСФИРЬ

Эсфирь стройна, как луговая пальма.
От уст её исходит аромат пшеницы
И праздников пленённой Иудеи.

В её душе звенел ночами стих Псалтири.
Чужие боги ей, застыв, внимали.
Как улыбался царь возлюбленной царице!
Но возлюбил Господь её сильнее.

А иудеяне слагали песни об Эсфири
И пели их сестре, у врат дворца робея.

РУФЬ

А ты всё ищешь меня у ограды.
Слышу вздохи твоих шагов.
Мои глаза — тяжёлые, тёмные капли.

Сладостно взоры твои расцветают
В сердце моём,
Когда глаза мои бродят средь сновидений.

У колодца в моей отчизне
Ангел стоит,
И поёт он песню моей любви,
Песню Руфи.

САВАОФ

Боже, люблю тебя в ризах из роз,
Когда из садов Эдема выходишь ты, Саваоф.
О юноша-Бог,
О сладкопевец,
Одиноко вдыхаю мирры твоей ароматы.

Душа моя, расцветая, взалкала тебя.
Приди же,
Возлюбленный Бог,
Друг детских лет моих, Бог,
В жару моего томленья тает врат твоих злато.

СУЛАМИФЬ

О, как мало блаженства успела
У твоих я изведать губ!
Но уже уста Гавриила
Обжигают сердце...
И выпивает туча ночная
Кедровую зелень сна моего.
Как жизнь твоя молит остаться!
Но я умираю
С цветущею скорбью в сердце
И растворяюсь в пространстве,
Во времени,
В вечности,
И душа догорает в вечернем багрянце
Иерусалима.

перевод с немецкого Ольги Бараш

Сильвия ХЕНКЕ

"Я НЕ ПОСТРОИЛА СЕБЕ ДАЖЕ КОВЧЕГА..."

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СМЕРТИ ЭЛЬЗЫ ЛАСКЕР-ШЮЛЕР

В 1919 году Курт Пинтус составлял свою известную антологию поэзии "Сумерки человечества", в которую включил и стихи Эльзы Ласкер-Шюлер. Он попросил пятидесятилетнюю поэтессу написать короткую автобиографию для антологии. И вот что она написала: " Я родилась в Табе (Египет), хотя появилась на свет в Эльберфельде, в немецкой провинции Рейнланд. До одиннадцати лет ходила в школу, потом стала Робинзоном, пять лет прожила на Ближнем Востоке и с тех пор влачу жалкое существование".

Эльза Ласкер-Шюлер всегда окутывала факты своей биографии фантастическими легендами, путала города, искажала даты... Она называла себя Юсуфом, принцем Табы, и Тино Багдадским, чёрным лебедем, Робинзоном или индейцем со звучным именем Синий Ягуар. Ей было то тысяча лет, то всего два года, и дела земные она воспринимала то как свои собственные, то как не имеющие к ней никакого отношения. "Я часто вешаюсь ночью, — писала она. — Вот только утром не могу найти дерева, на котором повесилась. Прошу вас, не говорите никому о моём невезении. Хотелось бы стать простым пастухом, а не вызывающим жалость принцем Табы".

Бесчисленным ролям, которые любила играть поэтесса и которые сбивали с толку критиков и друзей, сродни её легендарный платок, в который она куталась. Однако постоянная смена маскарадных костюмов имела и свои последствия. Ведь чем больше легенд складывается вокруг того или иного человека, тем больше вероятность, что его настоящая жизнь, его действительное лицо исчезнут из поля зрения потомков. Так получилось и с Эльзой Ласкер-Шюлер, судьба которой была нелёгкой: в 1933 году, после прихода к власти национал-социалистов, ей пришлось покинуть Германию. Но в воспоминаниях остались чуть ли ни одни только "художественные" истории, притчи и анекдоты. Вот только один пример — из речи Готтфрида Бенна 1952 года: "Эльза Ласкер-Шюлер жила в 1912 году в Халензее в меблированной комнате. С того времени и до самой её смерти у неё никогда не было собственной квартиры. Только тесные комнатушки, набитые игрушками, куклами, плюшевыми медведями, всяким хламом. Она была маленького роста, тогда еще и худенькая, как подросток. Волосы — чёрные, как вороново крыло, — она стригла коротко, что в то время было редкостью. Огромные, тёмные, как ночь, глаза таили в себе некую загадочность, непонятность. Стоило только тогда (впрочем, и позже тоже) выйти с ней на улицу, как все вокруг застывали и начинали смотреть на неё. Она носила эксцентричные длинные юбки или брюки, совершенно немыслимые блузы, на

шее и на запястьях — яркие дешёвые украшения (браслеты, цепи), такие же — фальшивого золота — серьги в ушах и кольца на пальцах. Так как она поминутно отводила рукой пряди волос со лба, то эти безвкусные кольца сразу бросались в глаза. У неё нередко не было крыши над головой, и она спала на скамейках в парках. Она всегда, в любом возрасте и в любом городе оставалась бедной".

Картина, которую нарисовал через семь лет после окончания войны выдающийся немецкий лирик Готтфрид Бенн, очень поэтична. У неё только один недостаток: в описании этой сказочной героини, этой маленькой бродяжки, всегда бедной и бесприютной, не хватает важнейшего переломного периода её жизни — изгнания из Германии и последней эмиграции в Иерусалим. Между "таинственным" исчезновением Эльзы Ласкер-Шюлер в 1933 году и столь же патетическим её возвращением в родной дом — провал.

Впрочем, о духовной родине поэтессы говорить не просто. В своих стихах Эльза Ласке-Шюлер столь же часто обращалась к еврейским традициям, как и к христианским мифам, восточным легендам и сказкам новейшего времени. Причем лучшим синонимом к слову "обращение" будет здесь, пожалуй, "поворот". Поэтесса в самом деле поворачивала и переворачивала всё перечисленное на свой лад. Её оригинальные аллитерации заставляют вспоминать о текстовых особенностях Торы, кабалистических метафорах и трудах иудейских теологов. Однако фигуративное поле у поэтессы — другое, её эмблемы носят космический характер. Поэтому соединение слова и зрительного образа приобретает новое значение, которое лишь в поверхностном смысле связано с древней традицией.

Не случайно именно это стало причиной её разлада с Гершомом Шолемом. Они встретились в Палестине, и после этой встречи Эльза Лескер-Шюлер записала в дневнике: "Шолем попытался отравить меня своей логикой, спустив с небес на землю легендарный святой Израиль и обрубив божественные корни папируса. Я сказала ему, что брак между чудом и логикой школьного учителя является мезальянсом. И возмущённо убралась восвояси".

Раздражение, кстати говоря, было обоюдным. В одном из писем к философу Вальтеру Беньямину Шолем так рассказал о встрече с поэтессой: "Сейчас в Палестину приехала, как я тебе уже, кажется, писал, Эльза Ласкер-Шюлер. Её рассуждения — это какие-то интеллектуальные развалины, в которых витает призрак безумия". Похоже, что с этим определением был согласен и Франц Кафка. "Я не выношу её стихов, — говорил он об Эльзе Ласкер-Шюлер. — Их чтение не вызывает у меня ничего, кроме скуки (настолько они пусты) и отвращения (от перенасыщенности художественностью)".

Ну, а как сама Эльза Ласкер-Шюлер отзывалась о своём творчестве? "Я никогда не пыталась построить какую-то систему, как это делают умные

женщины, — писала она. — И никогда не привязывалась к какому-либо мировоззрению, как это делают умные мужчины. Я не строила себе даже ковчега. Я не связана, я свободна..."

"Несвязанность" эта относится и к выбору жанра. Многие поклонники творчества Эльзы Ласкер-Шюлер охотно ограничились бы (как это сделал, например, Готтфрид Бенн) только её лирикой. Ну, ещё с автобиографической прозой, пожалуй, можно примириться. А драмы — забыть за неважностью, а эпистолярный жанр, письма — лучше всего вообще обойти молчанием.

Но всё, однако, не так просто. Эльза Ласкер-Шюлер не просто пыталась работать в разных жанрах — она беспечно перемешивала эти жанры между собой. Её проза написана в форме писем, а письма снабжены иллюстрациями и буквицами. Поэзия облачена в экзотический костюм и драматизирована, а драмы она сама называла "поэзией в движении".

Из трёх драматических произведений, которые она создала, больше всего споров и критических замечаний вызывает "театрализованная трагедия" — так определила её сама Эльза Ласкер-Шюлер, — "ЯиЯ". Она была написана в 1940-41 годах в Иерусалиме и долгое время считалась свидетельством тяжёлой душевной болезни автора. И по этой причине до 1980 года даже в наиболее полные издания произведений Эльзы Ласкер-Шюлер не включалась.

Любопытно, однако, что в качестве основных доказательств явной неудачи этой пьесы и помешательства её автора чаще всего приводились аргументы чисто формального характера: у пьесы нет композиции, она фрагментарна, диалоги бессвязны и т.д. Однако хрупкость формы связана с материалом, который лёг в основу пьесы, являющейся отражением внутренней трагедии автора. Безвыходность, отчаяние, невозможность в логических категориях осмыслить происходящее в Европе, — всё то, что сломало саму Эльзу Ласкер-Шюлер, сломало и драматическую форму. Ведь это была одна из попыток — естественно, очень субъективных — творчески осмыслить природу национал-социалистического террора.

"Kulturchronik" (Германия). Публикуем по переводу из журнала "Зеркало" (Тель-Авив), № 128, 1995 г.

ТАЙНА ЕДИНСТВА

АРАБСКАЯ И ЕВРЕЙСКАЯ МИСТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Поэзия — наиболее чуткая и восприимчивая часть души каждой цивилизации. Обходя догматические и обрядовые конфессиональные различия, именно поэзия являет скрытую сущность каждой религии: порыв к Творцу, тоску по воссоединению с Ним. И здесь возникали не только точки — целые пространства соприкосновения культур, ибо в этой области заимствования и взаимовлияния никого не могли обеднить, но всех обогащали.

В этом смысле очень интересны религиозно-поэтические контакты между Иудейством и Исламом. Влияния здесь были взаимны. Древним евреям принадлежит первенство в создании мистико-экстатической поэзии. Великой заслугой арабов является сотворение грандиозной, не имеющей себе равных по глубине осмысления бытия и красоте образов, философской системы суфизма. В начальный период формирования Ислама еврейская поэзия (посредством Библии) оказала мощное влияние на Коран. В последующие же века поэзия евреев, живших в мусульманских странах, испытала формирующее воздействие поэзии арабской, особенно суфийской системы образов и метафор. Еврейские поэты заимствовали арабскую метрику стихосложения, а также формы поэтических произведений: стали создавать газели, касыды, рубайи...

Краеугольный камень мировоззрения суфиев — это абсолютное единство Бога (по-арабски *"вахидиййат"*, по-др.-евр. *"ахадут"*), эманацией, или инобытием которого является множественная вселенная. Это единство непознаваемо ни чувственно, ни логически, и приблизиться к нему можно только в высшем религиозном экстазе, когда дух человека соединяется с Духом Божьим и сливается с Ним воедино. Путь к достижению единения со Всевышним проходит обычно под наблюдением учителя-*шейха*, постепенно возводящего ученика-*мюрида* от видимого и явного к незримому и сокрытому. Отсюда — удивительная образность суфийской поэзии, где вещи и явления всем знакомые и ярко чувственные означают глубокие тайны духовной жизни: вино символизирует опьянение близостью Создателя; страстное стремление души к Возлюбленному — проникновение в высшие духовные миры; любовная тоска и томление — воспоминание о пережитом мистическом озарении...

Так же и еврейские поэты-мистики для описания восторженных состояний единения с Господом пользуются традиционными образами из Книг Пророков, а более всего — из Песни Песней. Тогда Невеста означает душу, ищущую своего таинственного Жениха, непостижимого, являющегося на миг — и вновь скрывающегося, подобно горному оленю. Но этот образ может пониматься и иначе, — ведь, согласно иудейским религиозным представлениям, народ Израиля — это "возлюбленная Божья", изгнанная из брачного чертога и молящая Друга о прощении (ср. Иеремия 31, 3-4).

Предлагая вниманию читателей образцы произведений арабских и еврейских поэтов Средневековья, мы постарались представить в этой подборке такие грани их творчества, которые с разных сторон высвечивают основную тему религиозной поэзии — тему единства Творца и Его творения.

Омар ибн аль-ФАРИД (1181-1235)

Из поэмы "СТЕЗЯ ПРАВЕДНОГО"

Не без Моей всесильной воли неверный повязал "зуннар"[1] —
Но снова снял, не носит боле, с тех пор как истину узнал.

И, если образ благостыни в мечетях часто Я являл,
То и Евангельской святыни Я никогда не оставлял.

Не упразднил Я Книгу Торы, что дал евреям Моисей, —
Ту Книгу мудрых, над которой не спят в теченье ночи всей.

И, коль язычник перед камнем мольбу сердечную излил, —
Не сомневайся в самом главном: что Мною он услышан был...

Известно правое Ученье повсюду, веку испокон,
Имеет высшее значенье любой обряд, любой закон [2].

Нет ни одной на свете веры, что к заблуждению ведёт,
И в каждой — святости примеры прилежно ищущий найдёт.

И тот, кто молится светилу, не заблудился до конца:
Оно ведь отблеск сохранило сиянья Моего Лица!

И гебр, боготворивший пламя, что тысячу горело лет,
Благими подтверждал делами, что, сам не зная, чтит Мой свет:

Блистанье Истинного Света его душа узреть смогла,
Но, теплотой его согрета, его за пламя приняла...

Вселенной тайны Мною скрыты, их возвещать Я не хочу,
И мира зримого защита — в том, что о тайнах Я молчу.

Ведь нет такой на свете твари, что высшей цели лишена,
Хотя за жизнь свою едва ли о том помыслит хоть одна!..

ИЗ "КАСЫДЫ О ВИНЕ"

О влюблённые, пусть ночь темна — нам светло от чистого вина [3],
Эта чаша Кравчим луноликим нам поднесена.

Мы из века в век опьянены, Ликом Кравчего восхищены,
И очей Его сияньем вечным жизнь озарена!

Средь светил мерцающих ходя, ясным светом в полночь исходя,
Опьяняет звёзды эта чаша — полная луна.

Этой влагой дух наш опьянён с самых незапамятных времён—
Не была ещё лоза в ту пору Ноем взращена![4]

Что извне увидеть нам дано? — Как сверкает, пенится вино!
Ибо сущность самого экстаза — в нас утаена.

Что извне услышать нам дано? — Только Имя Горнее одно!
Ибо это Имя — в нашем сердце, Им душа пьяна!

Даже те, кто, в немощи души, видят запечатанный кувшин [5], —
Даже те провидят эту радость, даже в них она!

Если же на спящих мёртвым сном брызнешь ты живительным вином, —
Шевельнутся мёртвые в гробницах, встанут ото сна!..

Ибрахим ибн САХЛЬ (1208-1260)

* * *

Неисцелимо небо под вечер —
Любовник, лишённый последней встречи!

От страсти и боли ослабло светило [6],
На ложе голову опустило.

Вспышка и дрожь — и умолкнувший страшен:
Слёз океан — его кровью окрашен!

Солнце упало: от плача незрячий,
Чашу кипящую выронил кравчий...

* * *

Страсть — раскалённая жаровня,
И сердце полыхает в ней,
Но нет — напрасен жар любовный:
Ты с каждым днём всё холодней!

На Твой вопрос: "Какой ты веры?" —
Я замираю от любви,
Забыв и притчи, и примеры
И спутав доводы свои [7]...

И, хоть хочу Тебе молиться
Молитвой верных мусульман, —
Как от огня — зороастрийцы,
От света глаз Твоих я пьян!..

Шломо ибн ГАБИРОЛЬ (1021-1058)

Из поэмы "ЦАРСКИЙ ВЕНЕЦ"

...Ты — един, о числа и отсчёта основа [8],
Ты — надёжный фундамент строенья любого.

Ты — един, и Тебя мудрецы не постигли —
Перед Тайной Единства смутились и стихли.

Ты — един, нет в Тебе ни ущерба, ни роста,
Ни различий земных между "сложно" и "просто".

Ты — един, и названья вещей во вселенной
Не касаются сути Твоей неизменной.

Ты — един: в эту тайну я тщетно вникаю,
И, греха опасаясь, уста замыкаю...

*

Ты — предвечен. И чувства, взирая на чудо,
Отменяют свои — "как", "зачем" и "откуда".

Ты — предвечен, и знаешь лишь сам Свою Суть:
Разве Вечность вмещает ещё кто-нибудь?

Ты — предвечен: вне времени Ты обитаешь,
Вне пространства в местах непостижных витаешь.

Ты — предвечен. Сиё недоступно уму:
Бездну таинств удастся ль измерить кому?..

*

Ты — живой. Эта Жизнь не имеет истока
И от века не знает начального срока.

Ты — живой, но живёшь без души и без тела,
Сам всемирной душой управляя всецело.

Ты — живой, но живёшь без томленья и страха,
А не так, как живут дети тленья и праха.

Ты — живой: кто коснулся Сокрытой Причины
И вкусил — тот вовек не увидит кончины !..[9]

Иегуда ГАЛЕВИ (1080-1142)

* * *

О взгляни , Возлюбленный, с участьем:
Я к Тебе взываю и молю!
За грехи наказанный изгнаньем,
Я скитаюсь, бедствия терплю [10].
За Тобой бегу, Непостижимый,
И воскрылья риз Твоих ловлю [11],
И твержу Твоё святое Имя,
И в разлуке гибельной скорблю.
Чем Ты больше мне приносишь боли —
Тем сильней, тем пламенней люблю!

К СВОЕЙ ДУШЕ

Принцесса, ты бедствуешь ныне со мной,
Как пламя лампады в каморке ночной,
Когда ж догорит моей плоти фитиль [12] —
Вернёшься на небо, в чертог свой родной.
Там вкусишь ты Торы святые плоды,
Что медленно зрели в юдоли земной,
И добрых деяний процеженный мёд,
И дар незаслуженный, тайный, иной ... [13]
Там, замысел Неба свершив на земле,
Не вспомнишь из прежних невзгод ни одной,
Там в ангельской арфе, хвалящей Творца,
Ты станешь ликующей новой струной!

ПРИМЕЧАНИЯ

Омар ибн аль-ФАРИД

Крупнейший арабский поэт-суфий. Египтянин, жил в уединении недалеко от Каира. Древние мистические учения Египта влияли как на христианских (коптских) монахов, так и на отшельников-суфиев. Почитался суфийским святым, его стихи пели на суфийских радениях, особенно "Касыду о вине".

[1] *"Зуннар"* — священный пояс, которым препоясывались зороастрийцы (*"гяуры"* — *"неверные"*). *"Снять зуннар"* — означает принять Ислам.

[2] *"Имеет высшее значенье... любой закон".* — Суфизм утверждает тождество внутреннего (эзотерического) содержания всех религий, которые суть разные ступени восхождения к Единой Истине.

[3] *"Нам светло от чистого вина"*. — Вино у суфиев — постоянный символ мистического экстаза — "духовного опьянения", его подносит *"Кравчий"* — сам Бог.

[4] "*Не была лоза ещё в ту пору Ноем взращена*". — Суфии считают своё учение древнейшим, оно предшествовало Потопу.

[5] *"Видят запечатанный кувшин..."* — образ *"запечатанного"* от непосвященных в Учение, которое постигается лишь в экстатическом озарении. Под *"мёртвыми"* (последний бейт) подразумеваются неверующие.

Ибрахим ибн САХЛЬ

Еврей, принявший ислам, но сохранивший прозвище "аль-Исраили" — "израильтянин". По-видимому, признавал истинность обоих учений, что характерно для суфия. Уроженец Севильи, он стал одним из самых ярких поэтов Андалусии.

[6] *"От страсти и боли ослаблю светило..."* — иллюстрация к суфийской концепции "инобытия Аллаха": природа отражает страстную тоску человека по Создателю.

[7] *"И спутав доводы свои..."* — суфий, достигший "непосредственного ведения" Истины, уже не придаёт значения внешним формам религии.

Шломо ибн ГАБИРОЛЬ

Родился в Малаге (Испания). Один из крупнейших поэтов-теологов еврейско-арабской культуры. В христианских странах почитался как восточный мудрец по имени Авицеброн.

[8] *"Ты — един..."* — В поэме поэтически осмысляются философские представления свойств и качеств Творца — единство, вечность, жизнь и т.д.

[9] *"Тот вовек не увидит кончины!.."* — Восходящее к неоплатонизму каббалистическое учение о тождестве познающего с познаваемым: человеческий дух, познающий качества Бога, в т.ч. — Его бессмертие, сам становится им причастен.

Иегуда ГАЛЕВИ

Родился в Толедо (Кастилия), умер, по преданию, в Святой Земле, во время паломничества. Автор знаменитой книги "Кузари", содержащей сравнение разных религиозных учений. В его стихах личность самого поэта часто неотличима от "коллективной личности" народа Израиля, — традиция, унаследованная от библейских пророков.

[10] *"За грехи наказанный изгнаньем..."* — Перенося тяготы изгнания из Святой Земли (*"галут"*), как отдельный человек, так и весь народ укрепляется в своей любви к Создателю. Каждое из пяти двустиший (бейтов) изображает одну из ступеней духовного восхождения: 1. покаяние; 2. осознание земной жизни как следствия "изгнания" из духовного мира; 3. постоянное "искание" Бога; 4. запечатление Его Имени в сердце (*"зехер"*, эквивалент мусульм. *"зикр"*); 5. самозабвенная жертвенная любовь к Творцу.

[11] "*И воскрылья риз Твоих ловлю...*" — мистическое представление о том, что видимый мир — это "одеяние" Божества, восходит к Библии (ср. Псалом 101, 26-27 и Псалом 103, 2).

[12] "*Когда ж догорит моей плоти фитиль...*" — По учению Каббалы, человек подобен зажжённой лампаде: его тело — фитиль, жизненная сила — масло, "живая душа" — огонь, "разумная душа" — свет. К душе и обращено это стихотворение.

[13] "*И дар незаслуженный... иной*." — В "будущем мире" ("*Олам Хабба*") человек не только вкушает плоды изучения Торы и своих добрых дел, но и воспринимает непредставимую на земле благодать Божью — "Сияние Шехины" ("*Зив шель-Шехина*").

перевод, вступление и примечания Дм. Щедровицкого

Наапет КУЧАК (? — ок. 1592)

АЙРЕНЫ

* * *

Осенним листом шурша, дрогнет сердце, зябко дрожит,
И слёзы — весенний дождь — по щеке ненастье струит.
Из тела ушла душа, в пустоте лишь ветер кружит...
Я изгнан тобою... Пусть... Но куда мне деться, скажи?

* * *

Плыла бесконечно ночь... Тёплый мир лениво дремал.
Плёл радугу лунный луч, серебром меня осыпал.
Любимый пришёл во сне — по щекам огонь побежал...
Вдруг сон мотыльком вспорхнул. Надо мной — лишь месяц пылал.

* * *

— Пьянящая амбра — плоть. Рот — рубин, глаза — изумруд...
Умыта росою роз, ты на щёки вылила пруд!
— Коль я тебе так мила, приласкай желанную грудь.
Войди в красоту, как в сад, и в саду хозяином будь.

* * *

Будь трижды удачлив тот, кто ушёл с любимой, бежал.
Едва миновали мост — камни смыл взметнувшийся вал.
Следы их упрятал снег, сверху иней спешно упал...
Он ввёл её в светлый сад и — при свете — поцеловал.

* * *

Хоть ты мне подай совет. Знал бы сам — не ведали б мук.
Люблю и любим. И что? Что от нас хотят все вокруг?
Увидят меня: "Вот он!" — тычут пальцем семьдесят рук.
Да кто я — убийца, вор? Что за желчь возмездия вдруг?!

* * *

Дорога петляет вниз... Вижу: дверь открыта одна.
С поклоном вхожу: "Добро!" За столом широким — она.
Перед нею стоит, полна, золотая чаша вина.
— Любимая, пей до дна, а моя душа — так пьяна...

* * *

Спешил переулком вниз. Чьи-то вещи сохнут-висят.
Сорочку среди белья ухватил нечаянный взгляд.
Узором расшита грудь. Рукава — о страсти кричат.
Полмира за право мне снять с хозяйки этот наряд.

* * *

Ударила в сердце весть: "Твой дружок отныне монах!"
До пят прокатилась дрожь, заметалась мысль впопыхах.
Вчера сладкоежка — что ж, как он сможет жить на бобах?
Как рубище смог надеть он, привыкший к шёлку рубах?

перевод с армянского Владимира Айвазьяна

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка художника
Марка Ибшмана

Набор, вёрстка, оформление выполнены
в издательстве "НОЙ"

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 020338 от 26.12.1991 г.

Формат 60x84/16
Бумага офсетная
Заказ 760

Цена свободная
Тираж 999 экз.

113534 Москва, а/я 11
Телефон: (095) 386-25-63

ISBN 5-7270-0012-2

Московская типография № 9
Комитета Российской Федерации по печати
109033, Москва, Волочаевская, 40

НОЙ
נח
יז